

K 1488694

62

Литературно-художественный и краеведческий альманах

Над Мексной

Четвертый выпуск

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Литературно-художественный и краеведческий альманах

Над Мексной

Четвертый выпуск

18+

Череповец, 2017 г.

ISBN 978-5-94022-032-9

От редактора

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках очередной выпуск литературно-художественного альманаха «Над Шексной», который на этот раз носит ярко выраженную краеведческую направленность.

К такому решению нас побудило несколько обстоятельств: 230-летний юбилей одного из выдающихся представителей «золотого века» русской поэзии, вологжанина по происхождению К.Н. Батюшкова, чья жизнь и творчество тесно связаны с череповецкой землей; опаленные Великой Отечественной войной малоизвестные судьбы многих жителей нашего района, образцово выполнявших свой гражданский долг и в послевоенное время; до сих пор недостаточно полно раскрытые и требующие дополнительного исследования истории литературного Череповца; наконец – стремление авторов издания донести до читателя свои сокровенные мысли о главном, что всех нас объединяет и роднит – о любви к своей Малой Родине и уважении к людям, творцам ее истории.

Несмотря на некоторый «юбилейный» оттенок отдельных материалов, читателю наверняка покажутся интересными остающиеся актуальными мысли Константина Батюшкова о поэте и поэзии, а также сведения о боевом пути поэта-воина и связанных с его именем реликвиях, хранящихся во Всероссийском музее А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге. Это, а также другие статьи, посвященные поэту, прозаику, переводчику, художественному критику и литературному учителю А.С. Пушкина, не только расширяют географию источников наших публикаций, но и показывают масштаб личности К.Н. Батюшкова, ставшего в настоящее время литературным брендом Вологодской области.

Мы выражаем особую благодарность президентскому фонду «Перспектива» и его руководителю – Свинину А.А., за поддержку наших усилий по развитию и популяризации краеведческих исследований в Череповецком муниципальном районе Вологодской области, сделавшей возможным выпуск данного альманаха и реализацию ряда других социально значимых проектов в рамках заявленной на конкурс общественной организацией «Батюшковское общество» краеведческой программы «Отечески Пенаты».

К 230-летию К.Н. Батюшкова

К.Н. Батюшков

НЕЧТО О ПОЭТЕ И ПОЭЗИИ

Поэзия — сей пламень небесный, который менее или более входит в состав души человеческой — сие сочетание воображения, чувствительности, мечтательности, — поэзия нередко составляет и муку и услаждение людей, единственно для нее созданных. «Вдохновением гения тревожится поэт», сказал известный стихотворец. Это совершенно справедливо. Есть минуты деятельной чувствительности: их испытали люди с истинным дарованием; их-то должно ловить на лету живописцу, музыканту и, более всех, поэту: ибо они редки, преходящи и зависят часто от здоровья, от времени, от влияния внешних предметов, которыми по произволу мы управлять не в силах. Но в минуту вдохновения,

в сладостную минуту очарования поэтического я никогда не взял бы пера моего, если бы нашел сердце, способное чувствовать вполне то, что я чувствую; если бы мог передать ему все тайные помышления, всю свежесть моего мечтания и заставить в нем трепетать те же струны, которые издали голос в моем сердце. Где сыскать сердце, готовое разделять с нами все чувства и ощущения наши? Нет его с нами — и мы прибегаем к искусству выражать мысли свои, в сладостной надежде, что есть на земле сердца добрые, умы образованные, для которых сильное и благородное чувство, счастливое выражение, прекрасный стих и страница живой, красноречивой прозы — суть сокровища истинные... «Они не могут читать в моем сердце, но прочитают книгу мою», — говорил Монтань и в самые бурные времена Франции, при звуке оружия, при зареве костров, зажженных суеверием, писал «Опыты» свои и, беседа с добрыми сердцами всех веков, забывал недостойных современников.

Некто сравнивал душу поэта в минуту вдохновения с растопленным в горниле металлом: в сильном и постоянном пламени он долго остается в первобытном положении, долго недвижим; но раскаленный — рдеет, закипает и клокочет; снятый с огня, в одну минуту успокоивается и упадает. Вот прекрасное изображение поэта, которого вся жизнь

должна готовить несколько плодотворных минут: все предметы, все чувства, все зримое и незримое должно распалать его душу и медленно приближать сии ясные минуты деятельности, в которые столь легко изображать всю историю наших впечатлений, чувств и страстей. Плодотворная минута поэзии! ты быстро исчезаешь, но оставляешь вечные следы у людей, владеющих языком богов.

Люди, счастливо рожденные, которых природа щедро наделила памятью, воображением, огненным сердцем и великим рассудком, умеющим давать верное направление и памяти и воображению, — сии люди имеют без сомнения дар выражаться, прелестный дар, лучшее достояние человека; ибо посредством его он оставляет вернейшие следы в обществе и имеет на него сильное влияние. Без него не было бы ничего продолжительного, верного, определенного; и то, что мы называем бессмертием на земле, не могло бы существовать. Веки мелькают, памятники рук человеческих разрушаются, изустные предания изменяются, исчезают: но Омер и книги священные говорят о протекшем. На них основана опытность человеческая. Вечные кладези, откуда мы почерпаем истины утешительные или печальные! что дает вам сию прочность? Искусство письма и другое, важнейшее — искусство выражения.

Сей дар выражать и чувства и мысли свои давно подчинен строгой науке. Он подлежит постоянным правилам, проистекшим от опытности и наблюдения. Но самое изучение правил, беспрестанное и упорное наблюдение изящных образцов — недостаточны. Надобно, чтобы вся жизнь, все тайные помышления, все пристрастия клонились к одному предмету, и сей предмет должен быть — Искусство. Поэзия, осмелюсь сказать, требует всего человека.

Я желаю — пускай назовут странным мое желание! — желаю, чтобы поэту предписали особенный образ жизни, пиитическую диэтику, одним словом, чтобы сделали науку из жизни стихотворца. Эта наука была бы для многих едва ли не полезнее всех Аристотелевых правил, по которым научаемся избегать ошибок; но как творить изящное — никогда не научимся!

Первое правило сей науки должно быть: живи как содержишь, и содержи как живешь. *Talis hominibus fuit oratio, qualis vita* (речь людей такова, какой была их жизнь (лат.)). Иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы. К чему произвела тебя природа? Что вложила в сердце твое? Чем пленяется воображение, часто против воли твоей? При чтении какого писателя трепетал твой гений с неизъяснимою радостью, и глас, громкий глас твоей пиитической совести восклицал: проснись, и ты поэт! — При чтении творцов эпических? Итак, удались от общества, окружи себя природою: в тишине сельской, посреди грубых, неиспорченных нравов читай историю времен протекших, поучайся в печальных летописях мира, узнавай человека и страсти его, но исполнись любви и благоволения ко всему человечеству: да будут мысли твои важны и величественны, движения души твоей нежны и страстны, но всегда покорены рассудку, спокойному властелину их. Этого мало! Эпическому стихотворцу надобно все испытать, обе фортуны. Подобно Тассу, любить и страдать всем сердцем; подоб-

но Камоэнсу, сражаться за отечество, обтекать все страны, вопрошать все народы, дикие и просвещенные, вопрошать все памятники искусства, всю природу, которая говорит всегда красноречиво и внятно уму возвышенному, обогащенному опытами, воспоминаниями. Одним словом, надобно, забыв все ничтожные выгоды жизни и самолюбия, пожертвовать всем — славе; и тогда только погрузиться (не с дерзостью кичливого ума, но с решимостью человека, носящего в груди своей внутреннее сознание собственной силы), тогда только погрузиться в бурное и пространное море эпопеи...

Жить в обществе, носить на себе тяжелое ярмо должностей, часто ничтожных и суетных, и хотеть согласовать выгоды самолюбия с желанием славы — есть требование истинно суетное. Что образ жизни действует сильно и постоянно на талант, в том нет сомнения. Пример тому французы: их словесность, столь богатая во всех родах, не имеет ни эпопеи, ни истории. Их писатели по большей части жили посреди шумного города, посреди всех обольщений двора и праздности; а история и эпопея требуют внимания постоянного, и сей важности и сей душевной силы, которую общество не только что отнимает у человека рассеянного, но уничтожает совершенно. «Хотите ли быть красноречивыми писателями? — говорит красноречивая женщина нашего времени: будьте добродетельны и свободны, почитайте предмет любви вашей, ищите бессмертия в любви, божества в природе; освятите душу, как освящают храм, и ангел возвышенных мыслей предстанет вам во всем велелепии!» Прелестные строки, исполненные истины! вас рассеянные умы или не поймут, или прочитают с гордым презрением.

... Если образ жизни имеет столь сильное влияние на произведения поэта, то воспитание действует на него еще сильнее. Ничто не может изгладить из памяти сердца нашего первых, сладостных впечатлений юности! Время украшает их и дает им восхитительную прелесть. В среднем возрасте зримые предметы слабо врезаются в памяти, и душа, утомленная ощущениями, пренебрегает ими: ее занимают одни страсти; в преклонных летах человек не приобретает, и последним его сокровищем остается то единственно, чем он запас себя в молодости. Таким образом природа соединяет вечер с утром жизни, как вечерняя заря сливается с утреннею в долгие дни лета под нашим северным небом.

... Если бы мы знали подробно обстоятельства жизни великих писателей, то без сомнения могли бы найти в их творениях следы первых, всегда сильных ощущений. Сердце имеет свою особенную память.

... Один Тасс, рожденный под раскаленным солнцем Неаполя, мог описать столь верными и свежими красками ужасную засуху, гибельную для крестовых воинов. По сему описанию, говорит ученый Женгене, можно узнать полуденного жителя, который неоднократно подвергался смертному влиянию ветров африканских, неоднократно изнемогал под бременем зноя. — У нас Ломоносов, рожденный на берегу шумного моря, воспитанный в трудах промысла, сопряженного с опасностью, сей удивительный человек в первых летах

юношества был сильно поражен явлениями природы: солнцем, которое в должайшие дни лета, дошед до края горизонта, снова восстает и снова течет по тверди небесной; северным сиянием, которое в полуночном краю заменяет солнце и проливает холодный и дрожащий свет на природу, спящую под глубокими снегами, — Ломоносов с каким-то собенным удовольствием описывает сии явления природы, величественные и прекрасные, и повторяет их в великолепных стихах своих:

*Закрылись крайние с пучиною леса,
Лишь с морем видны вокруг слиянии небеса.
.....
... Сквозь воздух в юге чистый
Открылись два холма и берега лесисты.
Меж ними кораблям в залив отверзся вход,
Убежище пловцам от беспокойных вод,
Где, в влажных берегах крутятся, печальна Уна
Медлительно течет в объятия Нептуна...
Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего не скрыло;
Как пламенна гора казалось средь валов
И простирало блеск багровый из-за льдов.
Среди пречудная при ясном солнце ночи
Верхи золотых зыбей пловцам сверкают в очи.*

Мы не остановимся на красоте стихов. Здесь все выражения великолепны: горящее лицо солнца, противоположенное холодным водам океана; солнце, остановившееся на горизонте и, подобно пламенной горе, простирающее блеск из-за льдов, — суть первоклассные красоты описательной поэзии. Два последние стиха, заключающие картину, восхитительны:

*Среди пречудная при ясном солнце ночи
Верхи золотых зыбей пловцам сверкают в очи.*

Но мы заметим, что поэт не мог бы написать их, если бы он не был свидетелем сего чудесного явления, которое поразило огненное воображение вдохновенного отрока и оставило в нем глубокое, неизгладимое впечатление.

Первые — Вестник Европы. 1816. Ч. 87. № 10 под заглавием «О впечатлениях и жизни поэта».
Константин Николаевич Батюшков (1787-1855) — поэт, участник многочисленных литературных полемик.

Чусова Валентина Дмитриевна, член Союза писателей-краеведов. Родилась в 1935 году. По окончании Воронежского университета работала учителем русского языка и литературы. В 1971 году присвоено звание «Отличник народного просвещения».

С 1994 года педагог дополнительного образования в ДДиЮТ им. А.А. Алексеевой, создала Литературный музей. В 1999 году награждена двумя Пушкинскими медалями. С 2000 года член ВРОО «Батюшковское общество». Автор ряда публикаций. В 2015 году вышла книга «Все растёт из корня».

Валентина ЧУСОВА

ПОИСК И ОБРЕТЕНИЕ

К.Н. Батюшков, совмещавший в себе итоги русской культуры конца XVIII века и поэтические открытия начала XIX, оказался близок поэтам Золотого века. Это современники поэта. Среди них его друзья: Н.И. Гнедич, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский. Пристально следил за его творчеством А.С. Пушкин. В пятнадцатилетнем возрасте он, заметив, как изменились после трёх военных походов содержание и тональность его стихов, в послании «К Батюшкову» пишет: «Почто на арфе златострунной умолкнул, радости певец?» Поэтический опыт К.Н. Батюшкова активно и по-разному использовали поэты Серебряного века: Николай Соловьёв, Иннокентий Анненский, О.Э. Мандельштам. Философ и богослов В.Н. Ильин в книге «Эссе о русской культуре» относит Батюшкова и Анненского к разряду «элитных» поэтов, вкладывая в это понятие такие качества, как «одарённость» и «утончённость». Он пишет: «Несомненно, сплошь элитными окажутся Батюшков, Баратынский, Фет, Тютчев, Случевский, В. Соловьёв, в значительной степени Гумилёв, Кузьмин и, наконец, такие «короли элитности», как Вячеслав Иванов и всех их увенчивающий Иннокентий Анненский». Александр Кушнер, вспоминая о заслугах Батюшкова-стихотворца, своё стихотворение полемически заострённо начинает с вопроса: «Кто первый море к нам в поэзию привел и строки увлажнил туманом и волнами? ...». Своеобразное начало невольно напоминает о прекрасном стихотворении К.Н. Батюшкова:

*Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге...*

Творчество Батюшкова вызывает большой интерес не только в России, но и за рубежом. Книга «Финский альбом» (сост. и автор проф. русского языка и литературы Ювяскюльского университета (Финляндия) Т.С. Тихменева) открывается двумя произведениями К.Н. Батюшкова. В послании (Н.И. Гнедичу), 1807 г. он пишет:

*Там Финна бедного сума
С усталых плеч валится,
Несчастный к уголку садится
И, слёзы утерев раздранном рукавом,
Доглаживает хлеб мякинной и голодной...
Несчастный сын страны холодной,
Он с голодом, войной и русскими знаком!*

А фрагмент из «Отрывка из писем русского офицера о Финляндии» (1809) заканчивается словами: «... и в снегах, под суровым небом пламенное воображение создавало себе новый мир и украшало его прелестными вымыслами. Северные народы с избытком одарены воображением: сама природа, дикая и бесплодная, непостоянство стихий и образ жизни, деятельной и уединённой, дают ему пищу».

В Национальной библиотеке Восточного института (Италия, г. Неаполь), по словам Д. Степанченко, «на полках, наряду с произведениями Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Горького, Шолохова и др., находится издание произведений Батюшкова. Итальянские литературоведы опубликовали целый ряд работ о его жизни и творчестве. А самая крупная работа М.Ф. Варезе так и называется «Батюшков — поэт между Россией и Италией».

Батюшков мечтал побывать на родине любимого им поэта Тасса. В феврале 1819 года по приезде в Италию, несмотря на недомогания, он отправляется на знакомство с его родиной. В письме А.Н. Оленину (февраль 1819, Рим) Батюшков сообщает: «Сперва бродил как угорелый, спешил всё увидеть, все проглотить... Один Рим может вылечить навеки от суетности самолюбия. Рим — книга: кто прочитает её!» В письме С.С. Уварову он с восторгом рассказывает о своих впечатлениях: «Какая земля! Верьте, она выше всех описаний — для того, кто любит историю, природу и поэзию... Земля сия — рай небесный». В этом же письме пишет: «В общество я заглядываю как в маскарад; живу дома, с книгами; посещаю Помпею и берега залива...». Находясь в Италии, в августе 1819 года (о. Иския) в письме В.А. Жуковскому Батюшков делится своими планами: «Я хочу короче познакомиться с этой землёю, которая для меня во всех отношениях становится час от часу любопытнее... Природа — великий поэт и я радуюсь, что нахожу в сердце моём чувство для сих великих зрелищ... Если прибавить, что я совершенно доволен мою участию, без роскоши, но выше нужды, ничего не желаю в мире, имею или питаю, по крайней мере, надежду возвратиться в отечество, обнять вас и быть

полезным гражданином: это меня поддерживает в часы уныния... Друзей, какие у меня на севере, не найду, не наживу здесь». В Италии Батюшкова часто не покидало ощущение одиночества, тоски по родине, которое раньше он выразил в стихах:

*Какие радости в чужбине?
Они в родных краях;
Они цветут в моей пустыне,
И в дебрях, и в снегах.*

Будучи вдали от родины, он часто вспоминал об «Отеческих Пенатах», бывшей родовой усадьбе матери в Хантанове. Расположенная в 33-х километрах от Череповца, она принадлежала вологодским помещикам Бердяевым, чей род был известен «своими деяниями во славу Отечества». В публикации «Материалы об усадьбе Батюшковых в Хантанове» д.ф.н., профессор В.А. Кошелев пишет: «С 1807 года «единственным верным приютом» для поэта и его сестёр Александры и Варвары была старая усадьба, расположенная возле д. Хантаново Череповецкого уезда Новгородской губернии». Построенная, «вероятно», в середине XVIII века, эта усадьба была собственностью матери поэта Александры Григорьевны Бердяевой. Хантановское усадебное гнездо — явление уникальное для череповецкого края прежде всего тем, что там был прекрасный парк, который поэт очень любил и нежно заботился о нём. С осени 1807 г. усадьба стала своеобразной «творческой дачей» поэта К.Н. Батюшкова. Здесь им были созданы самые значительные произведения. В системе ценностей земной жизни у Батюшкова образ родной земли занимал особое место. В его стихах, письмах к родным и друзьям постоянно возникают образы русской природы, русского бытия.

Константин Батюшков — сестре Александре, 3 апреля 1816 г. Из Москвы в Хантаново: «Достань на весну роз, если можно, и проси Ивана — садовника моим именем, чтобы он постарался за цветами; не прислать ли тебе семян цветочных?»

В письме Жуковскому из Хантанова (июнь 1817 г.) мы словно просматриваем старинный альбом, в котором дорогие обитателям дома реликвии: «Благодаря Провидению у меня беседка в саду... с балкона вид прелестный: река, лес, одним словом, прелесть».

В стихах Батюшкова нам также предоставляется возможность проникнуться бытом Хантановской усадьбы:

*Отдай, богиня, мне родимые поля
(«Элегия из Тибулла», 1814 г.)*

*Вы, Лары отчески, от гибели спасите
(«Тибуллова элегия XI», 1809-1810 гг.)*

*Луга веселые, зелены!
Ручьи прозрачны, милый сад!
Ветвисты ивы, дубы, клены,
Под тенью вашу прохлад
Ужель вкушать не буду боле?..
(«Совет друзьям», 1806 г.)*

В первой половине XX века в силу семейных и исторических обстоятельств усадьба сильно пострадала. В годы Великой Отечественной войны исчезла липовая аллея — неотъемлемый атрибут дворянской усадьбы. Она служила хорошим ориентиром при бомбежке Череповца. Несколько позднее было уничтожено зеленое убранство усадьбы: кусты, цветы, семена и саженцы, которые присылал и привозил в Хантаново К.Н. Батюшков. На месте бывшей усадьбы остались безмолвные памятники, свидетели событий века минувшего: холм, едва заметные террасы, два пруда и таинственный огромный камень.

Первые посадки. Р.М. Лазарчук и Ю.С. Широковский

В 90-е гг. XX века в поисках национальной идеи мы видели выход в обращении к нашим истокам: вере и памяти. Жители Вологодчины, наследуя слово К.Н. Батюшкова, обретают тем самым любовь к родной земле, к истории и к таким общечеловеческим ценностям, как

долг, честь, бескорыстие. Начиная с 1998 года, ежегодно силами учащихся Мясинской школы (рук.: Бахарева Н.А., Васина М.М.), членами секции «Литературоведение» НОУ ДДиЮТ им. А.А. Алексеевой (рук. В.Д. Чусова) в парке проводились работы по озеленению территории. С 2000 года Хантановский парк стал творческой лабораторией.

Возникновению «Батюшковского общества» предшествовали события, посвящённые 210-летию со дня рождения К.Н. Батюшкова. В состав общества вошли люди, которых объединяет любовь к поэзии К.Н. Батюшкова, признание его заслуг перед русской литературой и Отечеством. Это единомышленники, заинтересованные в возрождении исторических архитектурно-ландшафтных черт бывшей усадьбы в Хантанове, создании на её базе центра просветительской и научно-поисковой работы. Для нас очень важной явилась моральная и организационная поддержка со стороны Н.Н. Беловой, директора Вологодской областной научной универсальной библиотеки имени И.В. Бабушкина. Она выступила своего рода куратором между «Батюшковским обществом» и Управлением по делам культуры Вологодской области.

Во время эколого-краеведческих чтений «Из истории культуры дворянских усадеб вологодского края» (12-13 сентября 2000 г.) в Устюжне, где Череповец представляли д.ф.н., профессор Р.М. Лазарчук и педагог дополнительного образования НОУ ДДиЮТ им. А.А. Алексеевой В.Д. Чусова, решено было отмечать Батюшковские дни по общему плану: Вологда, Череповец, Устюжна. С самого начала существования «Батюшковского общества» мы считали одной из главных задач – обустройство памятного места. Начиная с 1997 года, мы постепенно создавали предметный мир, именно он определяет основные вехи деятельности «Батюшковского общества». Информационная справка за II квартал 2003 г. представляет собой фрагмент деятельности «Батюшковского общества»:

Информационная справка о деятельности ЧГО «Батюшковское общество»

1. Создана передвижная выставка «К.Н. Батюшков: жизнь и творчество» (совместно с сотрудниками ЧерМО), открытие которой состоялось 24.05.03 г. в фойе Управления по делам культуры мэрии.

2. Члены «Батюшковского общества» приняли активное участие в общегородском субботнике по благоустройству территорий (апрель, отв. Чусова В.Д.)

3. Подготовлена и состоялась фотовыставка «Отечески Пенаты К.Н. Батюшкова» (с. Мяска, автор – член Совета ЧГО «Батюшковское общество» Леонтьев В.Л.).

4. Подготовлена и состоялась в с. Мяска выставка работ молодых художников – студентов ЧГУ «На земле К.Н. Батюшкова» (отв. – члены «Батюшковского общества» Медведев Д.В. и Филиппова В.И.)

5. Членом «Батюшковского общества» Фоминых Н.В. подготовлена и издана книга воспоминаний А.П. Жданова «Хантаново. Родина моя, любовь святая».

6. Изготовлена и установлена в Хантановском парке «Беседка муз», воспетая поэтом в своих произведениях (на средства городского гранта).

7. Проведены весенние посадки в Хантановском парке. Высажено около 150 деревьев и кустов (берёзы, липы, сирень), разбиты 2 клумбы с цветами (отв. Чусова В.Д.).

8. Состоялась презентация генерального плана возрождения мемориального комплекса в бывшей родовой усадьбе поэта К.Н. Батюшкова (отв. Чусова В.Д.).

9. Подготовлен литературно-музыкальный спектакль «И мрак исчез, прозрели вежды» по мотивам произведений К.Н. Батюшкова (автор – член Совета ЧГОО «Батюшковское общество» Волков А.Н.)

10. Состоялось участие членов «Батюшковского общества» в праздничных мероприятиях в г. Вологде, посвящённых 216-ой годовщине со дня рождения К.Н. Батюшкова (23 мая).

11. Проведен двухдневный литературный праздник «Отечески Пенаты-2003» в г. Череповце и Хантанове.

12. Начато благоустройство территории вокруг «Беседки муз» в соответствии с генеральным планом (Шекснинское линейно-производственное управление магистральных газопроводов, начальник – Беляков Н.В.).

13. Был организован эколого-трудовой лагерь учащихся Мясинской школы (июнь, территория Хантановского парка, отв. – член Совета ЧГОО «Батюшковское общество» Леонтьев В.Л.).

14. Начал работу в с. Мяска и на территории парка пленэр студентов-художников ЧГУ (июнь, отв. Медведев Д.В.).

После проведения натурного обследования, организованного членами научной экспедиции естественно-географического факультета ВОГПУ и архитектурного факультета ВоГТУ (рук. – к.б.н. доц. кафедры ботаники ВОГПУ Н.Н. Репина) с участием учащихся Мясинской школы (рук. – учитель биологии Е.П. Косырева), посадки велись с учетом их рекомендаций.

Так, во время обследования парка, обратив внимание на то, что ёлочки, посаженные на границе парка, плохо приживаются, Н.Н. Репина посоветовала рядом с ними посадить берёзы. Произошло чудо: берёзы хорошо прижились и вскоре начали радовать посетителей красивой, сочной листвой. Такое «соседство» оказалось полезным и ёлочкам. Приступая к благоустройству, мы выбрали знаковые образы: камень, беседку, зелёное убранство. Общественное объединение «Исток», возглавляемое Тиховой Галиной Борисовной, каждый год организует поход в Хантаново, где ученики Мясинской школы принимают участие в уходе за зелёными насаждениями в усадьбе.

*Старинная липовая аллея
(уничтожена в 1941 году)*

Аллея из шаровидных ив (1989 год)

Мемориальную доску решено было расположить рядом с камнем. 19 августа 1997 года, спустя 190 лет со времени первого приезда К.Н. Батюшкова в Хантаново, она была установлена на границе бывшей родовой усадьбы матери поэта – А.Г. Бердяевой. Мы понимали: главное, нужно движение заинтересованных людей-энтузиастов. И такие люди встречались на нашем пути. Реализовать этот проект нам помогли сотрудники АО «Северсталь»: зав. отделом материально-технического обеспечения Г.Б. Пассерман, инженер отдела шарикоподшипников А.А. Кудрявцев, гл. инженер РСУ В.Н. Шабанов. В 2001 году усилиями департамента ЖКХ мэрии г. Череповца была благоустроена территория вокруг мемориальной доски и гранитного камня. В дни праздника «Отечески Пенаты» здесь звучат стихи К.Н. Батюшкова и других авторов.

Образ Батюшкова — воина, прошедшего «три войны, все на коне», награждённого двумя орденами Святой Анны (2 и 3 степени), легко представить зрителям театрализованного боя (исп. — артист Камерного театра г. Череповца Н. Филатов, орг.: А.Н. Волков, Беляев С.В.).

Побывавшая на одном из праздников доцент кафедры психологии ЧГУ О.С. Ульянова отметила: «Грандиозно! Не просто проявление патриотизма в современном значении этого понятия. Это про любовь к родине и русскую душу, обо всём том, что есть для нас Россия. Это красиво и гордо! На этом празднике обязательно должны быть молодые люди и дети».

Проектом строительства «Беседки муз» заинтересовались сотрудники Металлургического колледжа г. Череповца (директор С.П. Савичев). Ими был изготовлен корпус «Беседки муз». Она стала неким организующим центром. Расположенная на уступе, беседка видна издалека, привлекая внимание посетителей. В день праздника участники читают здесь стихи, фотографируются, любуются природой. В будни собирается молодёжь Мяксы и Хантанова. Однако такое «соседство» не всегда на пользу парку. Удалённость от населённых пунктов, отсутствие финансов мешает поддерживать постоянный уход за парком.

В одном из четырех прудов на территории бывшего Хантановского парка есть родник, при исследовании которого оказалось, что вода пригодна для питья. Инициативная группа, которую возглавила член «Батюшковского общества» Максимова Елена Васильевна, нача-

ла работы по восстановлению и благоустройству природного родника, который наполнял Холодный пруд и многие годы служил для водоснабжения летней фермы совхоза «Мяк-синский». В благоустройстве родника значимую помощь оказал бывший директор совхоза Николаев Анатолий Константинович и его преемник Николаев Константин Анатольевич, почётный член «Батюшковского общества» Лапин Александр Анатольевич, а также Леонтьев В.Л., Климина И.А., Милевский Л.А., Шиловский С., Бахарев А. Работы по благоустройству продолжаются. Так появился ещё один действующий объект. Во время праздника «Отечески Пенаты» он пользуется большой популярностью у гостей.

И.А. Климина и Е.В. Максимова. Благоустройство родника

Так называемый «Большой» пруд особенно привлекает посетителей. Во время праздника «Отечески Пенаты» девушки украшают его венками, участники ансамблей исполняют танцы. А в будни в нем любит купаться молодёжь. Катерина Портер, родственница К.Н. Батюшкова (Лондон), в письме Чусовой В.Д. от 22.12.02 пишет: «Я была очень тронута и счастлива оттого, что Вы позволили мне узнать, что делаете Вы в Череповце и в научных исследованиях, и в восстановлении поместья матери поэта. Фотография озера особенно красива, и она снова навевала на меня воспоминания о жизни в деревне, которую мама часто описывала в рассказах о своём детстве».

«Большой» пруд

По рассказам старожилов, «в его светлой, ключевой воде в своё время разводили карасей особенной, золотистой породы. При жизни барина здесь была лодка, на ней катались баре». Специалисты из ВГПУ под руководством к.б.н. доцента кафедры биологии Н.Н. Репиной обследовали дно пруда, нашли его чистым, не требующим вмешательства. Они обнаружили специальное устройство, на котором крепилась цепочка от лодки. Постепенно в ходе работы рождались новые формы. Интересным было сотрудничество с Областной универсальной научной библиотекой им. И.В. Бабушкина, оказавшей бесценную помощь в организации «Батюшковского общества» (директор библиотеки Н. Белова, методисты Н.А. Мясникова, Т.Г. Кербут, Н.Н. Фарутина). Составлялись совместные планы представителей г.г. Вологды, Череповца, Даниловского. Незабываемыми остались в памяти встречи участников литературных секций: Вологды (рук. — к.ф.н. И.К. Канунникова) и Череповца («Литературоведение» НОУ ДДиЮТ им. А.А. Алексеевой — рук. — педагог В.Д. Чусова). Активными участниками этих встреч были учащиеся и учителя Мяксинской школы. По окончании чтений они читали стихи К.Н. Батюшкова у памятника поэта на Соборной горке ансамбля Вологодского кремля, возлагали цветы на его могиле в Спасо-Прилуцком монастыре. Надолго осталась в памяти членов НОУ ДДиЮТ им. А.А. Алексеевой встреча

с учениками Ю.С. Широковского в музее им. К.Н. Батюшкова в Вологде. После экскурсии ученики читали стихи Батюшкова, череповчане показали спектакль «Батюшков и Пушкин» (сценарий – В.Д. Чусова, постановка – А.Н. Волков). Необычным было то, что исполнитель роли Батюшкова Нодар Криюшенков выступал в мундире, принадлежавшем поэту (экспонат музея).

В Череповце просветительская работа, посвященная К.Н. Батюшкову, продолжалась в разных формах. В течение нескольких лет лекционный курс о К.Н. Батюшкове, организованный Управлением образования, читала д.ф.н. профессор Р.М. Лазарчук. В библиотеке № 3, школах №№ 8, 18, 41 – В.Д. Чусова, А.Н. Волков.

Традиционно 24 мая на открытие дней Славянской письменности у памятника К.Н. Батюшкова (скульптор А.В. Щепёлкин) в Череповце собираются почитатели его поэзии. Здесь вспоминают и чествуют двух авторов: поэта К.Н. Батюшкова и скульптора А.В. Щепёлкина. Ежегодно принимают участие в этой церемонии:

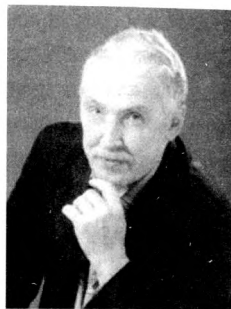
- учащиеся женской гимназии (рук. А.Е. Новиков);
- члены объединения «Таланты и поклонники» ДДиЮТ им. А.А. Алексеевой (рук. М.А. Базанова);
- ученики школы № 8, шефствующие над этим памятником (рук. И.Е. Успенская);
- учащиеся школы № 41 (рук. А.В. Сорокина) и др.

Так родилась новая туристическая тропа: усадьба Гальских – ул. Батюшкова-Хантаново.

фото В.Л. Леонтьев

Игорь Владимирович Ваганов родился 6 декабря 1960 года в городе Кизеле Пермской области. В 1984 году окончил Ярославский медицинский институт. В настоящее время работает врачом Череповецкой станции скорой медицинской помощи.

Литературным творчеством занимается более тридцати лет. Во время учебы в институте участвовал в работе литобъединения при областной газете «Юность». Публикуется с 1982 года на страницах районных, городских, областных («Вологодский лад», «Вологодская литература», «Пятницкий бульвар» и др.) и общероссийских (газета «Правда-5», журналы «Посев», «НЛО», «Голос эпохи») периодических изданий. Член Вологодского союза писателей-краеведов. Автор восьми книг — проза, публицистика, краеведение.

Игорь ВАГАНОВ

ВОЙНА И МУЗА К.Н. БАТЮШКОВА

Документальная повесть

Светлое небо России! Оно всегда светлое — независимо от погоды и времени года, потому что источником этого неугасаемого света является не только солнце, но и те бессмертные души достопочтенных россиян, положивших свои судьбы и жизни на благо процветания нашей страны. Где-то там, в бесконечной высоте витает и душа Константина Батюшкова.

1

Константин Николаевич Батюшков родился в Вологде 18 (29) мая 1787 года в старинной дворянской семье. Его родословная достаточно интересна: все предки служили России на государственной или, что чаще всего, военной службе. Согласно семейному преданию начало рода Батюшковых положил татарский хан Батыш, принявший православие и перешедший на службу к московским князьям.

Один из предков Константина Батюшкова Семен Батюшков еще в XVI веке был назначен послом в Молдавию, столетием позже, при царе Алексее Михайловиче, другой предок, Матвей Батюшков был участником войн с Польшей и Турцией, при Петре Великом внук Матвея — Андрей Ильич Батюшков служил в армии бригадиром, брат деда Льва Андреевича — Илья Андреевич служил в конной гвардии (но попал в опалу за умысел свергнуть с престола Екатерину II), отец поэта — Николай Львович (1750 — 1817 гг.) служил в Измайловском полку (но из-за опального дяди Ильи не смог сделать военной карьеры), потом некоторое время был прокурором в Вятке и затем вышел в отставку и уехал жить в свое имение — Даниловское.

Мать Константина происходила также из старинного вологодского дворянского рода

Бердяевых. Вскоре после рождения сына она заболела психическим заболеванием, была помещена в лечебницу в Петербурге и там умерла.

Свое полусиротское детство Костя Батюшков провел в Даниловском – усадьбе отца, расположенной в пятнадцати километрах от Устюжны. Его отец был достаточно образованным для своего времени человеком. В его имении была картинная галерея, многочисленная библиотека, дети с самого раннего возраста занимались с домашними учителями.

В 1797 году отец отвез сына на учебу в Петербург. Сначала Константин получал образование в частном пансионе француза Осипа Жакино, а потом был переведен в пансион итальянца Ивана Триполи. Надо отметить, что в этих пансионах будущий поэт получил вполне приличное образование, которое он продолжал совершенствовать благодаря своему стремлению к знаниям. Он неплохо изучил иностранные языки: французский, итальянский, немецкий, латынь. К этому времени относится начало литературного творчества Константина Батюшкова. В 1802 году Батюшков написал свое первое серьезное стихотворение «Мечта» (опубликовано в 1806 году в журнале «Любитель словесности»).

После окончания пансиона дядя Батюшкова М.Н. Муравьев (попечитель Московского университета) определил Константина на службу в свою канцелярию. Следует отметить, что канцелярская служба не нравилась юноше, и он допускал определенную небрежность. Дядя не слишком утруждал племянника на службе, и большую часть своего времени Константин уделял самообразованию и, конечно, творчеству,

В 1804 году Константин Батюшков влюбился в Прасковью Михайловну Нилову (влюбился тайно, ничем внешне не показывая свои чувства), жену тамбовского помещика, и это увлечение оказало положительное влияние на его творчество. Весной 1805 года он написал стихотворение «Послание к Н.И. Гнедичу», в котором он описывает своё бытие:

*А друг твой славой не прельщался,
За бабочкой, смеясь, гонялся,
Красавицам стихи любовные шептал
И, глядя на людей – на пестрых кукол, – мечтал:
«Без скуки, без забот не лучше ль жить с друзьями.
Смеяться с ними и шутить,
Чем исполинскими шагами
За славой побежать и в яму поскользиться?»*

Он поддерживал дружеские отношения с молодыми и уже известными литераторами, среди его знакомых – Державин, Капнист, Крылов, Шаховской, Радищев. В 1805 году Константин Батюшков вступил в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств». В 1805 году журнал «Новости русской литературы» опубликовал стихотворение Батюшкова «Послание к стихам моим».

Между тем, события в мире складывались неблагоприятно для России. В 1805 году началась война с Францией, в которой Россия выступила в союзе с Австрией. Австрийские войска были разгромлены французами ещё до прибытия основных сил русской армии. Армия Кутузова медленно отступала, направляясь на соединение с главными силами, и казачьи полки прикрывали это отступление. В начале декабря 1805 года в сражении под Аустерлицем русская армия потерпела серьёзное поражение. Наполеон фактически стал контролировать большую часть Европы.

Осенью 1806 года сложилась коалиция стран-союзников в составе России, Англии, Пруссии, Швеции. Но Наполеон разгромил армию Пруссии (в сражении при Йене и Аурштедте 14 октября 1806 года) и занял Берлин. Война приближалась к границам России.

19 ноября французская армия (насчитывающая до 160 тыс. человек) заняла Варшаву. Русская армия (под командованием Беннигсена) на Висле насчитывала всего 60 тыс. человек, растянутых в кордонную линию на протяжении 350 верст. Поэтому Беннигсен, стал собирать войска в районе Пултуска, и ему удалось сосредоточить в Пултуске к декабрю до 45 тыс. человек. Но основные силы русской армии все еще не подошли. Тем временем 7 декабря во французскую армию прибыл Наполеон, и вскоре начал действовать в присущей ему стремительной манере. Французская армия попыталась окружить русских на правом берегу Нарева, но русская армия сумела предупредить этот маневр и перешла на линию реки Вкры. Удар французов пришелся практически по пустому месту. С 14 декабря начались арьергардные бои, в которых русские солдаты в очередной раз показали героизм и воинское искусство, и 15 декабря русская армия организованно отступила за Нарев, а Наполеон увел французов за Вислу, расположив на зимние квартиры.

Но отдыхать французам не пришлось: командующий русской армией Беннигсен решил атаковать противника, и 4 января 1807 года русская армия двинулась на французов в направлении на левый фланг — на корпуса Нея и Бернадотта. Но вследствие медлительности русского командования и, прежде всего самого Беннигсена, и Ней и Бернадот избежали, казалось бы, неминуемого разгрома. Военная кампания затягивалась, на помощь своим военачальникам подоспел сам Наполеон, инициатива в действиях перешла к французам. Но все же 27 января в сражении у Прейсиш-Эйлау Беннигсен отразил войска Наполеона, где французы впервые понесли очень ощутимый урон (убитые и раненые составили 25 тыс. человек — из 65 тыс. первоначальной численности). После этого обе армии отошли на зимние квартиры: французы — за реку Пассаргу, русские — в район Гейльсберга.

Как потомственный русский дворянин, Константин Батюшков считал своим долгом служить Отечеству не только Музой, но также и Мечом. Тем более, когда родина

несла временные военные поражения! В начале 1807 года Батюшков записался в ополчение. 13 февраля он был определен письмоводителем в канцелярию генерала Н. Татищева под начальство А. Оленина.

Это решение не было капризом избалованного барчука! Константин Батюшков отправлялся не на бал, не в увеселительное путешествие — он хотел отправиться на войну. А на войне в те времена прапорщики и поручики гибли чаще рядовых солдат, потому что предпочитали первыми ходить в атаку и не кланялись пулям да снарядам, вдохновляя своим примером подчиненных. Это были, так сказать, офицеры первого боя — большинство из них гибло в первом же крупном бою, в первой крупной баталии. Константин Батюшков понимал, что он может получить тяжёлое ранение на этой войне, а то и погибнуть. Но, как говорится, или грудь в крестах, или голова в кустах! Батюшков предпочитал с риском для жизни послужить России на поле брани, а не прозябать в недрах канцелярии.

На штабной должности поэт находился недолго: 22 февраля он был назначен на должность сотенного начальника Петербургского милиционного (милицейского) батальона. (Его точное название Батальон Императорской милиции — сформирован в 1806 году, за отличия в кампании 1807 года заслужил права Гвардии и в 1808 году был преобразован в Лейб-Гвардии Финляндский полк.)

Перед самым назначением на эту должность Константин решил открыться своему отцу, потому что решение о записи в ополчение Батюшков принял единолично, не посоветовавшись ни с кем из родственников.

«Падаю к ногам твоим, дражайший родитель, и прошу прощения за то, что учинил дело честно без твоего позволения и благословения, которое теперь от меня требует и Небо, и земля. Но что томит вас! Лучше объявить всё, и Всевышний длань свою прострёт на вас. Я должен оставить Петербург, не сказавшись вам, и отправиться со стрелками, чтобы их проводить до армии. Надеюсь, что ваше снисхождение столь велико, любовь ваша столь горяча, что не найдёте вы ничего предосудительного в сем предприятии. Я сам на сие вызвался и надеюсь, что государь вознаградит (если того сделаюсь достоин) печаль и горесть вашу изливанием к вам щедрот своих. Ещё падаю к ногам вашим, ещё умоляю вас не сокрушаться. Боже, ежели я могу заслужить гнев моего ангела-хранителя, ибо иначе вас называть не умею! Надеюсь, что и без меня Михаил Никитич сделает всё возможное, чтобы возвратить вам спокойствие и утешить последние дни жизни вашей».

В марте начался первый поход К.Н. Батюшкова в Восточную Пруссию.

Небольшого роста, отнюдь не атлетического телосложения, Константин Батюшков, казалось, не вполне соответствовал требованиям, предъявляемым к боевым офицерам. Но не все определяется физическими качествами, более важны – качества моральные, сила духа, и Константин оказался достойным потомком своих боевых предков. Воспитанный в комфорте дворянской усадьбы и частных пансионов, книжный червь, утонченный поэт, заведомо литературных салонов стал участвовать в изнурительных походах и жесточайших сражениях, невзирая на неизбежные опасности военного быта.

Батальон, в котором служил Батюшков, 24 мая под Гутштадтом участвовал в преследовании отступавшего корпуса Нея.

28-29 мая произошло сражение русской армии с неприятелем под Гейльсбергом. У Наполеона в наличии было 115 тыс. человек, а у Беннигсена только около 85 тыс. 29 мая Наполеон атаковал русские позиции, был отбит. В этом бою Батюшков получил тяжёлое ранение (которое впоследствии станет причиной его многих болезней), по воспоминаниям современников, Батюшкова «вынесли полумёртвого из груды убитых и раненых товарищей». Вот что пишет Константин Батюшков в июне из Риги своему другу Гнедичу, несколько преуменьшая опасность своего ранения: «Любезный друг! Я жив. Каким образом – Богу известно. Ранен тяжело в ногу навывлет пулей в верхнюю часть ляжки и в зад. Рана глубиной в 2 четверти, но не опасно, ибо кость, как говорят не тронута... Я в Риге. Что мог вытерпеть дорогою, лежа на телеге, того и понять не могу. Наш батальон сильно потерпел. Все офицеры ранены, один убит. Стрелки были удивительно храбры, даже до остервенения».

Наполеон попытался обойти русские позиции, но Беннигсен отступил к Фридланду и 31 мая расположился у реки Алле. Против 46 тыс. русских было 80 тыс. французов.

В сражении под Фридландом русские войска были разгромлены: потери русских составили до 10 тыс. убитыми и ранеными, потери французов – 12 тыс. Короче говоря, победа опять досталась французам слишком дорого! Корпуса Даву, Сульта и Мюрата захватили Кенигсберг и всю оставшуюся прусскую территорию. И 25 июня 1807 года был заключен позорный для России Тильзитский (теперь город Советск Калининградской области) мирный договор. Согласно договору Пруссия потеряла всю территорию на левом берегу Эльбы, которые отошли к вновь образованному Вестфальскому королевству, было создано Варшавское герцогство (фактически под протекторатом Франции), Россия обязалась отдать Франции бухту Каттаро, вывести войска из Молдавии и Валахии, признать суверенитет Наполеона над Ионическими островами. И это были только территориальные потери, были и другие статьи договора, позорные для России и Пруссии.

Всю горечь поражения разделил и молодой офицер Константин Батюшков:

«В тесной лачуге на берегах Немана, без денег, без помощи, без хлеба (это не вымысел),

в жестоких мучениях, я лежал на соломе и глядел на Петина, которому перевязывали рану. Кругом хижины толпились раненые солдаты, пришедшие с полей несчастного Фридлянда, и с ними множество пленных».

В течение двух месяцев (июнь и июль) раненый Батюшков провел в Риге, в доме негоцианта Мюгеля, где влюбился в его дочь Эмилию. Это чувство оказалось взаимным. Эмилия стала Музой молодого поэта.

С августа по сентябрь Батюшков отдыхал в Хантаново.

27 сентября 1807 года вышел манифест Александра I о роспуске милиции, но Батюшков решил остаться в армии.

4

После заключения Тильзитского мира с Францией, отношения России и Швеции стали стремительно ухудшаться. Основная причина разногласий состояла в том, что Россия временно стала союзником Франции, в то время как Швеция находилась под английским влиянием. В сентябре 1807 года английский флот разгромил столицу Дании (союзницы России), что послужило поводом к окончательному разрыву отношений между Россией и Англией. В ответ на этот налёт английского флота Россия в свою очередь решила разгромить союзницу Англии – Швецию, и попутно отвоевать Финляндию.

9 февраля 1808 года русские войска тремя колоннами перешли границу Швеции. 18 марта был взят Гельсингфорс, одновременно с этим осаждён Свеаборг.

К счастью, рана Константина Батюшкова зажила без осложнений, и он через некоторое время вновь стал годным к воинской службе. После выздоровления в мае 1808 года он был переведен в гвардейский егерский полк, который был направлен на военную кампанию в Финляндию. Батальон, в котором Батюшков был назначен на должность адъютанта, находился под командованием полковника Андрея Петровича Турчанинова. В этом же батальоне служил друг поэта Петин, а также двое его знакомых, французские эмигранты граф де-Лапард и Шап де-Растиньяк.

В течение летней кампании 1808 года русские войска заняли почти всю Финляндию. Гвардейские егеря, хотя и не принимали участия в серьёзных баталиях, но сумели проникнуть до северных границ Финляндии, и к середине сентября (в момент перемирия со шведами) находились уже у Иденсальми.

15 октября вновь начались боевые действия, и прежде всего, под киркой Иденсальми. В этом бою принимал участие и Константин Батюшков. Бой был неудачен для русских войск, погиб командовавший отрядом генерал-адъютант князь М.П. Долгорукий, которого заменил генерал Алексеев. 29 октября противник вновь предпринял наступательные

действия у кирки Инденсальми. Нападение было неожиданным, шведы сумели проникнуть в несколько барачков. Начальник авангарда генерал Тучков потребовал подкрепления, в числе которого был и гвардейский егерский батальон, в котором Батюшков служил на должности адъютанта. Большая часть батальона атаковала шведов, остальные егеря (а среди них и Константин Батюшков) находились в резерве. Шведы потерпели поражение, часть шведского отряда была взята в плен. В этом бою отличился друг Батюшкова Петин. Он с ротой егерей очистил лес от противника, но в итоге был ранен в ногу. Его вынесли из леса на плаще.

Свое пребывание в Финляндии Батюшков частично отразил в стихах и в прозе: «...Здесь на каждом шагу встречаем мы или оставленную батарею, или древний замок с готическими острыми башнями, которые возбуждают воспоминания о древних рыцарях; или передовой неприятельский лагерь, или мост, недавно выжженный, или опустелую деревню. Повсюду следы побед наших или следы веков, давно прошедших, — пагубные следы войны и разрушения!». («Отрывок из писем русского офицера о Финляндии», 1809 год.)

В дальнейшем Гвардейский егерский полк (а с ним и Константин Батюшков) также участвовал в походе на Улеаборг, в экспедиции на Аландские острова, зимовал в Наденланде неподалеку от Або. В перерывах между походами, на привалах, во время перемирий Батюшков продолжает заниматься творчеством.

В 1808 году Батюшков получил свою первую награду — орден Анны III степени.

Рескрипт

«Господин губернский секретарь Батюшков! В воздаяние отличной храбрости, оказанной вами в сражении прошедшего мая 29-го при Гейльсберге и Лаунау противу французских войск, где вы, находясь впереди, поступали с особенным мужеством и неустрашимостью, жалую вас кавалером ордена святыя Анны третьего класса, коего знак у сего к вам доставляю; повелеваю возложить на себя и носить по установлению; уверен будучи, что сие послужит вам поощрением к вящему продолжению ревностной службы вашей. Пребываю вам благосклонный

Александр

С.-Петербург, 20 мая 1808»

Данная военная кампания оказалась удачной для Российской империи, русские войска заняли территорию Финляндии. В сентябре 1809 года был заключен Фридрихсгамский договор, согласно которому Швеция отказалась от Финляндии, которая была включена в состав России, как Великое княжество Финляндское.

Возвратившись в Россию, Батюшков вначале вновь приехал в Даниловское, в его планы входила женитьба на Эмили Мюгель. Но потом, из-за размолвки с отцом (вследствие его вторичной женитьбы на А.Н. Теглевой) Константин Батюшков переехал вместе с сестрами в имение покойной матери Хантаново, расположенное в Череповецком уезде.

Здесь был старый барский дом, окруженный садом, неподалеку протекала Шексна. Денег на жизнь было катастрофически мало! В этих условиях Константин решил, прежде всего, обеспечить благополучие своих сестер и заняться хозяйством, в результате чего брак с Эмилией не состоялся.

Единственной отдушиной для Батюшкова остается поэзия! В Хантаново Батюшков продолжает заниматься творчеством, много читает, переписывается с друзьями, занимается переводами. В декабре 1809 года поэт непродолжительное время проживал в Вологде. В начале 1810 года Батюшков приехал в Москву, где встречался со своими старыми петербургскими друзьями и знакомыми, заводил новые знакомства — с Вяземским, Жуковским, Карамзиным. (Итогом этих поездок стало известное произведение «Прогулки по Москве».)

Перенесенные ранения и житейские неурядицы оставили свой след: здоровье Батюшкова пошатнулось, беспокоила старая рана, периодически возникали сильные головные боли. В связи с этим в мае 1810 года Батюшков официально выходит в отставку в чине подпоручика.

Летом 1810 года Константин Батюшков, заболев, опять вернулся в Хантаново, но вскоре поселился в Вологде, где проходил курс лечения у здешних врачей. Здоровье пошло на поправку, и поэт опять возвращается в свою деревню на берегу Шексны. Спокойная сельская жизнь настраивает поэта на созидательную работу, способствует новому творческому порыву. Батюшков много работает над стихами и прозой, им написана его первая повесть «Предслава и Добрыня».

Внешность и характер поэта данного периода времени достаточно достоверно описала в своих воспоминаниях Елена Григорьевна Пушкина: «Батюшков был небольшого роста; у него были высокие плечи, впалая грудь, русые волосы, выющиеся от природы, голубые глаза и томный взор. Оттенок меланхолии во всех чертах его лица соответствовал его бледности и мягкости его голоса, и это придавало всей его физиономии какое-то неуловимое выражение. Он обладал поэтическим воображением; ещё больше поэзии было в его душе. Он был энтузиаст всего прекрасного. Все добродетели казались ему достижимыми. Дружба была его кумиром, бескорыстие и честность — отличительными чертами его характера. Когда он говорил, черты лица его и движения оживлялись, вдохновение светилось в его глазах. Свободная, изящная и чистая речь придавала большую прелесть его беседе,». (Майков Л. Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб, 1896.)

Таким был подпоручик Батюшков — ветеран двух кампаний, испытывший и азарт

лихих кавалерийских схваток, и тяготы длительных походов, и мясорубку масштабных кровопролитных сражений, и горечь потери боевых товарищей, и боль собственных тяжёлых ран. Не ожесточился, не впал в уныние, не похвалялся перед окружающими своими заслугами перед Отчиной.

Такими во все века были лучшие представители дворянства, считавшие воинскую службу – особенно во время войны – не обузой, а почётным долгом каждого дворянина, а контузии и раны – лучшими знаками отличия боевого офицера.

6

Пока отставной подпоручик Константин Батюшков поправлял здоровье на берегах Шексны (периодически посещая Череповец, Вологду и Москву), международная обстановка в мире продолжала развиваться неблагоприятно для Российской империи. В 1810 году Наполеон захватил несколько немецких княжеств, в числе которых было и княжество Ольденбургское, герцог которого был дядей Александра I. Полностью независимыми от Наполеона оставались лишь Англия и Россия, причем основным своим противником Бонапарт считал именно Россию.

Материальное положение К.Н. Батюшкова оставляло желать лучшего! Дела в имении Хантаново шли не блестяще, Батюшков с сестрами еле-еле сводил концы с концами. Что подделает, его способности больше проявлялись в поэзии и бранном деле, нежели в мирной сельской жизни и управлении сложным хозяйством дворянского имения. Необходимо было устраиваться на постоянную, желательно государственную службу, обеспечивающую стабильные доходы. В итоге длительных поисков и протекции влиятельных родственников и друзей поэту всё же удалось найти приличное место службы.

В январе 1812 года Константин Батюшков приехал в Петербург, где устроился на должность хранителя манускриптов в Публичной библиотеке. Здесь он посещает заседания «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств».

7

12 июня 1812 года в Россию вторглась огромная армия Наполеона. Эта война была особенной! В отличие от многочисленных войн Российской империи, происходивших на окраинах страны или вовсе на чужой территории, нынешние военные действия происходили на исконных русских землях – территории бывшего Московского княжества, и неприятельская армия занимала и разоряла древнейшие русские города и села, война затронула быт многих российских семей, ломала многие судьбы.

Впервые за триста лет враг вошел в древнейшую русскую столицу Москву! И поэтому войну с Наполеоном русский народ воспринял не как обычную военную кампанию, а как величайшую трагедию, реальную угрозу независимости страны.

Как личную трагедию воспринял вторжение Наполеона и Константин Батюшков.

«Если бы не проклятая лихорадка, то я бы полетел в армию. Теперь стыдно сидеть над книгою; мне же не приучаться к войне. Да, кажется, и долг велит защищать отечество и государя нам, молодым людям». (Из письма Вяземскому от 1 июля 1812 года.) Долг русского офицера и русского патриота заставляет поэта оторваться от книг и вновь взять в руки оружие.

Но перед этим Батюшков считает необходимым вывезти из Москвы свою больную тетю Катерину Федоровну Муравьеву. Поэт вывозит ее накануне вступления Наполеона в столицу. Поэт разрывался между долгом по отношению к больной родственнице и долгом патриота своей страны.

«Я приехал несколько часов после твоего отъезда в армию... Сию минуту я поскакал бы в армию и умер с тобою под знаменами отечества, если б Муравьева не имела во мне нужды. В нынешних обстоятельствах я ее оставить не могу: поверь, мне легче спать на биваках, нежели тащиться во Владимир на протяжных. Из Володимира я прилечу в армию, если будет возможность». (Из письма Вяземскому из Москвы в августе 1812 года.) В связи с уходом за больной родственницей Батюшков был вынужден взять бессрочный отпуск в Публичной библиотеке, до конца года он провел в хлопотах по устройству дел своих близких людей. Поэт стал свидетелем бедственного положения беженцев, их лишения, многочисленные разорения. «От Твери до Москвы и от Москвы до Нижнего Новгорода я видел... целые семейства всех состояний, всех возрастов в самом жалком положении; я видел то, чего ни в Пруссии, ни в Швеции видеть не мог: переселение целых губерний! Видел нищету, отчаяние, пожары, голод, все ужасы войны... Нет, я слишком живо чувствую раны, нанесённые любезному нашему отечеству, чтобы минуту быть спокойным». (Из письма Гнедичу из Нижнего Новгорода в октябре 1812 года.)

В декабре Батюшков смог выбраться в Москву и лично лицезреть все разорение, учиненное французами. Поэт не успел принять участие в Бородинской битве (здесь сражался его друг Иван Петин), и поэтому вид разорённой Москвы вызвал у него жажду мщения.

*Нет, нет! Пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву месту
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем, —
Мой друг, дотоле буду тебе*

*Все чужды Музы и Хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!*

28 февраля в Калише был заключен союз (против Франции) между Россией и Пруссией.

Россия была охвачена пламенем народной войны, все патриотически настроенные слои населения, все сословия не жалели сил и средств для разгрома оккупантов. На захваченной французами территории действовали разнообразные (крестьянские, гусарские, казачьи) партизанские отряды. Практически во всех городах и селениях формировались отряды народного ополчения. Казачество объявило поголовную мобилизацию всех казаков от 16 до 60 лет и выставило в строй большое количество внеочередных полков.

В этих условиях, когда за оружие брались мирные обыватели, К.Н. Батюшков, как боевой офицер, считал для себя неприемлемым находиться вне армии, тем более его личные дела были наконец-то устроены.

Воинская удача и слава Наполеона пошатнулись. Россия оправилась от масштабного вражеского нашествия, и началось постепенное вытеснение захватчиков с исконно русских территорий.

Пропорционально успехам русской армии возрастало количество военнопленных французской армии. К сентябрю 1812 года было захвачено в плен 10 тыс. человек. Первыми пленными были солдаты и офицеры фуражных команд. К концу 1812 года крупнейшие города России переполнились пленниками, поэтому приходилось отправлять их на окраины. Число пленных на 1 января 1813 составляло более 216 тыс.: около 150 тысяч в лагерях и 50-60 тысяч у населения. В Новгородскую губернию первые партии военнопленных, согласно расходным ведомостям казённой палаты, начали прибывать в сентябре 1812 года. Вплоть до мая 1815 года на содержание и медикаменты для военнопленных выделялись немалые средства. В Великом Новгороде находился пересыльный лагерь, отсюда большинство военнопленных отправлялись партиями (от 200 до 500 человек) в Вологду, Петрозаводск, Вятку, Тверь. На местах военнопленные французы распределялись по помещичьим усадьбам, иногда, по крупным крестьянским хозяйствам, чтобы, так сказать, своим трудом обеспечивать пропитание. К декабрю 1812 года партия военнопленных прибыла в Устюжну. Некоторое количество французов было отправлено в Даниловское, усадьбу Батюшковых. В 1813 году пленными французами у помещичьего особняка был разбит липовый парк. Первоначально он состоял из четырнадцати аллей (сейчас их только шесть). Французы также посадили на подъезде к Даниловскому сосновую аллею.

В начале 1813 года Константин Батюшков встретился в усадьбе Приютино с проживавшей в семье Олениных А.Ф. Фурман, с которой он был знаком еще с детских лет. Но теперь эта случайная встреча перерастает в любовь.

*Твой образ я таил в душе моей залогом
Всего прекрасного и близости творца,
Я с именем твоим летел под знамя брани
Искать иль славы, иль конца.*

Эта любовь поддерживает и окрыляет его во время дальнейшего военного похода!

Константин Батюшков увольняется из Публичной библиотеки и вновь одевает офицерский мундир: 29 марта 1813 года он принят на военную службу в чине штабс-капитана и назначен адъютантом к генерал-лейтенанту Бахметеву. (Из письма Оленину от 30 мая 1813 года из Петербурга.)

Война 1812 года и дальнейший поход русской армии в Европу окончательно сформировал из Батюшкова отчаянного и опытного офицера, который первым делом исполняет свой воинский долг. Впрочем, в этом Батюшков не являлся исключением.

Его хороший знакомый, драматург князь А.А. Шаховской во время войны 1812 года командовал 5-м казачьим полком, который первым вступил в разорённый Кремль. Другой знакомый поэта, писатель А.А. Писарев, стал отважным и умелым офицером, принявшим участие во всех значительных битвах против французской армии, впоследствии он дослужился до генерала. Известный писатель С.Н. Глинка (издатель «Русского вестника») первым записался в московское ополчение.

24 июля 1813 года штабс-капитан Батюшков отправляется (по его собственному настоянию) в действующую армию к генералу Н.Н. Раевскому. Генерал Раевский оставил его служить при своем штабе на должности адъютанта. И вскоре он опять непосредственно участвует в сражениях. «... успел быть в двух делах: в авангардном сражении под Доной, в виду Дрездена, где чуть не попал в плен, наскочив нечаянно на французскую кавалерию... потом близ Теплица в сильной перепалке». (Из письма Гнедичу в сентябре 1813 года из Теплиц.)

После Теплица воинская часть, в которой служил Батюшков, постоянно вступала в сражения с неприятелем. Так, с боями, русская армия вошла в Саксонию через Мариенберг, Тшопау, Хемниц и приблизилась к Лейпцигу.

4 октября 1813 года Батюшков принял участие в битве под Лейпцигом – одним из круп-

нейших сражений против Наполеона. Армия Наполеона была численностью около 200 тыс. человек, армия союзников превышала 300 тыс. человек (русские войска насчитывали 127 тыс. человек). Под Лейпцигом Батюшков вместе с генералом Раевским стоял в цепи гренадеров под огнём противника. «Французы усиливались. Мы слабели: но ни шагу вперед, ни шагу назад. Минута ужасная. . . ». В этом бою генерал Раевский был ранен, но он, скрыв свое ранение от подчинённых (это заметил только Константин Батюшков), отъехал в сторону вместе с Батюшковым и тихо попросил его привезти лекаря. Батюшков под пулями французов прискакал с хирургом, и в ближайшей деревне генерал Раевский был осмотрен и перевязан.

«4-го числа в 9 часов утра началось жаркое дело. С самого утра я был на коне. Генерал осматривал посты и выстрелы фланкеров из любопытства, разъезжал несколько часов сряду под ядрами, под пулями в прусской степи, и я был невольным свидетелем ужаснейшего сражения. . . Ядра и гранаты сыпались как град. . . Признаюсь тебе, что для меня были ужасные минуты, особливо те, когда генерал посылал меня с приказами то в ту, то в другую сторону, то к пруссакам, то к австрийцам, и я разъезжал один, по грудам тел убитых и умирающих. . . Ужаснее сего поля сражения я в жизни моей не видал и долго не увижу. При конце дня генерал сказал мне: «я ранен, я ранен!» — и с этим словом наклонился на лошадь. . . Петин убит. Петин, добрый, милый товарищ трёх походов, истинный друг, прекрасный молодой человек — скажу более: редкий юноша. . . Мать его умрёт с тоски». (Из письма Гнедичу 30 октября 1813 года из Веймара.)

За участие в ожесточённых сражениях, за героизм и умение воевать офицеры и солдаты удостоивались боевых наград, которыми гордились и не стеснялись носить. Батюшков не являлся исключением, он тоже жаждал наград и воинской славы. «Что в офицере без честолюбия? Ты не любишь крестов? — иди в отставку! А не смейся над теми, которые их покупают кровью!» (Из записных книжек К.Н. Батюшкова. 1807 г.)

Самого штабс-капитана Батюшкова награды стороной не обходили.

«Я представлен к Анне за последние дела и к Владимиру — за первые. . . Пришли мне Анненский крест, хорошей работы и хорошего золота, с лентою, небольшой величины. . . Ещё купи Владимирский крест: я к нему представлен за Теплиц. . . Здесь этого не сыщешь, а при генерале не ловко не носить крестов. Не забудь и георгиевских лент для медали». (Из письма Гнедичу 30 октября 1813 года из Веймара.)

7 октября, согласно приказу генералу Раевского «навестись о сыне», Батюшков объехал место недавнего сражения, участником которого он стал.

«Я объехал весь Лейпциг кругом и видел все военные ужасы. Ещё свежее поле сражения, и какое поле! Слишком на пятнадцать верст кругом, на каждом шагу груды лежали груды людей, убитые лошади, разбитые ящики и лафеты. Кучи ядер и гранат и вопль умирающих». (Из письма Гнедичу из Веймара 30 октября 1813 года.)

В результате Лейпцигского сражения французы потеряли около 80 тыс. человек (на за-

пад ушло только 100 тыс.) и почти всю артиллерию, потери союзников составили около 53 тыс. человек (потери русской армии насчитывали свыше 22 тыс.). Эта «битва народов» стала окончательным переломом в войне. В тылу союзной армии остались осажденные в крепостях французские гарнизоны.

Теперь, на полях сражений, у поэта появились новые друзья и знакомые. Это, прежде всего, его непосредственный начальник генерал Раевский, а также генералы Ланской и Ушаков (убитые под Лаоном в 1814 году), генерал Блюхер, генерал Клейст, генерал Цитен, генерал Шварценберг, генерал Воронцов. А мирная хлопотная помещичья жизнь опять, как и шесть лет назад, осталась в прошлом, осталась в освобожденной от французов России, отдалилась на тысячи верст и десятки сражений.

Опять его окружают боевые товарищи – храбрые офицеры и солдаты, да и сам Батюшков, отчаянная головушка, нередко разъезжает по чужой стране, рискуя наскочить на неприятеля, только вдвоем с сопровождавшим его лихим казаком. И в настоящее время всего для него важнее не умение грамотно вести дела по усадьбе, а не уронив чести, не дрогнув выстоять под огнем вражеской шрапнели или живым и невредимым выйти из беспощадной кавалерийской сечи.

Осенью 1813 года вся территория Германии была освобождена от французских войск. В конце октября союзные армии подошли к Рейну, были освобождены от французских оккупантов Голландия и Бельгия. 10 ноября сдался Данциг. К началу зимы были освобождены от французских гарнизонов все крепости Германии. С 8 декабря 1813 года началась подготовка к переходу союзных армий через Рейн, который был форсирован в различных местах различными войсковыми соединениями. 2 января 1814 года с отрядом генерала Н.Н. Раевского Батюшков близ крепости Гюнинга перешел через Рейн. Час победы, час торжества русской армии!

И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы, с свободой и с громами!..
Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..

27 января 1814 года за сражение под Лейпцигом штабс-капитан К.Н. Батюшков был награжден орденом Анны II степени.

Война пришла на территорию Франции (сбылась мечта русских солдат и офицеров!), но победы нелегко давались союзной армии – французы зачастую контратаковали, совершали различные манёвры, расставляли хитрые ловушки, чтобы перехватить инициативу у противника. Но время былых побед безвозвратно прошло – территория наполеоновской Франции постепенно уменьшалась.

Будучи в составе русской армии 26 февраля 1814 года Батюшков посетил замок Сирей, где ознакомился с библиотекой Вольтера.

«В Вольтеровой галерее мы развели большой огонь... перед нами на столе лежали все Вольтеровы сочинения...», «Столовая наша была украшена русскими знаменами... С некоторою гордостью, простительно воинам, в тех покоях, где Вольтер написал лучшие свои стихи, мы читали с восхищением оды певца Фелицы и бессмертного Ломоносова, в которых вдохновенные лирики славят чудесное величие России, любовь к отечеству, сынов её и славу меча русского».

После Сирея генерал Раевский получил новое назначение – в армию Витгенштейна, вместе с Раевским отправился и Батюшков. Раевский принял командование у Витгенштейна, и вскоре его армия сражалась с французами между Нанжисом и Провинс.

Вскоре последовало жестокое сражение у Арсиса, после которого армия от Витри двинулась по направлению к Парижу. По пути наголову разбили несколько французских корпусов, прикрывавших столицу. «Зрелище чудесное! Вообрази себе тучу кавалерии, которая с обеих сторон на чистом поле врывается в пехоту, а пехота густой колонной, скорыми шагами, отступает без выстрелов, пуская изредка батальный огонь... Пушки, знамёна, генералы, всё досталось победителю». (Из письма Гнедичу 27 марта 1814 года, в окрестностях Парижа.)

К середине марта 1814 года русская армия подошла к Парижу.

«Мы продвигались вперед с большим уроном... Все высоты заняты артиллериею, ещё минута, и Париж засыпан ядрами. Желать ли сего? – Французы выслали офицера с переговорами, и пушки замолчали. Раненые русские офицеры проходили мимо нас и поздравляли с победою. «Слава Богу! Мы увидели Париж с шпагою в руках! Мы отомстили за Москву!» – повторяли солдаты, перевязывая раны свои...». (Из письма Гнедичу 27 марта 1814 года, в окрестностях Парижа.)

19 марта 1814 года в составе свиты императора Александра I штабс-капитан К.Н. Батюшков вступил в Париж.

«Государь, среди волн народа, остановился у полей Елисейских. Мимо его прошли войска в совершенном устройстве».

Корпус, в котором служил Батюшков, прошел через Аустерлицкий мост, миновал Ботанический сад и остановился в старинном замке неподалеку от берега Сены.

Итак, русские пришли в Париж, но, в отличие от французов, разоривших в 1812 году Москву, они не стали вести себя подобным образом во французской столице. Русские люди оказались цивилизованнее и милосерднее просвещённых французов. Ни грабежей, ни тем более пожаров здесь не было.

«Я часто с удовольствием смотрю, как наши казаки беспечно прогуливаются через Аустерлицкий мост, любясь его удивительным построением, с удовольствием неизъяснимым вижу русских гренадер перед Трояновой колонной или у решётки Тюльери... Французы дорого заплатили за свою славу, любезный друг! Они должны быть благодарны нашему царю за спасение не только Парижа, но целой Франции, — и благодарны: это меня примиряет несколько с ними...». (Из письма Дашкову 25 апреля 1814 года.)

По окончании кампании К.Н. Батюшков в награду за свою службу, был переведён штабс-капитаном в Измайловский полк. Но он продолжал числиться за армией в должности адъютанта генерала Бахметева.

Во Франции Батюшков прожил три месяца. После этого он посетил Лондон, а затем через Швецию и Финляндию возвратился в Россию, в Петербург. Во время кратковременного пребывания в Стокгольме поэт невольно вспоминал свое прежнее пребывание в этой стране в 1808 году. «Итак, мой милый друг, я снова на берегах Швеции... Эта земля не пленительна. Сладости Капуи или Парижа здесь неизвестны. В ней ничего нет приятного, кроме живописных гор и воспоминаний».

27 июля 1814 года в Петербурге К.Н. Батюшков принял участие в празднике в честь «победителя французов» императора Александра I, где на музыку Бортнянского были исполнены куплеты Батюшкова. Главный сценарий праздника также составил К.Н. Батюшков. В награду он получил от императрицы бриллиантовый перстень, впоследствии он отослал перстень сестре Вареньке, проживавшей в Хантаново.

10

Из-за границы Константин Батюшkom вернулся с надеждой на взаимную любовь со стороны Анны Фурман. Оленины, Муравьевы, все родственники были согласны на брак. Но это чувство не было взаимным. Анна Фурман дала согласие на брак не по любви, а под давлением родственников. Когда Батюшкову об этом стало известно, он посчитал такую женитьбу безнравственной и в 1815 году расторг помолвку.

Вскоре Батюшков уезжает в Каменец-Подольск для дальнейшего прохождения службы. (Перед отъездом Батюшков встретился в Хантаново со своим отцом и узнал о надвигающейся финансовой катастрофе — материальные дела в усадьбе были полностью расстроены. Эта встреча ещё более усилила тяжёлое душевное состояние Константина Батюшкова.) Из

Каменец-Подольска он написал своей тете Екатерине Муравьевой следующее: «Не любить я не в силах, жертвовать собой позволено, жертвовать другими могут лишь злые сердца».

Итак, с июля по декабрь 1815 года Батюшков нес службу в свите генерала Бахметьева в Каменец-Подольске, совмещая службу с творчеством. Кстати, несмотря на волнения, связанные с неудавшейся личной жизнью и материальными затруднениям, в этот период жизни Батюшков переживает сильный творческий подъём: за год он пишет двенадцать стихотворных и восемь прозаических произведений.

Он готовит к печати свои сочинения в стихах и в прозе. Сам поэт тяготился своей службой в этом провинциальном городке, чему немало способствовало его окружение: «Мы живем в крепости, окружены горами и Жидами... Вы можете судить, какое общество в Каменце. Кроме советников с жёнами и с детьми, кроме должностных людей и стряпчих, двух или трёх гарнизонных полковников, безмолвных офицеров и целой толпы Жидов, — ни души... Все мои радости и удовольствия в воспоминании».

Штабс-капитан Батюшков ожидает перевода в гвардию: он надеялся получить орден св. Владимира и при переводе в гвардию повыситься на два чина, чтобы этим приобрести право на переход в гражданскую службу надворным советником. Но пока все ожидания были тщетны. Батюшков решил уйти из военной службы, подать в отставку и поселиться в Москве. Наступал новый период его жизни, без боёв, ежедневного риска, без надежных боевых товарищей.

Просьба об отставке была удовлетворена в апреле 1816 года, в чине коллежского асессора (соответствующего армейскому чину майора) К.Н. Батюшков оставил военную службу. В мае он был избран в Общество любителей русской словесности в Москве. Началась подготовка к изданию собрания сочинений под названием «Опыты в стихах и прозе».

Время наступления болезней — физических и душевных, время хронического безденежья и борьбы с житейскими неурядицами, апатия, страх, неудавшаяся личная жизнь. В августе 1816 года, проживая в Москве Батюшков в своем письме к Гнедичу пишет о своей болезни, которая вконец его разорила: «Клянусь совестью, что болезнь меня разорила. Что месяц, то шестьсот или семьсот рублей». Но, несмотря на пошатнувшееся здоровье, Батюшков продолжает заниматься творчеством. В январе 1817 года Батюшков переехал в Хантаново, где закончил работу над несколькими значительными произведениями, в первую очередь знаменитый «Переход через Рейн».

Беда не ходит одна! Скоропостижно скончался отец, и Батюшков в августе 1817 года был вынужден срочно приехать в Даниловское, чтобы разобраться в делах и спасти родовое отцовское имение от продажи с аукциона и тем самым обеспечить существование малолетних наследников, детей от второго брака покойного отца.

В июне 1818 года Батюшков на непродолжительное время посетил Москву, откуда собрался ехать в Одессу и Крым для прохождения курса лечения.

10 июля поэт приехал в Одессу, посетив по дороге Николаев, а также древнюю Ольвию, где «...осмотрел древние остатки или могилу сего города». В Одессе поэт лечился морскими купаниями, и одновременно, через своих петербургских друзей хлопотал о зачислении на дипломатическую службу. В августе, пребывая в Одессе, Батюшков наконец-то получил известие, что он определен на службу в иностранную коллегию – с чином надворного советника (что соответствовало армейскому чину подполковника). Служить ему предстояло в Италии – в Неаполе, как сам поэт предполагал, ориентировочно около четырёх лет. Для поэта это стало благоприятным выходом из сложившегося затруднительного материального положения!

В сентябре 1818 года К.Н. Батюшков приехал в Москву. Он готовится к поездке в Италию. Эта служба ему крайне необходима, он мечтает хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей, укрепить в теплых краях расшатанное за годы службы и сражений свое отнюдь не железное здоровье. «Но первое условие – жить, а здесь холодно, и я умираю ежедневно. Вот почему желал Италию и желаю. Умереть на батарее – прекрасно; но в тридцать лет умереть в постели – ужасно и, право, мне что-то не хочется». (Из письма А.И. Тургеневу 10 сентября 1818 года из Москвы.)

В ноябре 1818 года Батюшков выехал из Петербурга к месту новой службы.

В январе 1819 года К.Н. Батюшков приехал в Рим и в течение месяца любовался достопримечательностями этого знаменитого древнего города. Затем его путь лежал в Неаполь, к месту службы при русском посланнике графе Штакельберге. В Неаполе Батюшков поселился в доме на набережной, по которой в свободные часы поэт очень любил гулять, любясь великолепной картиной Неаполитанского залива. Но служба не приносила удовлетворения, поскольку не сложились отношения с непосредственным начальником, графом Штакельбергом, возложившего на Батюшкова всю текущую переписку.

Постоянные придирки графа порой переходили в грубые замечания, что очень задевало талантливого поэта и боевого офицера, каким и был К.Н. Батюшков. Все это не способствовало излечению от недугов, а наоборот провоцировало дальнейшее прогрессирование душевной болезни – его стало все раздражать, появилась излишняя подозрительность...

В конце 1820 года Батюшков смог перевестись в Рим и служить у князя Италинского – русского посланника при папском дворе. Но прогрессирование болезни уже не позволяло добросовестно нести службу, надо было всерьёз приниматься за лечение. В апреле 1821 года Батюшков получил отпуск и отправился на курорт в Теплиц, расположенный в Южной Германии.

11

В феврале 1822 года К.Н. Батюшков получил бессрочный отпуск и отправился для лечения сначала в Петербург, а затем – в Симферополь. Его психическое здоровье продолжает ухудшаться, и в итоге у него появляется мания преследования.

«Что говорить о стихах моих! Я похож на человека, который не дошёл до цели своей, а нёс он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги... Поди узнай теперь, что в нём было!»

С 1833 года Константин Батюшков проживал в Вологде в доме своего племянника Г.А. Гревенса (здание Педагогического училища). Практически всё время проживания у родственников Батюшков находился в болезненном состоянии и неадекватно воспринимал действительность. Батюшкова периодически посещают приезжающие в Вологду его старые знакомые, но больной поэт никого не узнает. Именно в этот период жизни Н.В. Бергу удалось сделать рисунок Батюшкова, стоящего у окна.

Больной поэт тихо жил в Вологде, но сам он забыт не был! Прижизненные собрания сочинений Батюшкова вышли в свет в издательстве Глазунова в 1834 году и в издательстве Смирдина в 1850 году. В журналах и альманахах выходили статьи, посвященные творчеству Батюшкова и его месте в русской литературе.

В последний год жизни в состоянии К.Н. Батюшкова наступили изменения к лучшему: его болезнь отступила, поэт вновь стал интересоваться жизнью, беседовать с людьми, читать книги и газеты. Он совершал прогулки по улицам Вологды, по набережной, выезжал в деревню. Но ему так и не удалось вернуться к полноценной творческой жизни.

Летом 1855 года поэт заболел тифом. Умер К.Н. Батюшков 7 июля 1855 году, похоронен на кладбище Спасо-Прилуцкого монастыря.

18 мая 1787 года в Вологде прошли празднования в честь 100-летнего юбилея со дня рождения К.Н. Батюшкова. На могилу поэта в Спасо-Прилуцком монастыре возложили большой металлический венок.

12

Усадьба в Хантаново ещё при жизни поэта стала ветшать, а ремонтировать было некому. Сначала здесь жила Александра Николаевна, сестра Константина Николаевича. Проживала непостоянно, а с 1829 года (в связи с ухудшением психического здоровья) вплоть до своей смерти в 1841 году проживала у своей родственницы, Е.А. Соколовой, помещицы сельца Юрьевское Пошехонского уезда Ярославской губернии. В начале 50-х годов в усадьбе стала проживать другая сестра поэта, Варвара Николаевна Соколова. Вероятно,

капитальным ремонтом дома она также не занималась, поскольку в документах 1857 года в описании усадьбы упоминается «господский одноэтажный дом, крытый тёсом», но уже пришедший «в ветхость». В 1881 году Варвара Николаевна скончалась, а обветшавший дом сломали (по другим версиям он сгорел). Флигель был продан крестьянину Петру Максиму, перевезён в деревню, где он простоял до начала 1950-х годов. И ещё долго на территории бывшей усадьбы оставались следы от фундамента дома и хозяйственных построек. В 1974 году директор совхоза в целях расширения площади пахотных земель направил сюда бульдозеры, которые разровняли и окончательно уничтожили все следы дворянского поместья. Остались только два пруда и камень у дороги.

Более благосклонна судьба была к усадьбе Батюшковых в Даниловском. Все хозяева усадьбы (родственники Константина Батюшкова) как могли поддерживали порядок и проводили текущий ремонт.

Последним владельцем Даниловского был внучатый племянник поэта Фёдор Дмитриевич Батюшков, профессор Санкт-Петербургского университета. По его приглашению в Даниловское в 1906–1911 годы приезжал Александр Куприн. Он бывал наездами – неделю-две, иногда месяц.

Усадьба в Даниловском благополучно существовала до 1917 года. В 1917 году она была национализирована, и в ней разместили коммуны. Потом в бывшей усадьбе была размещена машинно-тракторная станция, а впоследствии в ней размещались и другие учреждения.

7 сентября 1960 года по инициативе местных краеведов и потомков рода Батюшковых в усадьбе открыли Народный музей (его открытие было приурочено к празднованию 90-летия со дня рождения Куприна). Усадьбе был присвоен статус памятника истории федерального значения. Музей, в котором размещались экспозиции пребывания Куприна в Даниловском, работал только один раз в неделю. Одновременно с Народным музеем в усадьбе продолжали размещаться детский сад и колхозная контора.

В 1970 году Народный музей был преобразован в филиал Устюженского краеведческого музея.

Постепенно восстанавливалась библиотека Батюшковых. Согласно сохранившемуся в Устюженском краеведческом музее каталога и библиотеки Даниловского начался сбор дубликатов книг. В Пушкинском доме, Ленинской библиотеке, библиотеке им. Салтыкова-Щедрина приобрели фотокопии писем К.Н. Батюшкова, а также его портретов и рисунков. Народный музей также приобрёл 11 изданий сочинений поэта (в том числе первое, второе, третье и четвёртое издания «Академии» 1934 г.). А Елена Батюшкова, племянница Фёдора Дмитриевича, подарила музею бесценный дар – книгу К.Н. Батюшкова «Опыты в стихах и прозе» издания 1817 года. Эту книгу она приобрела в Ленинграде во время блокады, отдав за неё пайку хлеба.

К 200-летию юбилея со дня рождения К.Н. Батюшкова в Устюжне начали готовиться заранее. Закупали мебель в антикварных магазинах. Детский сад, располагавшийся в усадьбе, было решено перевести в другое здание, а в самой усадьбе произвести ремонт. В результате работы реставраторов восстановили гостиную, кабинет Фёдора Дмитриевича, детскую комнату. Была сделана винтовая лестница на второй этаж, обновлена башенка. Среди экспонатов музея появился колокольчик для вызова слуг, которым пользовался сам К.Н. Батюшков (единственная подлинная вещь в музее, принадлежащая поэту). Колокольчик передавался из поколения в поколение. Во время Великой Отечественной войны в Устюжне, в доме учителей Берсенёвых, жила в эвакуации первая жена Куприна, Мария Карловна. Уезжая из Устюжны, она подарила колокольчик Берсенёвым (вместе с дарственной запиской), а те отдали его музею.

К сожалению, далеко не все, в том числе и руководящие работники, осознавали историческую ценность усадьбы. Весной 1985 года на территории Устюженского района шло дорожное строительство, новую дорогу планировали проложить через знаменитую сосновую аллею, посаженную на подъезде к усадьбе ещё пленными французами. Незвестно теперь, кому принадлежала эта порочная идея, но часть сосновой аллеи дорожные строители решили выкорчевать. Якобы она мешала строительству дороги. Удивительно, но и местные власти, и районная газета сохраняли нейтралитет. В защиту сосновой рощи выступил только журналист районной газеты Юрий Максин, который также сотрудничал с областной газетой «Вологодский комсомолец». Он сообщил о готовящемся акте вандализма в редакцию этой газеты, и в Устюженский район был направлен журналист Юрий Мацнев. Он приехал как нельзя вовремя – уже начато было уничтожение сосновой аллеи, и дорожные строители успели выкорчевать две могучие сосны. Два журналиста, Юрий Мацнев и Юрий Максин, сфотографировали одну из этих выкорчеванных сосен и выступили против данного уничтожения уникального исторического памятника, каким является сосновая аллея. Уничтожение аллеи было приостановлено. 2 июня 1985 года в газете «Вологодский комсомолец» была напечатана статья за подписью двух авторов Ю. Максина и Ю. Мацнева «Я от любви теперь увяну», в которой рассказывалось о планировавшемся уничтожении части сосновой аллеи. После публикации этой статьи выкорчевка сосен больше не проводилась, дорогу благополучно построили и без этих крайностей.

В 1987 году усадебный дом был отреставрирован, были воссозданы усадебные интерьеры XIX столетия.

29 мая 1987 года в Вологде состоялся грандиозный народный праздник в связи с 200-летним юбилеем со дня рождения Константина Николаевича Батюшкова. На холме Кремлёвской площади Вологды рядом с Софийским собором был установлен памятник

Батюшкову (автор памятника — известный скульптор В. Клыков), выполненный из бронзы, представлявший из себя скульптуру поэта, держащего за повод своего боевого коня.

Одновременно с этим прошли торжественные встречи в Устюже, Даниловском (здесь тоже был установлен памятник Батюшкову, сделанный скульптором В.И. Юдиным) и пос. Мяксе Череповецкого района (вблизи которой ранее располагалась усадьба Хантаново).

В настоящее время в Даниловском постоянно проводятся реставрационные работы. В 2010 году за счёт средств федерального бюджета в рамках реализации инвестиционной программы «Культура России» проведены ремонтно-реставрационные работы кровли и центрального крыльца. За счёт средств ведомственной целевой программы «Наследие Вологодчины на 2009-2011 годы» и заключенных контрактов завершена реставрация портика южного фасада здания, а также восстановлен балкон мезонина.

11 сентября 2010 года в Даниловском отмечали торжественную дату — 50-летия со дня основания музея. На этот праздник приезжали и потомки рода Батюшковых.

Вновь уютно и светло в стенах бывшей дворянской усадьбы. Здесь рады каждому гостю. И звон старинного колокольчика навевает мысли о минувших днях и столетиях, скоротечности бытия и бессмертия истинного Творчества!

Н.П. Морозова, Г.В. Флерова

*«Свидетели былого...»: Батюшковские материалы
в собрании Всероссийского музея А.С. Пушкина (Петербург)*

Во Всероссийском музее А.С. Пушкина (С.-Петербург) хранится целый комплекс материалов, связанных с жизнью и творчеством Константина Николаевича Батюшкова.

Иконография поэта представлена скульптурными и живописными портретами. Настоящей жемчужиной коллекции музея является сделанная во Флоренции скульптором Челлаи мраморная копия бюста Батюшкова (КП-3447), созданного в 1887 году П. П. Забелло (1830 – 1917). Работа выполнена в русле традиций академического классицизма. Годы своего творческого становления Забелло провел в Италии (1854 – 1872), куда уехал, прервав учебу в Академии художеств. Большое влияние на него оказали итальянские неоклассики, особенно знаменитый скульптор Лоренцо Бартолини. Работа Забелло – это во многом «память сердца» о счастливых годах юности, проведенных в Италии, среди художников русской колонии, где Батюшков был одним из «властителей дум» того поколения. Композиция бюста замкнута, статична, обработка мраморной поверхности ровная и гладкая. Но лицо «оживлено» мягкой, плавной, текучей моделировкой, выражая сложный изменчивый внутренний мир поэта. Батюшков изображен в сюртуке и плаще, шейный платок завязан узлом, волосы вьющиеся, густые. Бюст (67,5 x 45 x 33 см) развернут на $\frac{3}{4}$ влево и закреплен на круглой ножке. Справа на срезе плеча: «Забелло». На основании в картуше надпись: «Моему биографу / Леониду Николаевичу/ Майкову 1787–1887».

Академик Майков написал фундаментальный труд «Батюшков, его жизнь и сочинения» (СПб., 1887) и подготовил совместно с младшим братом поэта Помпеем Николаевичем юбилейное собрание Сочинений Батюшкова (Т. 1 – 3. СПб., 1885 – 1887). В благодарность Помпей Николаевич заказал в подарок для ученого мраморный бюст поэта с красноречивой надписью. Вдова академика передала бюст в Императорскую Публичную

библиотеку, откуда он в 1938 году поступил в Государственный музей А.С. Пушкина.

Второй экспонат собрания скульптуры создан в 2012 году известным петербургским скульптором заслуженным художником РСФСР, действительным членом Академии художеств В.Э. Горевым (род. в 1944 году). Это профильный потрет-барельеф Батюшкова (диаметр 50 см) (КП-36597), отлитый в бронзе – любимом материале автора.

Композиция классически ясна; безукоризненная чеканка придает портрету декоративную отделку и выразительность. А патина, смягчая блеск бронзы, выявляет благородство этого материала. Работе предшествовал барельеф, включенный в композицию мемориальной доски поэту (архитектор В.С. Васильковский, скульптор В.Э. Горевой), установленной в 2001 году в Петербурге на доме Е.Ф. Муравьевой (наб. реки Фонтанки, 25), где Батюшков жил в 1814 – 1815 и 1824 годах. Одним из изобразительных источников скульптору послужил карандашный автопортрет поэта, выполненный в 1810-е годы.

Музей хранит живописный портрет Константина Николаевича Батюшкова (КП-13160) (79,2 x 64 см, холст, масло), написанный в 1856 году художником Федором Игиным (1816 – 1860). На обороте холста сделанная тушью надпись: «Писаль художник / Федоръ Игинъ 1856/Съ рисунка Кипренскаго, рисованнаго 1815 мѣ году».

Уроженец Вологодской губернии, «крестьянский сын», Федор Игин пришел с обозом по санному пути в Петербург, чтобы учиться в художественной школе, открытой для крестьян А.Г. Венециановым. В 1841 году «по представленным рисункам» он стал вольноопределяющимся учеником Академии художеств. В 1850-е годы был достаточно известным, но позднее забытым портретистом. В наши дни его творчество привлекло внимание вологодского краеведа Н.А. Власова, Э. Медведковой и других исследователей. Портрет Батюшкова Игин написал по заказу Императорской Академии наук, где он и хранился до 1923 года. Затем был передан Пушкинскому Дому, откуда в 1953 году поступил во Всесоюзный музей А.С. Пушкина. Батюшков изображен в расстегнутом черном виц-мундире с красным воротником и серебряными пуговицами. Под мундиром черный жилет с мелкими пуговицами, черный шейный платок, из-под которого видны концы воротника белой рубашки. Он сидит в кресле, положив левую руку на ломберный стол. Герой портрета как будто не позирует, а «живет естественной жизнью»: расстегнутый мундир, непринужденная поза, он словно ведет беседу с художником. Это не удивительно: Кипренский, к рисунку которого восходит живописная

работа, создавал не заказные портреты, а изображал людей, которых близко знал, был связан с ними дружескими узами.

Изобразительный ряд дополняет гравированный портрет Батюшкова (КП-22324), выполненный С.Ф. Галактионовым по рисунку О.А. Кипренского для двухтомного издания «Сочинений в прозе и стихах» (СПб.: тип. И.И. Глазунова, 1834). Гравюра была приобретена музеем в 1968 году. Немного ранее (в 1964) музей приобрел у известного коллекционера П.В. Губара (1885 – 1976) два рисунка А.П. Брюллова (КП-20403; КП-20447) для титульных листов упомянутого издания. Гравюры по ним были также сделаны С.Ф. Галактионовым. В книжном собрании музея представлены несколько экземпляров этого издания и два экземпляра «Опытов в стихах и прозе» (Ч. 1 – 2. СПб., 1817) К.Н. Батюшкова.

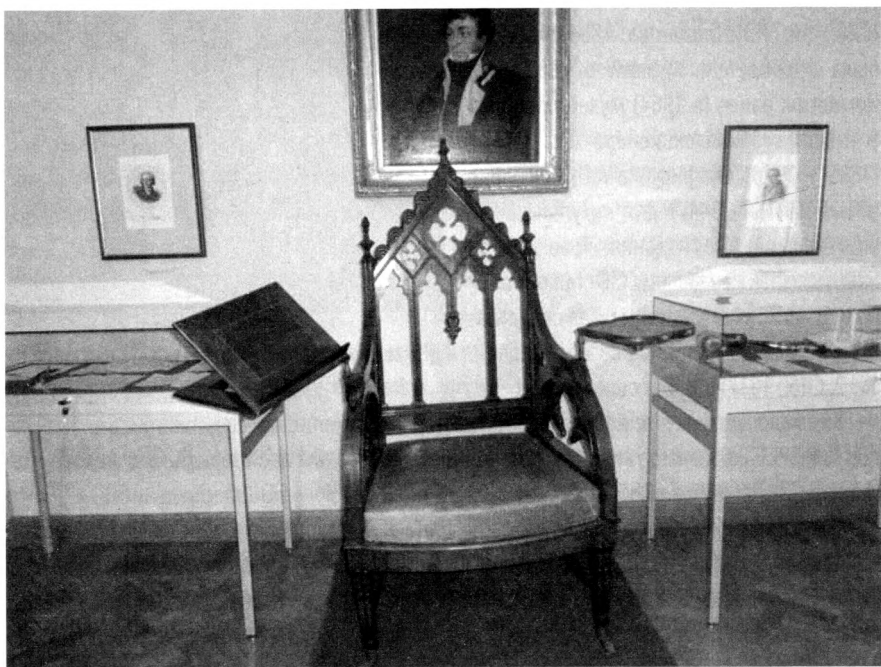
К сожалению, в музее нет автографов поэта, но в рукописном сборнике 1828 – 1829 годов (ВМП-33485) можно увидеть переписанное владельцем стихотворение Батюшкова «Послание к Тургеневу», а в сборнике 1830-х годов (ВМП-27754) – «Выздоровление».

Безусловный интерес для биографов поэта представляют портреты его родственников. В первую очередь, сюда относится копия портрета младшей сестры Батюшкова Юлии Николаевны (1808 – 1869), выполненная неизвестным художником 19 века с оригинала И.К. Макарова (1822 – 1897), работы которого отличались «приятным колоритом и щегольским приемом письма». Портрет (КП-15490) поступил в музей в 1954 году от Ф.А. Златоревской.

В альбоме фотографий, принадлежавшем семье сестры Н.Н. Пушкиной Александры Николаевны (1811 – 1891), в замужестве Фризенгоф, находятся фотопортреты Помпея Николаевича Батюшкова (1811 – 1892) и его супруги Софии Николаевны (1821 – 1901), урожденной Кривцовой. Альбом поступил в 1947 году из Словенского университета (г. Братислава) через Союз советских писателей в Пушкинский Дом (ИРЛИ РАН), откуда был передан Всесоюзному музею А.С. Пушкина. Снимки сделаны в Венеции в фотографии братьев Вианелли («GeL Fratelli Vianelli»), которая существовала с 1860-х по 1890 год. Фотопортреты свидетельствуют о том, что супруги посетили Италию – страну, связанную с жизнью и творчеством Константина Николаевича Батюшкова.

Еще один фотопортрет (КП-15027) Софьи Николаевны находится в альбоме (КП-15027), переданном вместе с большим архивом в 1918 году Пушкинскому Дому Александрой Петровной Араповой (1845 – 1919), старшей дочерью Натальи Николаевны Пушкиной от второго брака с П.П. Ланским. Из Пушкинского Дома альбом в 1953 году поступил во Всесоюзный музей А.С. Пушкина.

Большую ценность представляет мемориальная реликвия – кресло К.Н. Батюшкова (КП-14560).

Оно датируется 1830-ми годами, выполнено из красного дерева в готическом стиле, обито коричневой кожей. Имеет высокую, треугольную в верхней части, заканчивающейся остриями, прорезную спинку со стрельчатыми арками с прорезями в виде четырехлистников. К изогнутым локотникам на медных шарнирах прикреплены слева фигурная полочка, справа – прямоугольный пюпитр. Сидя в таком кресле, можно было рисовать, писать, читать, пить чай. Подобные приспособления не были редкостью. Так, например, кресло Г.Р. Державина (хранится в Национальном музее Республики Татарстан) тоже имело сложную конструкцию: могло превращаться в кровать, было снабжено пюпитром, карманами по бокам. Кресло Батюшкова поступило в Пушкинский Дом в 1922 году из коллекции историка

древнерусского искусства, профессора С.-Петербургского университета И.А. Шляпкина (1858 – 1918). В 1953 году оно было передано во Всесоюзный музей А.С. Пушкина.

Все перечисленные выше «свидетели былого» помогают сохранить память о гениальном русском поэте с нелегкой, но яркой судьбой.

Примечание. В статье использованы данные карточек научных описаний экспонатов, предоставленных хранителями музея Е.В. Пролет (графика), Е.А. Введенской (живопись), Е.В. Старинковой (мебель), Т.В. Сухопаровой (рукописи), Я.А. Пономаревой (фотографии), Е.В. Субботиной (книги).

Список иллюстраций:

1. Челлаи с ориг. П.П. Забелло. Бюст Батюшкова. 1887. Мрамор.
2. Гревой В.Э. Портрет-барельеф К.Н. Батюшкова. 2012. Бронза.
3. Ф. Игин. Портрет К.Н. Батюшкова. 1855. Холст, масло.
4. Кресло К.Н. Батюшкова. 1830-е. Красное дерево, кожа, металл.
5. А.П. Брюллов. Виньетка для титульного листа первой части «Сочинений в прозе и стихах» (СПб.: тип. И.И. Глазунова, 1834) . Бумага, сепия, тушь.
6. А.П. Брюллов. Виньетка для титульного листа второй части «Сочинений в прозе и стихах» (СПб.: тип. И.И. Глазунова, 1834) . Бумага, сепия, тушь.
7. Неизвестный художник. Портрет Ю.Н. Зиновьевой. 19 век. Копия с оригинала И.К. Макарова 1869 г. Холст, масло.
8. П.Н. Батюшков. Фотопортрет. Венеция. Фотография братьев Вианелли.
9. С.Н. Батюшкова. Фотопортрет. Венеция. Фотография братьев Вианелли. 1860-е (?).
10. С.Н. Батюшкова. Фотопортрет. 1860-е (?).

Нина Васильевна Фоминых родилась в деревне Хантаново в 1938 году. Окончила Череповецкий педагогический институт. 25 лет работала с подрастающим поколением как педагог – организатор. Является членом ВРОО «Батюшковское общество», со дня его основания, а также Литературно-краеведческого клуба «Госпожа Провинция» и Центра поэта Н.М. Рубцова г. Череповца. С 1997 года – внештатный корреспондент газеты Череповецкого района «Сельская новь». С 2015 года – член Вологодского Союза писателей-краеведов.

НИНА ФОМИНЫХ

«...ПРИ МИССИИ НАШЕЙ В НЕАПОЛЕ....»

«Указ Государственной Коллегии иностранных дел.

Коллежского асессора Батюшкова, находившегося лейб-гвардии в Измайловском полку штабс-капитаном и уволенного за раною от военной службы с определением к статским делам, всемиловейшее жалую в надворные советники, повелеваем причислить в ведомство Государственной Коллегии иностранных дел и поместить сверх штата при миссии нашей в Неаполе с жалованием по тысяче рублей в год, считая рубль в пятьдесят штиверов голландских, из общих государственных доходов, выдав ему из оных на проезд до места назначения годовой его оклад, то есть тысячу рублей, во столько же штиверов.

На подлинном подписано Собственною Его императорского величества рукою тако: Александр.

Каменный остров. Июля 16-го дня 1818 года.

Контрассигновал статс-секретарь граф Нессельрод».

Письмо. Батюшков – А. Тургеневу, 10 сентября 1818 г., Москва:

«Я знаю Италию, не побывав в ней. Там не найду счастья: его нигде нет; уверен даже, что буду грустить о снегах родины и о людях, мне драгоценных. Ни зрелища чудесной природы, ни чудеса искусства, ни величественные воспоминания не затмят для меня вас и тех, кого привык любить. Привык! Разумеете меня? Но первое условие – жить, а здесь холодно, и я умираю ежедневно. Вот почему желал Италии и желаю. Умереть на батарее – прекрасно; но в тридцать лет умереть в постеле – ужасно и право, мне что-то не хочется».

К.Н. Батюшков – П. И. Шаликову, 11 сентября 1818, Петербург:

*«Вот мой удел, почтенный мой поэт:
Оставляя отчий край, увижу новый свет,
И небо новое, и незнакомы лица,*

*Везувий в пламени и Этны вечный дым,
Кастратов, оперу, фигляров, папский Рим
И прах, священный прах всемирных столицы.
Но где бы я ни был (так молвлю в добрый час),
Не изменюсь, душою тот же буду
И, умирая, не забуду
Москву, Отечество, друзей моих и вас!» (1)*

19 ноября 1818 года друзья Батюшкова выехали из Петербурга в Царское Село, чтобы там ужином с шампанским проводить поэта в Италию. Среди провожавших были Екатерина Фёдоровна Муравьёва и её сын Никита, декабрист; его двоюродный брат Михаил Лунин, тоже декабрист; сестра Лунина Екатерина Уварова; литераторы Гнедич, Жуковский, Александр Тургенев, Александр Пушкин; создатель телеграфа инженер Павел Львович Шиллинг. . . Все они «горевали, пили, смеялись, спорили, горячились, готовы были плакать и опять пили», — так писал А. Тургенев.

Проследовав через Вену, Батюшков посетил Венецию и Рим, откуда прибыл в Неаполь — в одноимённое королевство.

Поэт добрался до страны, где жил его кумир — прибыл в «отчизну Тасса». Ещё из Рима он писал Оленину: «Сперва бродил, как угорелый: спешил всё увидеть, всё проглотить. . . Скажу только, что одна прогулка в Риме, один взгляд на Форум, в который я по уши влюбился, заплатят с избытком за все беспокойства долгого пути. . . Один Рим может вылечить только, что одна прогулка в Риме, от суетности самолюбия».

А ещё пишет поэт А.И. Тургеневу из Неаполя: «Прелестная земля!» С.С. Уварову (в мае): «Какая земля! Верите, она выше всех описаний, для того, кто любит историю, природу и поэзию; для того даже, кто жаден к грубым чувственным наслаждениям, земля сия — рай небесный. Но ум, требующий пищи в настоящем, ум деятельный, здесь скоро завянет и погибнет; сердце живущее дружбой, замрёт. Общество бесплодно, пусто».

И не понравилась ему Неаполитанская революция 1820 года: «Мне эта глупая революция очень надоела. Пора быть умеренным, то есть покойным» (Из письма Е.Ф. Муравьёвой).

Батюшкова переводят в Рим. Именно здесь началась та мучительная душевная болезнь, которая не оставляла его следующие 34 года, целую половину жизни. Поэт жил эти годы и скончался в Вологде, в доме, стоящем и поныне неподалёку от древнего кремля. (2)

Итальянский период жизни и творчества Батюшкова изучен недостаточно подробно. Многие дни, даже месяцы этой жизни, многие моменты творческой деятельности Батюшкова в Италии остаются неизвестными нам. Он пробыл «в отчизне Тасса» около трёх лет — за эти три года сохранилось лишь около десяти его писем, несколько стихотворных отрывков, несколько свидетельств современников, общавшихся с ним, и большое количество разного

рода домыслов, догадок, легенд и сплетен, ибо период этот связан с последующими «чёрными» годами психической болезни. (1)

Литература

В.А. Кошелева. «Странствия и страсти». Стр. 262-263.

Дмитрий Коринский, г. Всеволожск, 1992 г. Глава 6 из очерка «Странствия и страсти» «Вестник Всеволожского государственного историко-краеведческого музея № 1».

Александра Николаевна Батюшкова

«... Единственная по нежности сердца и бескорыстию в привязанности к брату»

В.А. Жуковский

Родилась 1 сентября 1783 года в городе Великом Устюге. В семье была третьим ребёнком. В 1790–х годах она, как и другие дети, находилась в петербургском пансионе мадам Эклебен, потом (до 1807 года) жила с отцом в Даниловском под Устюжной. Жизнь протекала скучно. От скуки спасали поездки в Петербург, куда она ездила, навещая брата Константина. Из Петербурга она проводила его на войну (военный поход в Пруссию 1807 г.)

Вторичная женитьба отца поссорила взрослых детей с ним и изменила судьбу Александры Николаевны. Конфликт завершился разделом имущества покойной матери Александры Григорьевны Бердяевой-Батюшковой. Александра Николаевна прибыла в родовое имение матери Хантаново и стала помещицей.

С 1809 года Хантаново, Петраево, Филимоново принадлежали Александре и сестре Варваре, но все заботы об имении легли на плечи старшей сестры Александры.

Доходы от имения были небогаты, оно требовало «благоустройства». Александра Николаевна построила «прекрасный дом», флигель, теплицу, хозяйственные постройки, разбила сад, выкопала пруды. «Чувствительность, сентиментальность, сопереживание, сострадательность, ответственность — держали постоянно её в тревоге о близких». (Р.Л.) Константин Николаевич знал её характер «боролся с этими недостатками сестры, и успокаивал её как мог: «Я, право, не в силах, но и самым огорчениям должна быть мера...». Он предлагает сестре побережь себя.

Александра Николаевна ещё не была замужем, что огорчало брата. «Если бы ты или Варенька вышли замуж — это было моей любимой надеждой». Он призывает сестру спокойно перенести «бремя жизни».

4-го мая 1810 г. (Москва). Константин Николаевич пишет сестре:

«Благодарю тебя за твои письма, любезнѣйшій другъ. Они мнѣ всегда пріятны; они нужны для моего спокойствія. Пиши почаще и не сердись на мою неисправность. Часто я и самъ себѣ не могу отдать отчету въ моей лѣни, а теперь и хлопотъ много. Съ удовольствіемъ вижу, что ты рѣшилась строить домъ. Пора, давно пора. Что же касается до Захарова, то ему, кажется, не исправиться, и держать его въ домѣ не для чего. Итакъ, прошу дать ему пашпортъ на оброкъ и не держать его ни дня въ Хантоновѣ... Наказаніями ничего съзакоренѣлыми плутами не сдѣлаешь, и ихъ опасно держать въ домѣ и безразсудно...»

Константин Николаевич нарисовал карандашом портрет сестры в профиль, но судьба портрета неизвестна. «Александра Николаевна была миловидной и нежной» (Тургенев). Она умела красиво одеваться, брат считал её щеголихой и посылал ей модные материалы для платьев. Константин Николаевич, считая её умной, доверял ведение своих дел, поручал переговоры с губернатором, советовался с ней». Александра была хранительницей его библиотеки. Ангелом-хранителем младшей сестры Вареньки, которую «берегла, как зеницу ока».

Содержанием и смыслом жизни этой удивительной женщины стали здоровье, благополучие и счастье её близких. Для себя у неё не оставалось времени.

Александра Николаевна была единственной ниточкой, связывающей Константина Николаевича с домом. Долгое молчание сестры повергало его в отчаяние, он желал знать «всё!». Из письма А. Н. Батюшковой к брату:

«Я к тебе пишу, любезной друг, из нашей пустыни [Имеется в виду Хантоново.], куда приехала в конце праздников. [Речь идет о Пасхе.] Ты можешь себе представить, по какой дороге я ехала, и еще скажу, что больная оставила город. Заезжала в Глуповское. Староста неотменно хотел выслать деньги на будущей почте. Твой флигель строится и, надеемся, будет весьма покоен. [Ср. в письме Батюшкова к А. Н. Батюшковой от 24 апреля 1811 года: «...не забудь о флигеле, о моем маленьком убежище» (II, 165).] Я нарочно более поспешила быть дома для постройки флигеля, и другие надобности принудили меня ехать в деревню.

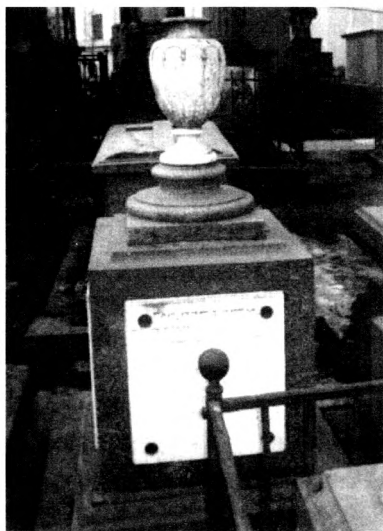

Ты можешь себе представить, в каком уединении [я] провожу время, надеясь на Ал<ександру> Аполлоновну [Сестра А. А. Соколова.], но была и ею обманута. Часто посещаю теплицу, читаю прекрасную книгу. [Роман Ф.-Ж. Вильмен д'Абанкура (1801).]

Что ты делаешь, любезнейший друг? Чем решишь свою судьбу, ожидаю более нежели с нетерпением твоих писем. Я просила Вариньку незамедля мне переслать твои письма из Вологды...».

В 1819 году Александра Николаевна совершила путешествие в Одессу «с лёгким сердцем»: достроен дом, замужем Варенька, устроены в пансион дети, сводные брат и сестра Юлия и Помпей после смерти отца Николая Львовича. 1822 год. Она спешит в Петербург на встречу с братом, возвратившимся из Италии. К огорчению и отчаянию Александры Николаевны в поведении его уже обозначились первые симптомы болезни, при этом «она только дышала им».

Шесть лет (1823 – 1828 г.г.) Александра Николаевна провела с душевнобольным братом. Безутешную сестру поддерживали в горе братья Тургеневы. Подлинным Ангелом-хранителем, «добрым гением» стал для неё В.А. Жуковский. Через него шли письма, посылки к Александре Николаевне от родных, друзей; он всегда отзывался на её просьбы. Страх и сострадание доставляли ей бесцеремонное вмешательство людей, посещающих больного. Здоровье Александры Николаевны ухудшалось, появились признаки душевной болезни – «жертва братской любви».

*Памятник Александре Григорьевне
Бердяевой-Батюшковой*

Она «прожила» в Хантанове без друзей и родных «12 лет безумия» на руках дворовых людей, в крайней, удручающей обстановке бедности. (В.А. Кошелев)

Скончалась Александра Николаевна 19 апреля 1841 года «в сельце Юрьевском, у помещицы девицы Екатерины Аполлоновны Соколовой Вологодской губернии Грязовецкого уезда».

22 апреля её похоронили достойно на приходском кладбище у церкви Богоявления Господня села Никольское на Ухтоме. Сейчас его нет.

По доверенности сестёр управление имением Александры Николаевны Батюшковой было поручено полковнику Павлу Аполлоновичу Соколову (1774 – 1852 г.г.).

По архивным изысканиям Р.М. Лазарчук.

Валерий Валерьевич Шлыков – журналист, писатель, критик. Родился в 1974 г. Окончил философский факультет УРАО и аспирантуру СевНТУ. Сотрудничает с Музеем современного искусства Эрарта. Живет в Санкт-Петербурге.

Валерий ШЛЫКОВ

РУССКИЙ ГЕЛЬДЕРЛИН. ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ КОНСТАНТИНА БАТЮШКОВА

*Без смерти жизнь не жизнь: и что она? сосуд,
Где капля меду средь полыни...*
Батюшков

Есть люди, что намного опередили своё время. Про таких говорят: они родились раньше своего часа. Но есть и те, кого судьба забросила в далёкое будущее: в недоумении озираются они, не узнавая окружения, и впадают в тоскливое отчаяние, когда понимают, насколько они опоздали родиться. К таким людям несомненно принадлежал Константин Батюшков, русский поэт XIX века, проживший 68 лет, из которых ровно половину – в сумеречном состоянии духа (попросту, в безумии). Трагедия Батюшкова – это трагедия Петрарки, заброшенного в век газет и пароходов. Триумф Батюшкова – это триумф воображения, не признающего границ разума.

Первые тридцать лет жизни Батюшкова были временем счастья и больших надежд. Родился в 1787-м в древнем дворянском роде. Получил блестящее воспитание, в Петербурге познакомился и был дружен с лучшими людьми того времени: Жуковским, Гнедичем, Вяземским, Карамзиным, молодым Пушкиным. Участвовал в трёх военных компаниях: прусском походе 1807 г., шведской войне 1808 г. и славном русском походе 1813–14 гг., окончившимся взятием Парижа. Всюду пишет стихи и путевые заметки, в 1817-м издаёт книгу «Опыты в стихах и прозе». Нетерпеливый, непоседливый, мечтательный и озорной, Батюшков был всеобщим любимцем. Современники вспоминали: «Батюшков был всем одарён, чем может быть человек. Умён, добр, честен, благороден, учён, красноречив, приятной наружности, прост в обращении и совершенный gentleman...». О его стихах Гнедич отзывался как о «не-

подражаемых по своему благозвучию, по мелодии истинно итальянской». Известны слова Пушкина о Батюшкове: «Философ резвый и пиит». Наконец, ему самому принадлежат очень похожие строки: «Поэт, лентяй, счастливец И тонкий философ...»

Несомненно, Батюшков очень любил Россию. Но в ней он постоянно мерз. «Зима убивает меня», — писал он. Из-за своей впечатлительной натуры он был весьма склонен к хандре и тоскливому состоянию; часто возводя в голове грандиозные планы, он быстро убеждался в крайней сложности их осуществления, отчего впадал в отчаяние и меланхолию. С детства он чувствовал в душе какое-то «чёрное пятно» — и справиться с ним не могли ни верные друзья, ни боевые походы. Отчасти облегчение приносили старые поэты: Тибулл, Гораций, Петрарка, Данте, Тассо. К слову, сплошь итальянцы. Но иногда и они лишь усиливали хандру. «О, память сердца! ты сильнее Рассудка памяти печальной...» — пронизательно отмечал Батюшков. И действительно, скоро «память сердца» полностью и окончательно затмит «память рассудка». Остался только один шаг. Объездив пол-Европы, Батюшков никогда не был в Италии. словно страхась чего-то, обходил её стороной. Но проблемы со здоровьем вынуждали ехать на юга. А тут подоспело приглашение Тургенева из Неаполя. Справив необременительную дипломатическую службу, в 1819-м Батюшков оказывается в Италии.

Первые впечатления восхитительны. Природа, древности, люди искусства... «Для того, кто любит историю, природу и поэзию, земля сия — рай небесный». Но спустя некоторое время уныние набрасывается на Батюшкова с новой силой. Он словно боится жить, боится узнать некую тайну, опасается пробуждения чего-то невыносимого. Не едет на могилу Вергилия, перестает отвечать на письма друзей, пишет солидные «Записки о древностях Неаполя» и вдруг сжигает их... Италия — не та, новейшая, эпохи Рисорджименто, но древняя, властная и капризная, — признаёт в нём своего блудного сына. Сына, по которому уже давно тоскуют Елисейские поля. И, признав, зовёт в вечное прошлое.

Осознав это, Батюшков в ужасе бежит из Италии. В Германии он пребывает в полной фрустрации: со всеми ссорится, «не хочет ничего писать, ни служить, ни быть в отставке, ни путешествовать, ни возвращаться в Россию» (Карамзин). На дворе 1821 год — год помрачения духа, а затем и его гибели. Последующие 34 года, вплоть до уже ничего не решавшей смерти тела в 1855-м, Батюшков будет пребывать в сумеречном состоянии, одержимый манией преследования и желанием покончить с собой. Современники вспоминают: «1 марта 1823 года он перерезал себе горло бритвой; рана не была смертельна, её быстро вылечили, но стремление его лишиться себя жизни очень навязчиво...». «Он хотел выброситься в окно, пытался убежать...». «Он беспрестанно говорит о самоубийстве...». Его помещают в лучшую лечебницу — он убеждён, что это тюрьма. Его перевозят сначала в Москву, потом в Вологду, в родное имение; друзья переживают и хлопочат — всё тщетно. Временами Батюшков спокоен и рассудителен, интересуется новостями, много гуляет. И

тут же запись врача: «Утром умолял принести ему кинжал, чтобы умертвить себя; ему чудились Вяземский, Жуковский, император Александр, которые записывали всё, что он говорил, и немедленно отсылали куда-то записанное...». Впрочем, вскоре Вяземский, Жуковский и иные поумирали — а тело Батюшкова всё жило и жило, словно механически отматывая назад нить жизни, высшее напряжение которой пришлось на тот злополучный 1821 год. Окончательно оборвала эту нить тифозная горячка, погрузившая Батюшкова в спасительное забытие.

Почти современник Батюшкова, немецкий поэт Гельдерлин задолжал богиням судьбы, паркам, чуть больше — сорок лет провёл он в безумии, отражая в невидящих современность глазах вечное небо Эллады. Рассказывают, что Батюшков в бреду часто говорил по-итальянски, а однажды воскликнул, не сводя глаз с неба: «О родина Данте! О дорогая моя родина!». Эти двое являли собой характерный пример людей, увидевших свет не той эпохи. Каким-то образом догадавшись об этом, они не смогли удержать свой рассудок на привычном месте. Как вернуться домой, если родина твоя — не на западе или востоке, но в далеком прошлом? И о чём говорить с людьми, если они никогда не беседовали с Сократом? Лишь друзьям Батюшкова повезло больше: «современник Овидия и Катулла» какое-то время жил среди них...

P.S. A propos. Великий Ницше ушёл в сумеречную страну также из Италии, из Турина.

КРЕСТ В НЕБЕ

Ежегодно на благодатной мяксинской земле в последнее воскресенье мая проводится замечательный праздник «Отечески Пенаты». В тот день 2012 года, помню, погода стояла пасмурная. Серые неприветливые тучи в любую минуту были готовы пролиться затяжным дождём. Но желающих побывать на полюбившемся празднике, на реконструкции военного сражения времён Константина Николаевича Батюшкова, у памятного камня, в беседе муз сей каприз погоды не напугал. Почти у каждого в руках, а у кого и в сумочке, был зонтик.

Когда сражение закончилось, когда развеялся дым от пожаров и смолкли залпы и грохот орудий, успокоившийся, от впечатляющего зрелища зритель, двинулся по дороге, ведущей к памятному камню, чтобы возложить живые цветы, почтить память великого гения добрым словом, почитать стихи. Не чувствуя каких-либо неожиданностей, мы с двумя коллегами по перу тоже спустились проторённой тропинкой к реке. Оставалось подняться в крутую гору, а там, глядишь, и передохнуть можно.

Увлечённые беседой, мы не заметили, как нас догнала машина, которой управлял Александр Николаевич Оболичков. Он любезно предложил нас подвезти. Довольные и весёлые мы охотно расположились на уютных сидениях его автомобиля. Не успев проехать сотню метров, я обратила свой взор к небу через смотровое стекло и громко воскликнула от неожиданности: «Смотрите! Крест в небе!». Александр Николаевич сбавил ход, и мы, как заворожённые, вчетвером любовались этим необычайным чудом природы. Всего на какую-то минуту тучи раздвинулись, и на лазурном небе появился настоящий православный крест. Это была не фигурка из облаков в виде креста, как это часто бывает, не след от пролетающих самолётов в небесной выси. А именно крест — чёткий, яркий, выточенный из яркого света. Вскоре тучи опять сошлись, не предвещая улучшения погоды. А вот волнение от увиденного чуда ещё долго не покидало нас.

Несколько дней я ходила под впечатлением от увиденного зрелища, а успокоилась лишь тогда, когда, наконец, волнение пролилось на бумагу в стихотворные строки. Своё стихотворение я так и назвала «Крест над Усадьбой»:

*Я помню: мы ехали полем.
Был праздник весною у нас.
Такого не видеть мне боле,
Такое бывает лишь раз.*

*До места, куда мы спешили,
Рукой оставалось подать,
А по небу тучи ходили,
Дождём нас, пугая прогнать.*

*И вдруг над усадьбой поэта
Средь туч обозначился Крест,
Сияя Божественным светом
Во весь хантановский окрест.*

*Воистину чудо-явление –
Ту радость мне как описать?!
Как будто сам Батюшков-гений
Явился на праздник опять.*

А ещё через некоторое время я нашла полный ответ этому необыкновенному явлению в одном из моих любимых журналов, который я покупаю еженедельно. Наша страна в эти дни хоронила знаменитого певца – Эдуарда Хилия. Во время церемонии похорон на небе появился крест. В статье батюшка даёт пояснение этому редчайшему явлению. Цитирую: «Православные кресты в небе появляются не случайно. Они появляются в дни особо значимых событий, для людей угодных Богу».

Воистину! Это чудо-явление в очередной раз заставило меня убедиться в том, что земля наша в том месте, где ступала нога выдающегося земляка, – необыкновенная, и, что в эти значимые дни – дни проведения праздника «Отечески Пенаты»:

*Над бархатом бескрайнего раздолья
Особая витает благодать...*

* * *

*И место здесь воистину святое,
Сюда спустилась гения душа...*

Эти строки из моих предыдущих стихов я привела не случайно. В них тоже были подмечены и другие необычайные явления, происходившие в дни проведения этого праздника, ставшего доброй традицией на моей малой Родине в селе Мякса. Пусть эти добрые знаки с небес напоминают нам, живущим на земле, что мы все дети Бога. И что на землю мы приходим лишь в гости, творить добрые дела.

Стихи, посвященные К.Н. Батюшкову

Елена МАКСИМОВА

У КАМНЯ БАТЮШКОВУ

* * *

Воистину редчайшее явление...
Перо, прорезав неба синеву,
Над камнем опустилось на мгновение.
То был нам знак: Я с Вами, я живу!

Над бархатом бескрайнего раздолья
Особая витает благодать.
И каждый год поэты в это поле
Съезжаются дань памяти отдать.

А от земли дыхание такое!
Стоять бы так, часами, не дыша.
И место здесь воистину святое...
Сюда спустилась гения душа.

В воскресенье, в день последний мая,
К камню мы приходим каждый год.
Почитать стихи о дивном крае,
Батюшкова вспомнить тот поход.

Посмотреть военное сражение,
Как картечью, залпом по врагу
Бьют французов наши у деревни,
На крутом у речки берегу.

Подивиться детским ликованием,
Неподдельностью горящих глаз.
Детки-детки, милые созданья,
Только б войны не коснулись вас.

А пока растите, подрастайте,
Верю я в надёжность ваших рук.
Но мечтами в детство возвращайтесь...
Где вас помнят и, конечно, ждут.

А. Бунцельман

БАТЮШКОВ В ВОЛОГДЕ

Всё кажется далёким сном,
Где нет конца и нет начала,
О, как рука его дрожала,
Стихов перебирая том.

Стоял в раздумье долго у окна,
Скрестив, как Бонапарте, руки.
Над площадью кремлёвской тишина...
Куда уйти от вологодской скуки?

Скорее в руки кисти и гуашь,
Уйти... оцепенеть, забыться...
В который раз рисует он пейзаж:
Луна над полем, дерево и птица.

О, если бы запела, вдруг, строка,
Как в дни былые молодости шумной,
Берёт перо, но падает рука,
И взор застыл и гневный, и безумный.

Одет шлафрок, хоть в комнате тепло,
Поскрипывают резко половицы,
Тускнеет свет и, кажется, в стекло
Стучится перепуганная птица.

А ночью боль, бессвязные слова,
Как стоны, умирающего Тасса,
Теснит в груди, кружится голова,
Он жадно ждёт предутреннего часа...

Александр КРУГЛИКОВ

* * *

Вокруг протекших лет следы.
Ещё не канувшие в Лету,
Травой заросшие пруды,
Заглохший парк...
Идём к поэту.

Благословенная земля!
Не раз ходил он лугом этим...
И хантановские поля,
Конечно, помнят о поэте.

Тревожный звон колоколов
С высокой колокольни в Мяксе
Невольно часто слушал он,
Печалась об ушедшем счастье...

Обручена с другим она...
Что впереди? Болезнь и скука.
И бедность рядом. И война...

О, сколько лет почти ни звука...
И вот забвенья снят покров.
И говорим о нём и пишем.
И голос батюшковских слов
Сквозь два столетия снова слышен.

Валентина ЖУКОВА

(Нюксенский район)

К.Н. Батюшкову

* * *

Течёт неспешно Вологда-река,
Глядят соборы в небо голубое,
А он на берегу стоит, пока
Конь отдохнёт, чтоб сил набрать для боя.

Кто ты, свой род прославивший навек,
Поэт, чьё имя Пушкиным любимо:
Иль воин и бесстрашный человек,
Готовый жизнь отдать за край любимый?

Какая необычная судьба!
С душой чувствительной талант блестящий
Слились. Полжизни – Муза и борьба,
Вторая половина – разум спящий...

Мечтал о многом, многое хотел
Осуществить, благие ставил цели,
Но, жаль, мечты исполнить не успел,
Зато труды твои узнать успели.

Ты был над многими умами властен,
Талант с годами не забыт ничуть.
Горжусь: ты к Вологде моей причастен,
Здесь в мир пришёл и здесь окончил путь.

На родине ты в памяти людей,
И на могиле свеж венок прощальный.
Всё верно: «ПАМЯТЬ СЕРДЦА, ТЫ СИЛЬНЕЙ...»
Другой – «РАССУДКА ПАМЯТИ ПЕЧАЛЬНОЙ!»...

Ида КЛИМИНА

Чусовой В. Д.

Хранит легенды и преданья
Среди полей тот край земли,
Что видел грозы и страданья
Вы полюбить его смогли.

В снегах глубоких уголок,
Где жил, творил поэт и воин,
Легко рождал высокий слог,
Он поклонения достоин.

Усадьба Батюшкова: сад,
Пруды, аллеи в строгой стиле,
Исчезла много лет назад,
Как жаль, что это допустили.

Здесь родники в земле глубоки,
Здесь небеса всегда высоки,
И даже ветра дуновенье
Таит секреты вдохновенья.

Недаром некогда Пенаты,
Придя из древней старины,
Хранили всё, что было свято,
Для этой тихой стороны.

Взгляните: солнце и простор!
Цветы полей, лугов и гор!
Песнь жаворонка с вышины
Звенит над миром тишины.

И замечали Вы не раз:
«На том же месте, в тот же час,
То луч блеснул, то солнце по заказу...»
То, вдруг, стихами выскажете фразу:

«Он будто говорит: «Я с вами!»
Он будто призывает нас —
Хранить об их семействе память,
Чтоб свет лампы не погас!»

Николай КУЗНЕЦОВ

Из цикла «ТВОИ ПЕНАТЫ»

ТВОЙ ТИХИЙ ПРУД

Твой тихий пруд, прохладная вода!
Плакучие грустят повсюду ивы,
А ночью здесь купается звезда.
Ей кажется, что люди все счастливы.
Ей кажется, что нет на свете войн
И никаких мучений и лишений.
Собачий лай – не хищный волчий вой –
Лишь слышится порою в отдалении.
А, испугавшись, юная звезда
Опять к утру на небеса стремится!
Не ты ли это сходишь к нам сюда,
Чтобы на мир окрестный подивиться?

УСАДЬБА

Цвели здесь весенние липы,
Деревня пахала, пекла.
И плавали крупные рыбы
В реке, что в сторонке текла.
И здесь ты гулял по аллеям
Весёлый, шальной, молодой.
Мечту дорожку лелеял,
Хмельной упиваясь весной!
Давно уж здесь многого нету,
И тени былого молчат. . .
Но дивные строчки поэта
Доныне здесь дивно звучат!

* * *

Когда война случилась в мире,
Гремела пушечная рать.
Ты забывал на время лиру
И в руки брал разящий меч.
За дело правое, свободу,
За справедливость и любовь
Отважно шёл в огонь и воду
И проливал в сраженьях кровь.
И в наши дни не мирно в мире,
Порой бывает, хоть реви.
Твоя страдальческая лира
Зовёт нас к счастью и любви!
Везде война бушует в мире,
Свистят и пули и картечь.
Друзья, пора нам бросить лиру
И в руки брать разящий меч!

* * *

Как быстро пролетает детство,
Туманом стало золотым.
Оставив светлое наследство —
Воспоминаний сладкий дым.
Сшиваешь рифмой эту память,
Разорванную на клочки!
Души сиреневую замять,
И сердца нервного толчки.
И, как черёмуха весной,
Средь стужи, зноя и тоски.
Цветёшь ты звонкою строкою,
Роняя сердца лепестки!

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ!

Поэт мечты! Ты был мечтатель!
Ты жил на родине стиха!
Прекрасных «Опытов...» создатель,
Твоя строфа была легка.
В твоих «ответах» и «пенатах»,
В своих «посланиях» пестунам
Ты был поэтом и солдатом,
И вот таким ты виден нам.
С любимой женщиной не венчан,
С улыбкой нежной на устах.
И даже дом твой был бревенчат,
Здесь на шекснинских берегах.
Зачем ты жёг в чужих чертогах
Элегий выдуманных свет.
Его не надо было трогать,
Сосуд, что нёс на голове!
Мечты, мечты! Ты был мечтатель!
В мечтаньях не было греха.
Прекрасных образов создатель,
Твоя строфа, как пух легка.

* * *

Был скромным ты, добрым и кротким.
Богатым знакомым писал:
Прошу, помогите сироткам!
А сам от нужды изнывал.
Как лошадь, трудясь, ломовая,
Вставал ты пораньше с утра,
Не нажил, в работе сгорая,
Ни золота, ни серебра!
Твоё родовое имя
До наших не дожило дней!
Но сам ты, не знающий тленья,
Духовностью светлой своей
Богаче стал всех богачей!

Алексей ТКАЧЁВ

БАТЮШКОВ В ХАНТАНОВЕ

Какое высокое место,
Какой широченный обзор!
А раньше Шексна, словно песня,
Минуя боров многолесье,
Текла здесь на русский простор.

И было тут солнце для ласки,
И кровь не сочилась из ран...
Смакуя медовую бражку,
Свою искромётную сказку
Творил вологодский талант!

Здесь был он свободен душою.
И, славя отчизну свою,
Готов был подняться для боя,
Российский отчаянный воин,
Готовый погибнуть в бою!

Так пусть же у вечного камня,
На древнем холме у Шексны
И в ясную пору и в замять
Живёт благодарная память,
Герою минувшей войны.

История литературного Череповца

Валентина ЧУСОВА

филолог, краевед

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ – К ДОБРУ!

Нина Михайловна Иванова-Романова – поэт, прозаик, педагог. Она оставила после себя большое литературное наследие: рассказы, стихи, фольклор, автобиографическое произведение «Книга жизни». Родилась она в Луге 20 января 1909 года. В связи с тем, что отец служил в воинской части, семья неоднократно меняла место жительства: Баку, Москва, опять Луга, Царское село, Новгородская область, Казань, Златоуст, Урал, Череповец. Предки её по отцовской линии были связаны с Вологодским краем: отец родился в деревне Ишкобой Кадуйского района.

Именно переезды были причиной того, что Нина Иванова не училась в школе. «Я не попала в школу до 14 лет, – пишет она в «Автобиографии». – Читать научилась лет в пять, лет в 6-7 впервые увидела сборник стихов и с того времени стала писать стихи сама». Родители старались развивать природные способности дочери: в 12 лет она играла на гитаре, хорошо рисовала. Любовь к музыке привила неграмотная мать, любившая церковную музыку. Для дочери они искали школу, где «хорошие учителя».

В течение года Нина брала уроки у местного учителя А.Н. Шемановского, а затем поступила в Череповецкий педагогический техникум. Училась Нина Иванова хорошо, о чем свидетельствует документ в архиве Череповецкого музейного объединения. В протоколе № 5 от 8 июня 1929 года в разделе «Постановили» есть запись: Иванова Нина Михайловна по академической подготовленности – «хорошо», по профессиональной – «хорошо», подготовленность к общественной работе – «удовлетворительно». «Хорошо» – это высшая оценка успеваемости студента в то время.

В период учебы в техникуме Нина Михайловна увлекалась многим. Она любила рисовать. Сохранились автопортреты и портреты её родных, дру-

Н.М. Иванова-Романова

зей. Так, описывая вечер, посвященный композитору Бородину, Нина Михайловна замечает: «В зале большой портрет композитора – уголь, итальянский карандаш – делала я». Об увлечении музыкой говорят строки: «Очень люблю этот хор; знаю в нем наизусть каждый звук. Наши музыкальные вечера – всегда праздник для меня».

Стихи Нина Михайловна писала всю жизнь. Они рождались спонтанно: в трамвае, по дороге на работу, за мытьем полов и посуды, ночью. Впоследствии признавалась: «Я сильнее в стихах, чем в прозе... Они все больше – просто дело жизни».

Все, кто знал ее, отмечали необыкновенное трудолюбие, огромную волю к жизни, требовательность, прежде всего, к себе.

В 16 лет одна за другой на нее обрушились беды: заболела и умерла мать, в доме появилась мачеха, через 4 года умер от туберкулеза отец, а через год – брат. Об этом периоде жизни Нина Михайловна напишет в стихотворении:

*Безвыходность смыкается кольцом. . .
А дома грубой мачехи засилье;
Стою над догорающим отцом
В тоске, в слезах, задавленных в бессилье.*

Стихи помогли ей пережить душевный разлад с мачехой. Всего семь лет (1923–1929 гг.) жила она в Череповце, но «именно эти годы стали главными в её жизни, определили её дальнейшую судьбу, пробудили необыкновенный поэтический дар» (О.В. Шеляпина). Впервые ее стихи были опубликованы в 1929 году в газете «Коммунист» Череповца, а в 1989 году в журнале «Нева» (№ 2-4) была напечатана «Книга жизни». В письме к В.И. Чиргиной, заведующей музеем истории Череповецкого педагогического института, Нина Михайловна пишет: «... если я и успела сказать что-либо убедительное, то это главным образом о Череповце, от Череповца, Череповцу обязана». Череповецкий период в жизни Нины Михайловны очень важен еще и потому, что именно в эти годы формировался её характер, её взгляды на жизнь. Атмосфера города Череповца оказала благотворное влияние на неё: здесь многие люди заронили своим отношением к ней зерно доброты, здесь она обрела друзей и испытала прекрасное чувство любви, которое пронесла через всю жизнь. Самое сильное влияние на нее оказала встреча со ссыльными. Это были очень интересные люди, общение с которыми оставило неизгладимое впечатление. С большим уважением она напишет о них в «Книге жизни».

В двадцатых годах XX века при редакции газеты «Коммунист» работала литературная группа, преобразованная в 1928 году в Череповецкую ассоциацию пролетарских писателей (ЧАПП). Здесь в 1929 году она встретилась с Александром Афанасьевым, который учился в Московском университете, участвовал в оппозиционном движении, за что был выслан в Череповец. Встреча эта оказалась судьбоносной:

*Нам стало часто по пути.
Вот – вот должно открыться,
Что значит – глаз не отвести
И не наговориться.*

Познакомились они на занятиях литературного кружка при редакции газеты «Коммунист». Он происходил из многодетной семьи. Вот как пишет о нём Нина Михайловна в «Книге жизни»: «... исключительно одарен, обнаруживает раннее умственное развитие. Пишет стихи, пьесы. Создал группу любителей астрономии. Бесстрашный, прямолинейный активист, поразительно начитанный». С Александром ей было интересно. И дело не только в «молодой влюбленности», а ещё в том, что у них был общий предмет разговора – поэзия. Они говорили о поэзии Светлова, Маяковского, Багрицкого, Хлебникова. От Шуры Афанасьева она впервые услышала о Пастернаке, стихи которого он любил и хорошо знал. Ее сочувственное отношение к ссыльным не одобрялось в семье. От нее отказались брат и друзья. Но она продолжала встречаться с Александром, потому что, помимо симпатии, их объединяла любовь к поэзии. Нина Михайловна любила Александра Афанасьева всю жизнь, посвятила ему прозу, стихи, в том числе цикл «Полустолетие». Высланный из Череповца в январе 1930 года сначала в Бийск, потом в Енисейск, оттуда в Магаданский край, он 1945 году был расстрелян как враг народа. Горюя, она писала впоследствии:

*Друзья давно в могиле...
А мне дана еще судьба
О них поведать миру,
Писать стихи, сходить с ума
Над горестною лирой.*

По окончании техникума в течение года Нина Михайловна работала в Дементьевской школе, затем уехала учиться в Ленинград.

Окончив Ленинградский Педагогический институт им. Бубнова и Институт усовершенствования учителей, Нина Михайловна 4 года работала учительницей словесности в г. Хибиногорске, затем в Ленинграде. Во время войны в течение 3-х лет она трудилась воспитателем, преподавателем рукоделия и рисования в интернате эвакуированных и местных глухонемых детей под Омском, а после войны – воспитателем, завклубом, музыкальным руководителем, библиотекарем в Приемнике и колониях для несовершеннолетних правонарушителей

в Ленинграде и его пригороде в течение 20 лет. Нина Михайловна прожила долгую, трудную и интересную жизнь. Учительство укрепило ее дух. Навыки, приобретенные в юности, помогли Нине Михайловне в лихолетье военного времени. А завершила она свою трудовую деятельность в Пушкинском доме (Институт русской литературы АН СССР). В эти годы у нее был широкий круг общения с интересными людьми: с академиком Лихачевым Д.С., с Анной Ахматовой и ее сыном Львом Гумилевым. Она переписывалась с Варламом Шаламовым, который, прочитав «Книгу жизни», после детального разбора назвал автора «мастером эпитафий».

Ее радовали письма читателей «Книги жизни». Так, дочь поэта Всеволода Рождественского Милена писала ей: «... мне кажется очень важным что сейчас, в эпоху иронического цинизма, когда перестало очень многим быть стыдно, когда уходит умение ценить душевные оттенки — именно сейчас появилась Ваша «Книга»... Вы удивительно тонко передаете воздух времени, его цвет и звук — это, наверное, главное. Что-то даже в сюжете и облике героев Вашей «Книги» мне оказалось очень близким... Спасибо Вам за то, что Вы напомнили, что не все погибает на земле, что есть чистота и любовь, есть то, ради чего вообще стоит жить, есть вера и верность».

Связь с Череповцом она будет поддерживать всю жизнь, переписываясь с череповчанами: В.И. Чиргиной, Р.С. Мининой, Е.Н. Озерининой, В.В. Поповой.

Многолетняя переписка и встречи с замечательным краеведом Ольгой Владимировной Шеляпиной начались в 1989 году и продолжались вплоть до 1995 года. Почти каждое из 84-х писем пронизано одиночеством, тревогами о судьбе её литературного архива, беспокойством о неизданных произведениях, желанием получить поддержку. Они носят не только информационный, но и личностный характер. Её расположенность, симпатия к Ольге Владимировне проявляется в обращениях, проникнутых глубоким доверием, уважением: «Милая Ольга Владимировна! Это — вдогонку за отправленным недавно (23.02): забыла поблагодарить за «календарик»: не отвожу глаз от него: словно вот вышла из поезда и залюбовалась приветливостью старого знакомого! Спасибо! Посылаю Вам навечное им стихотворение:

*Перрон. Составы, сколько видит глаз.
Незванная, ненужная, чужая,
Гляжу перед собой, не шевелясь, —
Незримый поезд провожаю.*

*Живую ткань из новых пестрых смальт
Выбрасывает здание вокзала.
На прах былого тяжко лёг асфальт,
А поезд отбыл...
Опоздала.*

25.02.1991 г.»

Из писем к О.В. Шеляпиной мы узнаём о встречах Нины Михайловны с разными людьми: «Послала бы Вам трогательное письмо И.П. Сиротинской — очень хотелось бы — боюсь потерять... Вот в руки бы отдать?! Как хотелось бы! Я с нею давно знакома, она мне передала три книжечки стихов В.Шаламова, но он был, бедняга, уже слеп и глух — надписать не смог... А он, В.Ш., ведь вместе с моим героем учился во II МГУ, помнил его, рассказывал ей, а она мне (я тогда не раз приезжала в Москву...)». Вспоминая о своей встрече с Д.С. Лихачевым, Нина Михайловна писала:

«Я встретила с Д.С. Лихачевым у старого приятеля А.В. Селиванова в гостях. Вдруг попросили меня прочесть что-то из моих стихов, и я прочла, примерно свежее. Вот тогда вдруг Дм. Сергеевич и сказал: «А стихи — хорошие!» Потом ужин, потом уход. И в дверях Д.С. вдруг (уже на улице, без свидетелей) вернулся неожиданно для меня к теме и сказал, уходя, задержавшись на минуту: «А стихи Ваши, повторяю, хорошие!»

Письма — это всегда диалог, особая форма речевого общения. О том, какое значение они имели в её жизни, есть запись в дневнике от 10 декабря 1992 года «... письмо из Череповца. Такое теплое, полное уважения, доверия: интеллигентная читательница «Книги жизни»... Я чуть не разрыдалась от благодарного волнения — перекрестилась: я жива! Ещё жива! Ещё человек, автор!» Она «ото всей души» присваивает Ольге Владимировне звание «интереснейшего корреспондента» и признается: «... потихоньку и самовольно молюсь за Вас». (28.04.1994)

Последний раз Нина Михайловна была в нашем городе в 1979 году. В стихотворении «Август» вспоминала об этом с волнением:

*Мы ещё раз встретились, Череповец,
Памятник и песня о минувшем.*

Она посвятила городу много страниц «Книги жизни», рассказы, в частности, «Букет от старого города», цикл стихов «Полустолетие». В них история города и люди, ее творцы. Писать «о времени и о себе» считала своим гражданским долгом. Требовалось мужество — «писать по горячим следам». Немногие отваживались. Обращаясь к будущим читателям, она пишет:

*Неведомый читатель мой,
Далекий, маловероятный!
Уже сегодня мне понятно:
Ты завтра будешь строг со мной.
Дыша свободно, споря бурно,
Ты упрекнешь мой бедный прах
В 7 грехах литературных,
В 100 политических грехах...*

*Меня ж ведет не вдохновенье,
Не жажда славы, не корысть –
Нет! Только вырвать из забвенья
Одну загубленную жизнь...*

В «Книге жизни» в описаниях г. Череповца она создаёт поэтический образ старого Череповца, когда он был «городком» с красивым Советским проспектом, Соборной горкой, соляным садом, тенистыми бульварами и уютными деревянными домиками. Одно из стихотворений Нина Михайловна так и назвала «Череповец». Это стихотворение – признание городу в любви, обращение к нему как к другу, сожаление об отсутствии возможности часто бывать здесь:

*... Уйти от дел ненастоящих,
Их суету прорвать как чашу,
Побыть с тобой наедине...*

Многоточие в конце первой строфы говорит о глубоком волнении автора. Ей хочется пообщаться с городом, «... поперелистывать бы их, страницы вытянутых улиц». Удивительный по емкости и лирическому наполнению образ города – «памятник и песня о минувшем»!

Череповец стал для неё не просто местом обитания, а другом на всю жизнь. Свою любовь и преданность городу она доказала ещё и тем, что постоянно посылала вырезки из «Вечернего Ленинграда» со списком реабилитированных жителей Череповца и района, часть своего архива передала в музейное объединение города и музею истории педагогического института. В письме О.В. Шеляпиной она пишет: «Да, войну и не забыть, и вспомнить страшно! Мужа моего покойного сегодня эта память... Человек честнейший, героического склада, б.сирота-беспризорник, потом офицер-политрук, 2 недели лесом полз из окружения, донес винтовку и партбилет, чуть не умер от воспаления брюшины... 30 лет искала его могилу...» (07.07.1991 г.)

У людей, близко знавших ее, Нина Михайловна оставила хорошую память. Сотрудница Пушкинского Дома (Институт русской литературы АН СССР) Л.В. Герашко так отзывалась о ней: «Нина Михайловна – человек высочайшей чести, у которой были свои идеалы, свои святыни, и она следовала им, никогда не шла на компромисс, не приспособливалась для того, чтобы быть напечатанной. Словом, идеалистка в лучшем смысле этого слова. Было в ней что-то рыцарское».

Иванова-Романова Н.М. Книга жизни //Нева Л., 1989. №2-3

Иванова-Романова Н.М. Полустолетие (Сюита)//Ч.Ч., 1996. №1

Иванова-Романова Н.М. Юность в Череповце (Публикация Р.С. Мининой)//Ч.Ч., 1999. №2

Иванова-Романова Н.М. Букет от старого города (Публикация Л.Г. Яцкевич)//Ч.Ч., 1999. №2

Минина Р.С. «Словно слышали мою печаль...»//Ч., 1999. № 2. Успенская Н.Н. Н.М. Иванова-Романова.// Люди и дела. Ч., 2015. № 13.

Яцкевич Л.Г. «Вся жизнь моя отмечена Тобой...». (О жизни и поэзии Н.М. Ивановой-Романовой). // Ч., 1999. № 2.

Деревягина Надежда Леонидовна родилась в Череповце, в 1934 году. Педагог, за успешную работу в школе награждена значком «Отличник народного просвещения».

С сентября 1980 г. заведовала художественным отделом Дворца пионеров, вела кружок «В мире поэзии», секцию литературного краеведения Научного общества учащихся (НОУ).

В 2003 г. Организовала и руководила 5 лет литературно-краеведческим клубом «Госпожа Провинция» при Доме Знаний. Член череповецкого Центра Н.М. Рубцова и Вологодского союза писателей-краеведов. Автор нескольких книг и статей. Общий стаж работы с детьми – более 40 лет.

Надежда ДЕРЕВЯГИНА

СЕРДЦА ТИХИЙ ЖАР

(по страницам книги «Судьба актрисы»)

Однажды...

Двадцать третьего октября 2016 года Мануйлова О.М., педагог-краевед Дворца творчества детей и юношества и Сальникова Т.Н., жительница города Череповца, посетили могилу сестёр Ольги Петровны Изгоровой и Татьяны Петровны Измалковой. То, что они увидели, вызвало большую тревогу и опасения за сохранность могилы. Калитка ограды была выломана и унесена, памятник пытались опрокинуть, но он только пошатнулся, так как стоит на очень прочной основе.

Надо сказать, что могилу сестёр Измалковых всегда посещали работники Центральной городской библиотеки имени В.В. Верещагина, где работала Т.П. Измалкова, бывшие кружковцы Дома пионеров, занимавшиеся в драматическом кружке О.П. Изгоровой, просто хорошие добрые знакомые сестёр, которых у них было очень много. Чаще других посещала могилу и ухаживала за ней Тамара Васильевна Иванова, много лет работавшая с Татьяной Петровной и дружившая с ней.

Но время идёт. Умерла Тамара Васильевна, скончались друзья сестёр Измалковых и многие бывшие кружковцы.

Несколько лет назад во время очень сильного ветра на 1-м городском кладбище повалилось много деревьев. Мне позвонила Татьяна Николаевна Сальникова и рассказала, что на могилу сестёр свалился огромный сук, который может даже сломать ограду.

Отправились освобождать ограду втроем: Нина Андреевна Бойко, я, Надежда Леонидовна Деревягина, когда-то работавшие во Дворце детского творчества, и Викуленков Михаил Робертович, вооружившийся топором и пилой, работник Дворца. Михаил Робертович пилил и рубил, а мы таскали ветки и сучья к бакам для мусора. Упавшая ветвь огромного дерева

была так велика, на ней было так много веток, сучьев, листвы, что мы провозились около часа. Пришлось освободить и могилу Олега Александровича Шеляпина, стоявшую рядом.

Всё это, и дерево, упавшее на ограду, и кража калитки нас очень взволновало. Многие вспомнилось из прошлого, захотелось рассказать о нём на страницах журнала.

Сёстры

... В ряду выдающихся людей, самоотверженно, не щадя сил и времени трудившихся для создания духовной силы и славы города Череповца, стоят и наши незабвенные, горячо любимые, всегда вызывавшие восторг и восхищение многих людей, знавших их, скромная руководительница драматического кружка Дома пионеров Ольга Петровна Игорева (18.02.1885-26.07.1976 гг.) и её сестра, Татьяна Петровна Измалкова (19.12.1886 – 23.10.1981 гг.), работавшая в Центральной библиотеке.

Итак, вначале об Ольге Петровне Игоревой

В годы нашего детства мы мало задумывались о том, кто она, эта пожилая, просто одетая женщина, уводившая нас от суровой действительности военных лет в сказочный мир.

Талантливый педагог, режиссёр и актриса, Ольга Петровна создала настоящий детский театр, ставший со временем одной из череповецких легенд. Она руководила им с 1 июня 1942 г. по 1958 г. и была в этом театре и режиссёром, и постановщиком, иногда соавтором, и всегда – воспитателем, добрым волшебником для полуголодных ребятишек. До сих пор помнят бывшие маленькие артисты и зрители спектакли этого необыкновенного театра.

Только позже, много лет спустя, поняли мы, какой мощный толчок развития нашим способностям, нашим душам, нашему восприятию мира давала она.

Бывая в гостях у Ольги Петровны уже взрослыми, мы, бывшие кружковцы, много раз слышали её рассказы о родителях, о принципах воспитания в их семье, о том, как она и сёстры получали образование дома и в Смольном институте благородных девиц¹, об удивительных встречах Ольги

Ольга Петровна Игорева (Измалкова)

¹ Смольный институт – высшее учебное заведение для дворянских девушек.

Петровны с актрисой М.Г. Савиной; журналистом, издателем и хозяином театра А.С. Сувориным; режиссёром В.Э. Мейерхольдом; поэтом В.В. Маяковским.

Прошли годы... Уже не было в живых Ольги Петровны, а к нам пришли новые знания о её предках и родителях, о сёстрах Анне, Варваре, Татьяне, о брате Дмитрие. Знания эти ошеломили, потрясли своей невероятностью, неожиданностью. Оказалось, что по женской линии О.П. Игорева, её брат и сёстры являются потомками графа Антона Мануиловича Девиера, одного из сподвижников царя Петра I.

О Девиерах в книге «Былое и думы» упоминал А.И. Герцен, являвшийся их дальним родственником.

О них же – во многих дореволюционных и современных книгах, особенно нам интересны книги последних лет:

1. Книга из серии «Вечера в Верещагинке» под названием «Из рода графов Девиер» (сборник воспоминаний), Череповец, 2008 г.

2. Н. Деревягина. «Дневник актрисы», Череповец, 2005 г.

3. Н. Деревягина. «Судьба актрисы», Череповец, 2008 г.

4. Д.А. Ляпин, И.Г. Лильп «Измалковы (материалы к родословию)», Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, 2010 г.

(Об Ольге Петровне Игоревой можно прочитать на страницах 8, 9, 10, 69, 71, 120, 121, 123. О Татьяне Петровне Измалковой – на страницах 8, 9, 70, 121, 123 данного исследования).

5. А. Варламов. Пришвин (ЖЗЛ). М., 2008 (о Варваре Петровне Измалковой).

Стоит сказать также, что имя Ольги Петровны Игоревой внесено в Воронежскую историко-культурную энциклопедию.

Из биографии

Отец Ольги Петровны, Пётр Николаевич Измалков (1845-1911 гг.), дворянин, был государственным чиновником, учёным и, вероятно, умнейшим человеком.

Мать, Клеопатра Александровна Девиер – Измалкова, графиня, (1844-1916 гг.), – из рода графов Девиеров.

Старшая сестра Ольги Петровны, Варвара Петровна Измалкова, стала главной героиней романа М. Пришвина «Кашеева цепь». Она же – самая большая любовь и Муза этого писателя. О ней он много писал и в своих «Дневниках».

Такова была среда, в которой росла Оля Измалкова. Она оканчивает Смольный институт благородных девиц с наградой – золотым шифром «в виде инициала императрицы Екатерины II, который носили на белом банте с золотыми полосками»².

Мы не знаем, чем занималась Ольга Петровна сразу после окончания института. Возможно, была замужем, так как сохранился черновик её письма к любимому человеку.

---

²Wikipedia.org

В 1912 г. она уже закончила театральное училище при Суворинском театре (Петербургском Малом театре Литературно-художественного общества), ныне знаменитый БДТ.

В том же 1912 году после окончания училища её принимают в труппу Суворинского театра. После революции, в 1918 году старый состав театра распустили, а новый сформировали по принципу принадлежности к рабочему классу и партии большевиков. Актриса с такой родословной, как у Ольги Петровны, оказалась в театре не нужна. Ей пришлось играть в передвижных театрах и постоянно ездить по стране.

С 1 октября 1939 года она оказывается в Порховском театре «Драмы и комедии» Псковской области.

О дневнике

Чудом сохранившиеся странички дневника знакомят нас с периодом её жизни в этом театре с 12 апреля по 2 сентября 1941 года. Около тридцати лет бережно хранились они у Нины Михайловны Тарасовой (Черепановой).

Следует заметить, что эту небольшую записную книжечку было очень трудно прочесть, т.к. многие слова обозначались одной-двумя буквами, а иногда в тексте встречались французские слова и выражения, которые пришлось переводить на русский язык (в тексте выделены курсивом и в скобках), что с успехом сделала Татьяна Николаевна Сальникова (Форсова).

В течение целого года занималась расшифровкой дневника Нэлли Борисовна Балахонцева (Корешкова). Продолжили эту работу Надежда Леонидовна Деревягина (Кудрявцева) и Зинаида Степановна Лелянова (Лыкова). В 2005 г. мы издали дневник в небольшой брошюре под названием «Дневник актрисы».

В основу книги «Судьба актрисы» опять положили дневник О.П. Игоревой, но дополнили её фотографиями, документами, письмами, страницами из книг и энциклопедий, воспоминаниями бывших кружковцев, занимавшихся в драматическом кружке Дома пионеров г. Череповца.

«Её пленительны для сердца разговоры»

Н.Н. Батюшков

Не могу не рассказать о том, как мы шли к этой книге.

Мы — это близкие подруги: Нина Черепанова, Нелли Корешкова и я, Надя Кудрявцева. Мы пришли в драмкружок Дома пионеров совсем маленькими девочками. Подросли, окончили школу и студентками продолжали заходить домой к Ольге Петровне и её сестре Татьяне Петровне. Нас тянуло к ним! Восхищение, уважение, обожание не проходили с годами. У всех появились семьи. Нина и Нелли каждая своим дочерям дали имя Ольга. А я вот не догадалась!

Особенно часто посещали мы Ольгу Петровну и Татьяну Петровну в последние годы их жизни. Самым замечательным во время этих встреч были неторопливые застольные беседы. Сёстры обладали забытым теперь удивительным искусством поддерживать разговор: задавать вопросы, обмениваться репликами с гостями, умели слушать с интересом.

Раза два-три в этих разговорах мелькала фамилия Девиер, граф. От Татьяны Петровны я услышала, что царь Пётр I во время своего путешествия по Европе в 1697 году в Голландии, на морских манёврах, устроенных специально для него, увидел пятнадцатилетнего юнгу, ловко карабкавшегося по канатам. Царь взял мальчика к себе на службу. Этот юноша, Антон Мануилович Девиер, стал основателем рода графов Девиеров, к которому и принадлежали по женской линии Ольга Петровна и её сестра.

В другой раз Татьяна Петровна как-то вскользь сказала, что портрет их предка Антона Мануиловича Девиера до революции висел в Эрмитаже, в круглом зале, где в центре расположена «Восковая Персона» царя Петра I, а на стенах – портреты его сподвижников, «птенцов гнезда Петрова».

Все эти рассказы были так удивительны, необычны для нашей тогдашней действительности и с трудом укладывались в сознании!

Как же складывалась её артистическая карьера?

В театре Ольга Петровна – на первых ролях. В 1913 году в журнале «Огонёк» появилась фотография, на которой мы видим её в сцене из комедии Е.П. Карпова. Под фотографией подпись: «Он» («Хамелеон»), комедия Е.П. Карпова на сцене театра Суворина. III акт: 1) Бордовский (господин Балуа)... 5) Екатерина Петровна (г-жа Игорева)».

В спектакле «Король Лир» В. Шекспира актриса О.П. Игорева играла Гонерилью, одну из трёх дочерей короля Лира.

Здесь же, в театре Суворина, в 1917 г. она создаёт на сцене образ Веры, главной героини в пьесе по роману И.А. Гончарова «Обрыв».

Разбирая архив актрисы, мы наткнулись на интереснейший документ: «19 $\frac{22}{\phi}$ 16.

Многоуважаемая Ольга Петровна! При сем препровождаю Вам контракт, который дирекция находит возможным заключить с Вами на предстоящий сезон. В случае желания Вашего что-либо выяснить, благоволите обращаться за переговорами к заведующему художественной частью В.Э. Мейерхольду (6-я рота Измайловского полка д. № 8 тел. 53288 приём в 11 ч. дня) и отослать ему уже подписанный контракт. С совершенным почтением
А. Суворин».

Итак, вот и появилось подтверждение того, что наша героиня была знакома и работала вместе со Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом, одним из самых известных и талантливейших режиссёров, экспериментатором и реформатором русского театра.

В 1918 г. старый состав театра распустили. Ведь до революции книгоиздатель и театрал, умнейший, образованнейший человек, большой друг А.П. Чехова, А.С. Суворин считался реакционером. Естественно, и на театр, возглавляемый им, тоже ложилась какая-то тень.

Комиссию по идеологической чистке актёрской труппы возглавила член партии большевиков, бывшая жена А.М. Горького М.Ф. Андреева.

Ольга Петровна со своей известной родословной и предком Антоном Девиером в новом театре оказалась не нужна.

Конечно, для актрисы такого уровня это был сильнейший удар. Мы ничего не знаем об Ольге Петровне в период с 1918 по 1921 год. Чем она занималась, как адаптировалась к новой жизни, кто был рядом с ней? Коснулись ли её, как и многих русских дворян, репрессии 20-х годов?

С 1923 по 1937 год актриса Ольга Игоревна гастрольюет с театрами по стране. В основном это Ленинградский передвижной театр «Драма и Комедия».

Со 2 июля по 15 августа 1935 г. труппа театра выступает в Череповце. Четыре дня Ольга Петровна живёт в общежитии по ул. Энгельса, 34а, а затем по ул. Дзержинского, 52, в общежитии счётно-планового техникума. В архивах нашего краеведческого музея сохранилась афиша гастрольного выступления этого театра со спектаклем «Волки и овцы». В списке актёров — Ольга Петровна Игоревна.

В марте 2008 г. от Наталии Евгеньевны Гаврилиной, жены композитора Валерия Гаврилина, я узнала, что она, пятилетняя, и её родители, Рябчуков Евгений Арсеньевич и Ольга Яковлевна Штейнберг, были на гастролях в Череповце вместе с О.П. Игоревой. 8-9 августа 1935 г. Театром «Драма и комедия» была представлена пьеса Оноре де Бальзака «Меркадэ». Все трое участвовали в этом спектакле. Ольга Яковлевна в качестве режиссера, а Ольга Петровна и Евгений Арсеньевич — актёров. Остается только воскликнуть: «Как тесен мир!» Ведь пройдут годы, и Ольга Петровна, еще не догадываясь об этом, приедет в Череповец навсегда. И еще пройдут годы, а мать композитора Гаврилина Клавдия Михайловна с дочерью Галей тоже приедут жить в наш город³, а их сын и брат, великий композитор Валерий Александрович Гаврилин, будет приезжать к нам в Череповец, чтобы навестить родных.

Следующий документ рассказывает нам, что с 15 сентября 1935 г. по 7 августа 1937 г. Ольга Петровна уже в Дагестане, в столице республики Махачкале, в Даггостеатре.

Здесь она сыграла в частности роль королевы Елизаветы в пьесе Шиллера «Мария Стюарт».

В репертуаре её по-прежнему много замечательных ролей. Список пьес оказался длинным, а роли — почти во всех спектаклях ведущие. Например, Василиса в пьесе М. Горького

³ Клавдия Михайловна похоронена на 1-м городском кладбище г. Череповца.

«На дне», Кручинина – «Без вины виноватые» Островского, Мурзавецкая – «Волки и овцы» Островского, Огудалова в «Бесприданнице» Островского и т.д.

Возможно, в 1937 г. в её жизни и творческой судьбе опять всё разрушилось. Осенью того года Ольга Петровна была репрессирована – так вспоминал Форсов Николай Иванович, хозяин квартиры, которую сёстры снимали в Череповце в его доме по ул. Володарского, 59 в 50-х годах XX века.

Снова о ней мы узнаем только с 1 апреля 1938 г.

СПРАВКА

«Дана сия Игоревой О. П. в том, что она действительно работала в Ленинградском Драматическом Театре при клубе им. Садовского с 1 апреля 1938 г. в качестве артистки с окладом в сумме 700 руб. при норме 15 спектаклей в месяц и уволена ввиду ликвидации театра с 3 августа 1938 г.

Директор театра (Чемезов)»

2 февраля 1941 г. в журнале «Огонёк» № 5 появилась статья «Показ искусства Ленинградской области». В статье было сказано: «Порховский государственный театр Драмы и комедии выступил перед ленинградцами с пьесой Тренёва «Любовь Яровая». На снимке – сцена из 1-го акта. Слева направо: Грозный (артист Ю. Попов), Кошкин (артист А.А. Медынский) и Панова (артистка О.П. Игорева).»

Порховский областной драматический театр под названием «Драма и Комедия», похоже, к этому времени был тем же самым передвижным ленинградским театром, только чуть сменил своё название. Здесь Ольга Петровна проработала с 1 октября 1939 г. по 24 августа 1941 г. С волнением листаю страницы её дневника... Возможно, не все читатели 1-го издания книги, которая была названа «Дневник актрисы», обратили внимание на уникальность его.

Обычно известные люди, пишущие свои воспоминания или дневники, невольно или сознательно приукрашивают и свою личность, и значимость того, что они делают. Дневник Ольги Петровны писался по-другому, с другими целями. Я думаю, она хотела сохранить отдельный кусок времени со всем, что происходило, – люди, их поступки, города, посёлки, деревни, клубы, школы, где они выступали, и события, происходившие в стране. Неприглаженные, неприукрашенные листочки много расскажут вдумчивому читателю о жизни и быте маленького коллектива передвижного театра, о преданности артистов театральному искусству, об обстановке в стране в последние мирные дни и в первые дни войны. Поражает достоверность, нигде не добавляется ни чёрной, ни белой краски. А сколько скрытого трагизма в сообщении о начале войны: «22 июня 41 г. Кингисепп. Должен быть ПЭЖ («Профессия одной женщины» Бер-

нарда Шоу) в Доме Красной Армии, но отмена, т.к. в 12 часов речь Молотова о войне с Гитлером». Вот и всё! Премьера, которую она так ждала, писала о ней в дневнике, столько потратила сил, таланта, огня, в Кингисеппе не состоялась. Началась самая суровая, самая страшная война XX века. Но ещё никто не знал и не предполагал, какой будет эта война, поэтому в дневнике — никаких особых эмоций, никаких «ахов» и «охов». И сама Ольга Петровна в этом дневнике, пожалуй, ничем не отличается от других. Такая же, как и все актрисы провинциального театра. Почему? Мне кажется, ей приходилось быть такой, как все.

Когда же я впервые увидела Ольгу Петровну?

Это было, вероятно, лето 1943 года. Я закончила первый класс, а жила в доме по Советскому проспекту №71. Совсем недалеко, на углу Советского проспекта и улицы Энгельса, стояло большое двухэтажное деревянное здание, куда во время войны перевели школу № 12 и Дом пионеров. Напротив располагался кинотеатр «Горн», сейчас «Рояль-Вию».

Подружка Галя Горячёва привела меня на репетицию, которую проводила незнакомая немолодая женщина. Репетировали сказку «Конёк-Горбунок».

С той первой встречи у меня остались в памяти на всю жизнь красивый голос Ольги Петровны, её характерные интонации, движения, линии её фигуры, тёмный цвет одежды. На всю жизнь запомнилась и сама сказка «Конёк-Горбунок», да и не только мне, а и всем подружкам, кто или когда-то участвовал в спектакле, или просто смотрел сказку из зала. Вот что писала об этом спектакле сама Ольга Петровна:

«Работаю, сейчас основное — Дом пионеров, ставлю с маленькими «Конька-Горбунка». Это сложно, так как пьесы у меня нет, только сказка Ершова, и я сама творю пьесу: приходится сочинять стихи... Старшие мальчики мои в армии, а среди малышей много имеющих за поведение не только «плохо», но и «очень плохо». Но, удивительно, у меня хороши и никогда даже на замечания не возразят, так что Ангелина (директор, милая, но очень безалаберная женщина) в восторге, что я их так «организовала».

Приходилось Ольге Петровне вести кружки и в других местах, чтобы как-то просуществовать: *«Ещё кружок у меня на Ж.Д., у водников, ... с избачами, с учителями и т.д. Не голодаю, сыта, хоть всё это очень скромно».*

К сожалению, без всякой причины, а просто, видимо, по малолетству я перестала ходить на репетиции. Тогда я не чувствовала никаких угрызений совести.

Пьесу по сказке «Конёк-Горбунок» я видела на сцене, запомнила многие мизансцены⁴, а также многие жесты, интонации «артистов». Теперь я понимаю, что во всех спектаклях,

---

⁴ Мизансцена — расположение актёров на сцене в отдельные моменты спектакля.

поставленных Ольгой Петровной, чувствовался высочайший профессионализм её, как режиссёра, как актрисы. Как бесконечно жаль, что всё это осталось только в нашей памяти!

Ещё больше впечатлений оставил у меня спектакль «Василиса Прекрасная», который шёл в помещении городского театра (теперь Камерный театр). Возможно, он был поставлен раньше «Конька-Горбунка», в нём играли более старшие дети.

Роль Василисы Прекрасной исполняла Вера Швецова, в будущем – солистка балета, Заслуженная балерина Латвийской ССР. Она была в этом спектакле так хороша собой, так изящна, нежна, воздушна!

Роль Бабы Яги досталась другой талантливой девочке – Тоне Солиной. Её Яга отличалась зычным голосом, резкими движениями и какой-то злобной простоватостью. Ольга Петровна приклеила Яге на веки какие-то блёстки, зачернила зубы, приделала клыки. В каждом уголке огромного зала был слышен клич Бабы Яги: «Чики-рики кравалдыки! Кравалды! Кравалды!» Может, я неточно запомнила эти странные крики-заклинания, но запомнила на всю жизнь. Тоня Солина, обладая многими талантами, выбрала себе в будущем художественную гимнастику, была тренером, а потом первым директором уже Дворца пионеров, который и строился на улице Сталеваров при её активном участии. А главным инженером, руководившим строительством, был Олег Шеляпин, тоже когда-то активно занимавшийся во многих кружках Дома пионеров: в балетном, а, возможно, и в драматическом у Ольги Петровны.

Прочитаем ещё несколько строчек из письма Ольги Петровны сестре: *«Танюшук, я иду по улице (а хожу я очень, очень много, т.к. те два очень плохих обеда, которые я имею за работу, находятся на двух противоположных окраинах города) и всё думаю, думаю о Вас, разговариваю с Вами, пишу Вам длинные подробные письма и, пользуясь темнотой, (хоть глаз выколи по вечерам), горько, горько плачу...»*

И опять я возвращаюсь мыслью к Ольге Петровне. Я понимаю, что шла великая и страшная тяжелейшая война. Даже мы, маленькие дети, чувствовали это огромное напряжение, охватившее весь народ. Все работали самоотверженно. Сейчас я удивляюсь: никто не ждал награды, не было злобы, все мечтали об одном: лишь бы скорее война кончилась и, конечно, победой! Многие, воевавшие на фронте, и многие, работавшие самоотверженно в тылу, получили награды Родины, почёт и уважение детей и взрослых.

Как жаль, что ни Ольга Петровна, ни другая подвижница – директор Дома пионеров Ангелина Анатольевна Алексеева – не вели подробных записей своей работы, не делали никаких методических разработок (да у них на это никогда и времени не было!). Как жаль, что во время войны и вскоре после её окончания не проводились областные смотры самодеятельности, и наш уникальный детский театр остался только в памяти тех, кто сам участвовал в спектаклях или смотрел их из зала, а ещё в фотографиях и материалах музея Череповецкого Дворца детского и юношеского творчества. Ольга Петровна создавала на сцене волшебный,

сказочный, прекрасный мир добра. И мечту, в которую верили и ждали её осуществления, как ждали и верили в победу на той войне.

За 17 лет, что проработала Ольга Петровна в Доме пионеров, было поставлено много пьес, сказок, басен: сказки «Василиса Прекрасная», «Морозко», «Конёк-Горбун» Ершова, «Сказка о глупом мышонке» Маршака, «Белый пудель» Куприна, басни Крылова, «Золушка» Шварца, «Двенадцать месяцев» Маршака, «Морской охотник» Николая Чуковского, «Чиполлино» Джанни Родари, «Снежок» Любимовой, пьеса, в которой имела честь играть и я. У меня была роль доброй учительницы литературы мисс Джун. (Интересно, что так и случилось в жизни, я стала учительницей русского языка и литературы). К счастью, сохранился черновой листочек, написанный рукой Ольги Петровны. На листочке перечислены все действующие лица пьесы, а рядом — исполнители ролей. И есть там такая запись: «мисс Джун, учительница литературы, — Надя Кудрявцева», то есть я.

Мистер Томпсон, директор школы, — Веня Солин

Мисс Такер, учительница истории и классный руководитель, — Нэлли Ткачёва

Мисс Джун, учительница литературы, — Надя Кудрявцева

Ученики школы:

Дик Демпси, по прозвищу «Снежок» — негритянский мальчик — Нина Черепанова, Клара Панкова

Чарли, по прозвищу «Буч — забияка» — Альбина Белизина, Люся Солина

Джон — Нэлли Корешкова, Жанна Параничева

Мэри — Тамара Андреева

Бэтти — негритянская девочка, — Галя Смирнова, Алла Кудрявцева

Лили — Лиля Викторова

Джэйн — Валя Тихомирова

Марджори — Люда Каменецкая

Сильва — Сильва Каменецкая

Дэви — Нэлли Бекетова

Арчи — Толя Федотов

Анджела Бидл — девочка, только что приехавшая из южного штата, — Тамара ...

Мистер Бидл — отец Анджелы, богатый владелец горных разработок, — Аля Кузнецова

Эдит — служанка в доме Бидла, — Тава Рудакова.

Действие пьесы происходит в небольшом городе на севере Соединённых Штатов Америки после войны.

Музыкальное сопровождение М.Ф. Крыловой.

Костюмы и парики, оформление сцены по рисункам А.А. Алексеевой.

Вступительное слово читает Тамара Андреева.

Благодарим за счастье встречи с тобой

А что расскажут о сёстрах Измалковых мои подруги, с которыми я в детстве занималась в драмкружке, смотрела все спектакли и многое запомнила наизусть.

Вспоминает Нина Черепанова (Тарасова)

... В октябре 1943-го пришло известие, что отец ранен и отправлен в неизвестном направлении. Он, видимо, умер по дороге в госпиталь, так как мы ничего больше о нём не могли узнать...

... И вдруг на фоне этой тяжёлой жизни, голода, безысходности, как будто приоткрылось окно в светлую, красивую жизнь. Подруга привела меня в Дом пионеров – сначала в драматический кружок, а потом в балетный и краеведческий. И здесь я обрела второй дом, без которого больше не представляла себе ни одного дня. Прибежав из школы и наскоро сделав уроки (а в школе я была отличницей с 1 по 10 класс), я мчалась в свой любимый дом, где меня ждали друзья, добрые педагоги во главе с неунывающей Ангелиной Анатольевной Алексеевой...

... В наших кружках занимались дети, вывезенные из блокадного Ленинграда. Бледные, худые, они первое время не могли даже бегать. Некоторых из них я помню: Галя Горская, Люся Расина, Алик Сафьянов, Галя Вайсберг. Мы заботились о них, старались подкармливать, приносили из дома сушёные овощи и сухари.

Спектаклями, которые мы ставили в драмкружке, жил в то время город. В них иногда участвовали до ста человек, все коллективы Дома пионеров.

В спектакле «Морской охотник» играли мальчики-юнки, которые в то время учились в Череповце. Среди них два приемных сына Ангелины Анатольевны – Леша и Вася, которых она привела, что называется, с улицы.

О драматическом кружке Дома пионеров рассказывает Нэлли Корешкова (Балахонцева)

В 1943 году я пришла в драмкружок, когда он находился в двухэтажном деревянном доме на улице Энгельса напротив кинотеатра «Горн». Почему пришла? Потому что всем классом мы ходили на постановку сказки «Конёк-горбунок», где в главной роли я увидела Горячёву Галю. Я подумала: «Она выступает, а я разве не могу?».

Основной пьесой, ставшей для меня началом «артистической карьеры» была «Двенадцать месяцев» Маршака. Мы выросли на ней духовно. Я играла одного из многих зайчиков. А очень хотелось быть Мартом-месяцем. И руководитель драмкружка как будто

почувствовала это: я стала Мартом. Одновременно все исполнители были и гостями на балу у королевы.

На спектакле, поставленном к олимпиаде школьников в 1945 или 1946 году, нас было больше 50 человек. Костюмы делали все сами под руководством Ангелины Анатольевны Алексеевой.

В спектакле «Золушка» я играла принца...

... В драмкружке я была с 1943 по 1950 годы, всё детство. Прекраснее лет в жизни у меня не было. Всё писать — бумаги не хватит. Но кружок всех нас объединял, согревал, делал добрее и мужественнее. Плохо было с костюмами. Только золотые руки Ангелины Анатольевны могли делать так, что мы выходил на сцену одетые сообразно эпохе, времени действия.

Вот, например, даёт Ангелина Анатольевна два кружка розовой марли Люсе Расиной, играющей Июль, и говорит, чтобы сшила штаны. Та в слёзы — «Как?». Но сшила.

Я играю Трилли в спектакле «Белый пудель» Куприна. Трилли — барчук, ему нужен красивый костюм. Где его взять? Слёзы. Выручает добрейшая Мария Фёдоровна Крылова, наш концертмейстер. Через день она приносит сшитый из своей материи прекрасный сатиновый костюм со своим воротником.

Теперь о руководителе кружка. Ольга Петровна не готовила из нас артистов. Она делала из нас просто честных, культурных, добрых, думающих людей, всесторонне развитых. С самого начала она учила двигаться на сцене, владеть своим телом. Учила танцевать. Во всех спектаклях были танцы: вальс, полька, менуэт, полонез. Учила петь. Где возможно, в пьесы она всегда включала песни. Весь спектакль обычно сопровождался музыкой...

Я её считаю второй матерью.

Воспоминания об Ольге Петровне Любы Соловьёвой (Иоганн)

... Я без колебаний выбрала драм. С обожанием и непроходящим интересом смотрела на Ольгу Петровну, особенно интересно было её лицо, всё в глубоких морщинах, но между этими морщинами была тончайшая беломраморная кожа. Красиво были заколоты её серебристые волосы и неизменная шляпка на голове и зимой, и весной, и осенью. И как только она не мёрзла? А сколько достоинства, благородства и, теперь бы сказали, шарма было в её походке! Прямая спина, красиво склонённая голова. От кого-то из взрослых я слышала, что Ангелина Анатольевна — Ангел-Хранитель Ольги Петровны. За этим стояло что-то неизвестное и очень таинственное.

Роли для нас писала Ольга Петровна сама, крупным почерком. Русский текст перемежался с немецкими и французскими буквами, но мы привыкли и понимали все тексты. Тетради тоже шила сама Ольга Петровна. Писала тексты не одному ребёнку, а целому драматическому коллективу! Я долго хранила роли, написанные её рукой.

Сестра Ольги Петровны – Татьяна Петровна, внешне была просто ангелом, с необыкновенно добрым лицом и небесной голубизны глазами. Татьяна Петровна работала в городской библиотеке на Советском проспекте. Лица Ольги Петровны и Татьяны Петровны отражали духовность и интеллигентность в самой высшей степени. Счастье великое, что с такими лицами им удалось выжить в 1937-1938 годы.

Уроки любви

Дорогие читатели! Меня, как и вас, иногда мучает вопрос – что движет человечеством в его развитии? Неужели жестокость, насилие, желание присвоить что-то себе, обмануть, украсть? Но почему же тогда возникшее 2000 лет назад учение о любви к ближнему, названное христианством, имеет так много сторонников и так широко распространилось по миру, несмотря на века гонений и гибель тысяч и тысяч людей, готовых пострадать за веру? Возможно, потому, что в основе существования человечества прежде всего, конечно, лежит любовь: к детям, родителям, близким, родному дому, родному краю. Всё это когда-то впитано с материнским молоком, хранится в генной памяти человека и помогает всем нам жить.

Уроки любви, человеческого достоинства, доброты преподносили нам эти удивительные женщины, сёстры Измалковы, как бы пришедшие к нам из другого мира, с другой, неведомой планеты. «Как будто мы жители разных планет, – звучит в памяти, утверждая эту мысль, дивная мелодия Валерия Гаврилина на слова А. Володина:

*– На вашей планете я не проживаю,
Я вас уважаю, я вас уважаю,
Но я на другой проживаю,
Но я на другой проживаю...*

Выросшие в столичном Петербурге, они несли в себе лучшие достижения русской дворянской культуры. Как две прекрасные, неизвестно откуда прилетевшие в наши края одинокие птицы, они тихо жили в нашем городе.

Я расскажу только о нескольких своих знаменательных встречах с сёстрами. Не хотела, но всё же решила рассказать одну поучительную историю. После того, как мы с Ольгой Петровной подготовили для чтения рассказ «Певцы» Тургенева и я, уже будучи студенткой, поблагодарив её, спокойно ушла, занявшись своими девичьими делами, прошло достаточно времени. Я училась в нашем череповецком институте. Не раз выступала на сцене с рассказом «Певцы». Однажды летом на улице Коммунистов встретила Ольгу Петровну. Мы разговорились, она спросила: «Надя, не хочешь ли принять участие в концерте, который пройдёт в Доме офицеров⁵»

⁵ Дом офицеров располагался на Советском проспекте.

Я представила, как я, такая взрослая, буду читать «Певцов» в одном концерте с маленькими ребятишками, и отказалась. Ольга Петровна не стала меня уговаривать, она опустила голову, как всегда это делала, проходя по улицам, повернулась и ушла... Только сейчас я понимаю, как это было нехорошо: так «отблагодарить» своего педагога за то, что она, уже немолодая, тратила своё время и силы, специально приходила летом во время своего отпуска в Дом пионеров, чтобы позаниматься со мной. Я не подумала и о том, что летом собрать концерт очень трудно. Зато теперь часто вспоминаю эту историю и Ольгу Петровну, медленно удаляющуюся от меня.

Другая встреча произошла с Татьяной Петровной, которую я любила не меньше её сестры. Я переживала не лучший период в своей жизни. Мне было 18 лет, и мне было плохо. Иду по улице Ленина, Опять лето, солнце, а на душе нехорошо. Навстречу – улыбающаяся, какая-то лучезарная Татьяна Петровна. Она была высокой, в старости чуть полноватой, но красиво умела носить свои длинные юбки и двигалась по улице медленно и плавно.

И вот эта красивая женщина приближается ко мне. В руках у неё сумка, она идёт с городского рынка. Поверх всяких закупленных ею продуктов и овощей – огромное, румяное, вероятно, единственное в этой сумке яблоко. Мы останавливаемся.

Она знает о моей беде, но не утешает. Мы перебрасываемся несколькими фразами и прощаемся. Она опускает руку в свою сумку и подаёт мне яблоко. Я до сих пор помню и чувствую его вкус.

А вот ещё один из уроков Ольги Петровны (из письма сестре Татьяне от 18 ноября 1943 года):

«Я, несмотря на пережитую цингу, всё-таки осталась верной себе, и всю эту съедобно-матерьяльную часть жизни ставлю на последний план. Это последняя человеческая гордость, которую не сломили и не сломят никакие матерьяльные лишения».

Последняя человеческая гордость! Какими же драгоценными гранями раскрывается душа Ольги Петровны!

Прочитаешь такие строки, и становится грустно и тоскливо от того, что этого человека уже нет с нами. Знаю, подобные чувства испытывают многие – так страстно хочется удерживать на нашей земле тех, кого мы любим...

Татьяна Петровна Измакова

«Спешу принести цветы...»

(К. Батюшков)

Приблизительно в 1958 году Ольга Петровна вышла на пенсию.

Ей семьдесят два года, но у неё ещё прекрасная память, много сил. В гости к сёстрам заходят преподаватели нашего пединститута, среди них — филолог Волынцева Татьяна Ивановна. Какие-то важные интересные детали, факты рассказала ей Ольга Петровна о за-прещённом ещё в те годы замечательном русском поэте, прославившем в стихах наш край, Игоре Васильевиче Лотареве-Северянине. Об этом я говорю с полной уверенностью, так как Татьяну Ивановну не раз встречали мы у Измалковых дома, а позднее, годы спустя, Татьяна Ивановна приглашала нас к себе домой, чтобы показать материалы, переданные ей Ольгой Петровной. Приглашением никто из нас троих тогда так и не воспользовался, о чём сейчас я горько сожалею, тем более, что архив Татьяны Ивановны, похоже, тоже пропал.

До глубокой старости Ольга Петровна сохранила светлый ум, интерес к окружающему миру.

Вместе с сестрой она внимательно следила за ходом реформы русского языка. Тщательно прослеживала материалы, публикации готовящегося тогда «Свода правил русской орфографии и пунктуации», который вышел в конце 50-х годов XX века, приблизительно в 1956 году.

Сёстры внимательно прочитывали газеты, слушали радио, следили за развитием политических событий в стране, очень приветствовали те послабления в политике государства, которые произошли при Н.С. Хрущёве.

Никогда в их речах не было уныния, жалоб на жизнь или затаённой злобы и раздражительности.

О жизни сестёр этого периода вспоминает З.С. Лелянова:

«Было это в 1959 году. . . В это время в нашей семье было особенно трудно с финансами. Мама вынуждена была искать любую подработку, чтобы, как говорится, свести концы с концами. Она даже бралась стирать бельё и для ресторана «Волна», и отдельным гражданам. А папа помогал гладить это бельё. И как же лихо он управлялся с утюгом!

А я в ту пору ходила в школу, и мама как-то смогла не слишком заметно ограничивать меня в деньгах, давала их и на кино, и на разные классные сборы...

Однажды она позвала меня с собой, когда понесла выстиранное бельё «сёстрам Игоревым». Мы пришли к дому на углу улиц Пролетарской и Коммунистов. Ольга Петровна и Татьяна Петровна были дома, встретили нас приветливо и, по моим тогдашним меркам, слишком культурно: проводили в большую комнату (угловую), усадили на стулья, покрытые белыми чехлами, угощали шоколадными конфетами из красивой шкатулки. Я была

очень робкой и стеснительной, но добрые хозяйшюки всё же уговорили меня взять хотя бы одну конфетку.

А в 1963-1964 г. мне посчастливилось учиться в одной группе с Ольгой Петровной Игоревой на курсах английского языка в Университете культуры при ДКМ. Несмотря на свой почтенный возраст, Ольга Петровна проявляла большой интерес к учёбе. Она рассказывала нам, сокурсникам, что дома, пока моет посуду или занимается другими делами, заучивает большие отрывки из рассказов, что так ей легче осваивать язык. А когда кто-то из ребят спросил (не без ехидства), для чего ей, старушке, английский? Ольга Петровна, ничуть не обидевшись на бестактность, ответила: «Да, мне 70 лет, но я хочу знать английский язык, хочу быть грамотной!»

С нами, молодыми, она держалась просто. Она была очень интересным человеком, и мы к ней тянулись, общались, забывая про разницу в годах.»

Да, жили тогда наши дорогие героини на углу улиц Пролетарской и Коммунистов, в доме № 15, на частной квартире. Я навещала их по этому адресу.

... Однажды я опять встретила Татьяну Петровну на одной из городских улиц, мы разговорились о чём-то, и я вдруг спросила:

— Татьяна Петровна, почему вы не похлопочете, чтобы вам с сестрой дали государственную квартиру?

Татьяна Петровна ответила, что им так удобно жить, и ничего менять они не собираются. Я успокоилась. Мне тогда даже в голову не пришло, что эти милые женщины или боятся власти и не могут ничего просить для себя, или же те принципы, что были привиты им в детстве, то старинное дворянское воспитание не позволяли им куда-то пойти и о чём-то хлопотать для себя.

Но всё же какое-то «шевеление воздуха» в городе стало происходить, и всё чаще в кругу их знакомых стали задумываться: почему же так долго сёстры живут на частной квартире? В конце концов крохотную (23 м²) полуторакмнатную «хрущёбу» на ул. Красноармейской, дом № 54, (теперь это пр. Победы) они получили. Здесь провели свои последние, не очень счастливые годы.

Ольга Петровна прожила долгую жизнь!

Вначале всё было не так уж плохо. Но с годами она начала терять зрение. Это произошло как-то неожиданно быстро. Со зрением ушёл весь её мир! Ничего не осталось. Темнота. Беспомощность. Неподвижность. Теперь Ольга Петровна всегда сидела в кресле. Она высохла, у неё очень быстро стал угасать разум, ведь ему уже не было никакой пищи, так же как и её деятельной натуры! Но слух и память у неё были великолепные! Когда мы приходили в гости, она угадывала нас по голосам: «Ниночка, Нелли, Наденька...» И улыбалась чистой и светлой улыбкой, уцепившись своими сухонькими пальчиками за руки того, кто стоял ближе к ней. Она расспрашивала нас, чем мы занимаемся, как поживают наши

родные. Однажды я рассказала ей, что готовлю со своей ученицей Олей Николаевой на смотр школьной самостоятельности поэму Дмитрия Кедрина «Зодчие». Ольга Петровна попросила меня прочесть отрывок. Она слушала и поправляла. Поразительно! Угасающая женщина, уже с трудом осознающая окружающее, находила сочные, яркие, самые точные интонации. Текст расцветал. Как ещё много она могла!

Часто, даже ночами, мешая спать своей бедной измученной сестре, почти такой же старой, она громко читала монологи из классических драм и трагедий. И снова была в эти моменты, хотя бы для себя, молодой, красивой и сильной. Какая же трагическая судьба была у неё, какая неудачная, внешне не сложившаяся жизнь! – хочется сказать, прочитав эти страницы.

... Сестёр Измалковых многие в городе любили. Правда, это были не официальные лица, а череповецкая интеллигенция. Многим хотелось насладиться неторопливой интересной беседой, прикоснуться к тому далёкому и уже ушедшему от нас миру начала XX века. Посетителей у них бывало слишком уж много. Принимать всех стало трудно.

Сёстры старели, уже почти не могли ухаживать за собой, а от нашей помощи постоянно отказывались, так как, по их мнению, убирать в квартире, готовить еду, помогать помыться, постирать должны какие-то добрые бабушки «из простых». А с «гостями» надо было сидеть за столом и беседовать. К великому сожалению, настоящей доброй старушки «из простых» так и не нашлось. Всё это создавало определённые трудности.

Ольга Петровна скончалась 26 июля 1976 года. Временный памятник на её могиле (металлическая пирамидка с крестиком наверху) купил на свои деньги и поставил, как вспоминает Татьяна Сальникова, её отец, Форсов Николай Иванович. Ольга Петровна умерла раньше своей сестры, которая, как могла, ухаживала за больной. Но силы и разум Татьяны Петровны были на исходе.

Татьяна Петровна свои последние дни провела в Доме престарелых, куда ей так не хотелось! Там у неё была отдельная комнатка, регулярное питание, какой-то уход, но она уже плохо осознавала окружающий мир, и это было очень печально.

Татьяна Петровна умерла 23 октября 1981 г.

После её смерти Владимир Николаевич Иванов, муж Татьяны Васильевны Ивановой, который знал и с уважением относился к сёстрам, стал инициатором установки памятника на их могиле. Он сам разработал и изготовил его, консультируясь с известным скульптором города М.С. Каменским. Теперь на старом городском кладбище, на гранитном пьедестале, стоит красивый памятник, достойный их яркой жизни...

... Где-то высоко летают гордые прославленные птицы, о которых писал Рубцов в стихотворении «Журавли»:

*Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на высоких своих!*

Прочитайте снова это пророческое стихотворение. Я предполагаю, что когда Николай Рубцов писал его, он думал не только о журавлях...

Могила сестер Измалковых на кладбище № 1 в г. Череповце

Леонид Вересов — член Союза писателей России, заместитель председателя Вологодского Союза писателей-краеведов, поэт, историк русской и советской литературы, исследователь творчества поэта Н.М. Рубцова. Автор пяти поэтических сборников и ряда книг по литературному краеведению.

Леонид ВЕРЕСОВ

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ ИМЕНИ Л.А. БЕЛЯЕВА

ЧГОО «Череповецкое литературное объединение»

Идея премии принадлежит Л.Н. Вересову, члену Совета ЧГОО «Череповецкое литературное объединение». Он неоднократно доказывал, что таким образом можно и нужно предложить примеры качественной поэзии и прозы на основе творчества будущих лауреатов.

В 2007 году на Общем собрании членов ЧГОО «Череповецкое литературное объединение» было принято решение об организации премии. Выбран организационный комитет в составе: Вересов Л.Н. — Председатель, Констанская Г.В., Кузнецов Н.В., Эпанаев И.В. — члены комитета.

12 декабря 2007 года разработано положение о премии, которое впоследствии дополнялось и корректировалось. Премия стала носить имя Л.А. Беляева как яркого представителя череповецкой литературы, известного вологодского поэта, одно время возглавлявшего литературное объединение города.

По всем вопросам, касающимся премии, проходили бурные обсуждения. Так, например, предполагалось назвать премию именем В.М. Хлебова, предлагались свои критерии оценки творчества будущих лауреатов, активно лоббировались номинанты на литературную премию.

Однако, взвешенная позиция литературного комитета была единодушной: было решено выслушивать все мнения, но чётко держать свою линию на сплочение лито, а не на разъединение его творческих сил.

В начале своего существования премия воспринималась как некий творческий конкурс лучших произведений членов лито за истекший год. Поэтому при подведении итогов за 2007

год было решено использовать как основной конкурсный материал стихи и прозу сборника «Слиток» (проект 2007 г. С.А. Созина), создать несколько независимых жюри из работников библиотек города, из преподавателей ЧГУ (филологический факультет) – не членов литературного объединения.

Были разработаны критерии оценок для членов жюри, и сборник «Слиток» был предоставлен в их распоряжение для анализа и вынесения вердикта по лауреатам премии. Организационный комитет оставлял за собой право принятия окончательного решения по победителю конкурса.

Членам оргкомитета поступило множество предложений по лауреатству – аргументированных и просто неадекватных. Стало понятно, что присуждать литературную премию определённого года по чисто творческим результатам – нельзя. Сколько было людей, столько было и мнений.

Надежды на какого-то фаворита к весне 2008 года не оправдались. В частности, за бортом литературной премии оказывались прозаики и молодые члены лито. Соломоновым решением стало присуждение литературной премии имени Л.А. Беляева за 2007 год председателю ЧГОО «Череповецкое литературное объединение» Н.А. Кузнецову, как наиболее подходящей фигуре в смысле творчества и политкорректности.

Важно было правильно начать, и, думаю, члены оргкомитета не ошиблись с первым лауреатом. Н.А. Кузнецов – один из старейших череповецких литераторов, с огромным творческим багажом, член СРП, не вызвал ни единого возражения.

Вручение премии состоялось на вечере памяти Л. Беляева 28 апреля 2008 года в Доме политпросвещения Череповца. Вручение первой премии происходило довольно торжественно, сюжет об этом событии был показан по областному телевидению (ВГТРК «Вологда» Череповецкое отделение).

Премия с самого начала носила некоммерческий характер. Её материальное выражение заключалось в том, что лауреат имел право опубликовать книгу своих произведений с указанием лауреатства за счёт средств ЧГОО «Череповецкого литературного объединения». Насколько известно, ни один из лауреатов на сегодняшний день этим правом так и не воспользовался.

Поздравляя лауреата, члены Оргкомитета премии за 2007 год выдали дипломы и номинантам на премию. Ими стали: Щекина Г.А., Захаров И.Ю., Бушенев Н.Т., Кругликов А.В., Хохряков А.Н., Гостинчиков В.Г., Марченко З.А., Маркова М.А. В вологодской литературе имена номинантов на премию за 2007 год не нуждаются в дополнительных рекомендациях.

Члены Оргкомитета премии не номинировались на звание лауреата. Таково с самого на-

чала было жёсткое условие их членства в Оргкомитете. И сегодня председатель Оргкомитета выражает глубокую признательность Г.В. Констанской, Н.В. Кузнецову, И.В. Эпанаеву за верность и понимание их долга. Также благодарим, за участие в жюри А.А. Королеву (ЦГБ им. Верещагина, главный библиотечарь), А.А. Ткачёва (Лито, г. Череповец), И.А. Птицына (к.ф.н., доцент ЧГУ), А.В. Якунова (к.ф.н., доцент ЧГУ).

За 2008 год литературную премию имени Л.А. Беляева персонально решено было не присуждать никому в связи с 70-летием со дня рождения Л.А. Беляева. В результате долгих обсуждений решено было номинировать весь тогдашний состав Лито на премию без присуждения лауреатства как акт отдания долга памяти человеку, чьё имя носит премия.

За 2009 год Оргкомитет решает главным фактором при определении лауреата сделать сборник «Луч» (издательство «Окраина», Череповец, проект Н.В. Кузнецова) как наиболее полный творческий отчёт членов Лито за истекший год.

Однако, становится понятным, что только творческая сторона может вызвать определённые споры и разногласия, а их хотелось избежать. Поэтому пошли следующим путём. В длинный список претендентов (Long list) включались все, называемые на Лито, члены объединения.

Позже, по решению Оргкомитета был обнародован короткий список претендентов (Short list), в котором на премию за 2009 год претендовали: Мальцев Г.Г., Никитаева В.А., Маркова М.А., Максимова Е.В., Мальцев В.В., Кичкарёв В.Б., Кругликов А.В., Павлов К.Н., Бушенев Н.Т., Хохряков А.Н.

Из этих достойных претендентов путём голосования и консультаций членов Оргкомитета единогласно лауреатом премии имени Л.А. Беляева за 2009 г. был избран А.В. Кругликов, который ещё в 70-е годы активно печатался в вологодской прессе и сейчас имеет неоспоримый поэтический авторитет.

Уже традиционно на вечере памяти Л.А. Беляева весной 2010 года А. Кругликов был удостоен звания лауреата литературной премии Череповецкого лито за 2009 год.

Премия за 2010 год также имела свои особенности. Члены Оргкомитета свято соблюдали принцип пользы для Лито при обсуждении кандидатур номинантов на премию. Учитывался перечень качеств, необходимых настоящему поэту, по мнению Вадима Кожинова:

Глубина мысли;
Безупречное чувство ритма;
Живость воображения;
Совершенное владение языком;
Предельная искренность;
Умение сказать без слов одной музыкой стиха;
Детская непосредственность;

Изощённая мудрость;
Возвышенность духа.

(«Лад Вологодский», 2007 г., № 3)

А также то, что премии уже четвёртый год, а лауреатов только двое.

Поэтому за 2010 год литературную премию решено было присудить двум членам Череповецкого литературного объединения.

Игры в демократию, кроме лишних разговоров, ничего не давали. Поэтому, как официальный орган Оргкомитет премии решил без лишних обсуждений номинировать в лауреаты А.Н. Хохрякова и Н.Т. Бушенева, неизменно входивших в число номинантов за все годы существования премии.

Учитывались следующие соображения: выдающаяся творческая самостоятельность номинантов, заметные литературные успехи в 2010 году, активная роль в деятельности литературного объединения города.

5 апреля 2011 года в Доме Знаний на очередном вечере памяти Л.А. Беляева Н.Т. Бушеневу и А.Н. Хохрякову были вручены дипломы лауреатов литературной премии имени Л.А. Беляева за 2010 год.

Необходимо отметить тот факт, что вручение премии за все годы её функционирования проходило на вечерах памяти поэта Л.А. Беляева, устраиваемых членами городского литературно-краеведческого клуба «Госпожа Провинция» при Доме Знаний. Руководит клубом супруга поэта Л.С. Беляева, так что в церемонии награждения Лидия Сергеевна неизменно принимала участие.

Любая премия должна развиваться, быть интересной, присуждаться по творческим критериям, а также должна учитываться и общественная активность лауреата. Нет ничего хуже постоянного и традиционного в живом деле, но и от истоков совсем уходить также недопустимо. В 2013 Валентина Горушкина оказалась в числе победителей городского и областного поэтических конкурсов. Этот факт не прошёл незамеченным, и Оргкомитет номинировал её как лауреата на премию им. Л.А. Беляева в этот год. В 2015 году лауреатом премии им. Л.А. Беляева стала замечательная череповецкая поэтесса Галина Констанская. Она на время была выведена из состава Организационного комитета, а после вручения премии вновь кооптирована в него. Как известно, исключения только подчёркивают и оттеняют правила. Получается, что премия теперь стала вручаться один раз в два года. В 2017 году Елене Максимовой члены Череповецкого Лито оказали большое доверие, выбрав Председателем общественной организации города. Её творческий рост как поэта также ни у кого не вызывает сомнений. Исходя из этих факторов, решением Оргкомитета она номинирована на литературную премию им. Л.А. Беляева в этом году.

Во время торжественного вечера памяти поэта Леонида Беляева председатель Организационного комитета ещё раз высказался за то, чтобы литературная премия наконец пере-

росла рамки литературного объединения. Чтобы дать творческие ориентиры бурно развивающейся литературе города, премия должна стать общегородской.

Были собраны подписи присутствующих в поддержку этой инициативы. Повышение статуса премии позволит более точно и полно расставлять акценты в литературном сообществе города Череповца. Организационная и материальная часть литературной премии, конечно, во многом будут зависеть от доброй воли руководства города.

Но, как показывает опыт проведения мероприятия Череповецким литературным объединением, ни больших денег, ни затратных организационных моментов премия имени Л.А. Беляева не требует. А польза для развития культуры города – очевидная. Необходимо только утвердить соответствующие положения с гарантиями поддержки. Номинации могут быть самые неожиданные каждый год:

«За верность литературе Череповца»;

«Поэзия»;

«Проза»;

«Лучшему студенту-литератору»;

«Молодой литератор» (до 18 лет).

В планах и нагрудный знак премии имени Л.А. Беляева, и оригинальная форма диплома лауреата. И самое главное – ежегодный литературный праздник Череповца. Пора уже поддержать, может быть, таким способом, бурно развивающийся литературный процесс в городе металлургов.

Критика

Анохин Валерий Борисович. Кандидат философских наук, доцент, автор научных работ и публицистических статей на темы литературы и культуры.

Валерий АНОХИН

МНЕ ЗЕЛЕНЬ ВЕСЕН НАШЕПТАЛА...

*Но если поймёте, что звёзд в небе мало,
И нет ни одной, чтобы вас согревала,
Но если доймут вас тоскливые ноты,
Придите ко мне за черту горизонта.*

Стихи Михаила — это творение, которое дает ему присутствовать, а потому само есть бытие. Истина же бытийствует в красоте и направляет себя вовнутрь творения. И если истина есть Бог, то он воплощается в поэтическом языке. В языке, который очищен от тварного интереса обыденного языка. Потому-то в нем таится тайна, загадка бытия.

Поход Миши в страну поэзии состоялся еще в детстве:

*Мне зелень весен нашептала,
Что жизнь прекрасна величава.
А осень шепчет как во сне:
Не верь, не верь смешной весне .*

Ранний возраст уже вымолвил тварность бытия, указав на его конечность и круговращение. Радость рождения — это ошибка бытия. Следовательно, ее нужно дополнить возрождением, а по сути — воскресением.

Позднее поэт напишет:

*В небе зреют льдинки холода,
Тени бродят, слёз вода.
Сердце мёрзлое расколото
И не склеить никогда.*

*Август шепчет что-то вкрадчиво.
Пахнет сладко.словно мёд.
А в глазах такая ржавчина.
Тронешь — рухнет и помрёт.*

*Час придёт, и душу выдохнешь.
Вдох не сделать — в горле ком.
Деревянный фрак на выданье
Справьте веспу. Сверху холм.*

*Холм обнимут тени ласково.
Ветр накатит облака.
Всё однажды станет сказкою.
Небо. Реки. И тоска.*

Решается ли загадка, приоткрывается ли тайна? Увы. Мне зелень весен нашентала. — Август сладко шепчет что-то вкрадчиво. — Не верь, не верь смешной весне. Все однажды станет сказкою. Это тихий шепот. Но шепот, рождающий

столкновение весны и осени, рождения и смерти. Все крутится вокруг смерти. Даже сказка (возбуждение детского ума) станет смертью. Если она уже не смерть.

Любовь загадочным образом связана с рождением. Нет рождения – нет любви. Есть позыв любви. Но нереализованный позыв – минута тяжкого бытия, скрытая поэтическим словом. Николай Рубцов бежит за аленьким цветком, теряя по пути ромашки. Александр Пошехонов сооружает себе вертикаль, чтобы найти образ любимой, но находит его здесь на земле. Александр Кругликов держит в ладонях дрожащую каплю дождя на пожелтевшем листке, боясь уронить ее. Поэт обращается к сокрытому в нем образу Анжелики:

*Однажды вернётся ко мне Анжелика.
И сядет у кактуса возле окна.
Вздохнёт. Улыбнётся. И вымолвит тихо:
А нет ли у вас ради встречи вина?
Пока ни её нет, ни слова, ни лиха.
Пока и навеки. На все времена.
Однако вернётся ко мне Анжелика.
Но в доме не будет ни капли вина.*

Ни капли вина – это отсутствие возможности любить Анжелику. Чуда не будет. Рождения не будет. До воскресения остался только шаг. А пока опять тление и движение вспять.

*О, девочка забытая моя, на этот раз
Ты не вплетёшь в венок моих сонетов
Свои слова. Мне неизвестно где сейчас
Ты прячешь сны и уходящих силуэты.
Скрываешь листьями упавшими следы,
Перебивая запахи последующим тленом,
Сжигая за собой последние мосты. . .
Другой тебе приносит хризантемы,
Как я тебе носил лет 45 назад.*

Красота спряталась где-то далеко внутри. Забрела в тайники души. Скрыла опавшими листьями свои следы. Снова мотив: *мне зелень весен нашептала*. Но можно ли не верить смешной весне?

Образ весны – образ тающих хризантем. Однако *вороны каркают в бледном поднебесье*.

*пахнет мёртвым сентябрём
под ногами куст брусники
мы дороги не найдём
мы бездушны и безлики
не летаем не творим*

*и глядим под ноги
как горчит кленовый дым
неизвестно многим
под ногами не трава
а асфальт бетон и плитка.*

Под ногами бетон и плитка, а слова брызжут душой из порезов. Осень злее весны. Клён под окнами горит, и рябина тает. Лишь тоска без края. Умирает ли осень. Осень умирает. Помянуть бы осень. Но она нас поминает. И вновь возрождается с шёпотом, как во сне:

*Жила в веках бы Русь,
Мне большего не надо.
Однако ей, боюсь,
Бессмертья не дано.
А если не дано,
Кому какое дело
До грешницы моей
Неведомых кровей.
Она сейчас везде.
Потом покинет тело.
И так ли важно кто
Поможет в этом ей?*

Она вошла и ушла безмолвно.

*А ушла, как песня.
Уходя, сказала,
Потрепав за уши:
Где-то я читала,
Что бессмертны души.*

Нет. Весна умрёт не сразу. Но, сжигая солнце в ней, Осень корни-метастазы пустит в плоть грядущих дней. Мне зелень весен нашептала... Так рождается грустная сказка Михаила Анохина. Так Бог проговаривает слова-порезы и роняет их к ногам одиноких душ. Удобрят их, чтобы они стали добрее.

Михаил талантливый и своеобразный поэт. В нем соединились две гармонии: чувство божественной красоты и чувство божественной гармонии математики. От этого он только выиграл и стал весьма своеобразным поэтом.

* * *

Я изредка лгу. Но не пью. Не курю.
Я знаю, как «Отче...» изнанку свою.
Живу сателлитом, как тень от Земли.
В римейках погряз и в архивной пыли.
Ты ангел с родимым пятном на руке.
Хрипящая лошадь в последнем рывке.
Ты самый надёжный над пропастью мост.
На шее петля из распушенных кос.
Ты горечь моя. Ты трава лебеда.
Текущая мимо живая вода.
Я будда тибетский. Не брит и раскос.
Я обруч твоих непослушных волос.
Я луч из источника в сто миллионов свечей.
Я смертен. Я вечен. Я твой. Я ничей.
Умру я когда-то. И будет мой прах
Лежать на твоих измождённых ногах.

* * *

Ты ведьмою станешь. Я клоуном буду,
Сгорю на костре. И воскресну на плахе.
Взойду на престол. Стану лидером смуты
В овчинном тулупе казачьей папахе.

Истратив на Будду все фунты и марки,
Не буду пытаться добратся до сути.
Пусть ведьма плутает в туманностях мрака.
А я без неё понимаю, что будет...

Погаснут в сознаньи все звёзды под утро.
Померкнув, исчезнут. Рассеются прахом.
И коллапс наступит в мозгах Заротустры.
Ментальная кома под музыку Баха.

Родился в 1988-м году, в 2010-м закончил ЧГУ по специальности «Комплексная защита объектов информатизации». Творческий путь начал в 2004 году, и к настоящему времени издал собственный сборник стихов «Галерея кристаллов». Является дипломантом международного фестиваля «Русский Stil», всероссийского поэтического конкурса «Золотая строфа-2011», имеет множество городских и областных наград и публикаций.

Максим ПРИХОДСКИЙ – рецензия на подборку Нины Кожиной

*От Шексны идет дорога
Через лес, через поля
До заветного порога
Там, где держит дом земля...*

Самый первый катрен, который я читаю у Нины Кожиной, в некотором смысле описывает самую суть её творчества. Шексна – и в памяти сразу всплывают пейзажи Вологодского края; лес и поля – и мы угадываем фетовскую преданность природной тематике. Заветный порог говорит о глубокой эмоциональной связи автора с деревенским домом. А в последней строке – «Там, где держит дом земля» – ощущается единство человека и природы. Все эти мотивы будут встречаться нам в творчестве автора снова и снова. В этом, конечно же, нет ничего нового, и в той или иной форме мы видим эту связку у большинства поэтов старшего поколения, поэтому я уверен, что найдутся и авторы, и читатели, которые почувствуют в этих стихах родное и близкое. Гораздо интереснее вопрос о том, в чём проявляется творческая индивидуальность, литературный характер автора? И, что важнее, проявляется ли он?

Предметность и сюжетность лирики автора позволяет нам почти безошибочно отнести её к современной постакмеистической традиции, возможно, не вполне осознаваемой самим автором. Так сложилось, что значительный след в литературе Вологодчины оставил Н.М. Рубцов, и его поэтика – простая по стилю и тематике, искренняя – обнаруживается в стихах многих провинциальных поэтов. Автор тоже в какой-то мере прост и искренен. Первую интересную особенность лирики автора я вижу в том, что явления природы почти всегда олицетворены, наделены чувствами и неразрывно связаны с настроением человека. Ветер «ходит по избе», дождь «шагает в наступление» и игриво танцует по зонтику. Постепенно

складывается ощущение, что они всегда живые, даже если олицетворения, как такового, нет. Иной раз и рукотворные предметы предстают живыми, но они всегда верны и рады человеку – крыльцо *«подпоёт скрипом»*, а калитка *«радостно скрипнет»*. Это очень характерная черта стихов для детей, и действительно, что-то детское в разной степени чувствуется во многих текстах автора.

Порой это приводит нас к довольно странным и непривычным образам, почти что постмодернистским деконструкциям. К примеру, представим себе ветер, беспечно бегающий в поле или бродящий по пустому дому. Но в реальной жизни он может быть вовсе не таким добрым: *«А ветер гнет к земле до боли / Мой сад, и рад»*. Само стихотворение «Ливень», откуда я привёл строку, достаточно эффектно и жутко играет на военном наступлении как метафоре ливня, который приносит разрушение. Будучи неспособным куда-либо деться, огород *«беззащитно вскинул ветви»*; стоны и бесчисленное множество новых солдат на замену старым прилагаются к этой картине. В подборке этот текст соседствует с совершенно другим по настроению стихотворением, что усиливает контраст. К сожалению, хотя виден потенциал мотивов беззащитности человека и его труда перед стихией и неотвратимости природной ярости, некоторые синтаксические неточности и неудачные, на мой взгляд, строки не дают ему раскрыться.

Имеет смысл сказать как раз-таки о соседе «Ливня» – басне «Туча и пенёк», в которой пенёк предстаёт перед нами в образе ворчащего старика, недовольного разгулявшейся тучей – *«Что ты хлещешь все за зря, / Я теперь тебе не дядя, / Прель коры не для меня»*. Туче однако нет дела до старого пня, и последнему, видимо, ничего не остаётся, кроме как воспользоваться живительной влагой и выставить солнцу листочек. За одним – другой, и вот пенёк уже зелёный. Мораль здесь не говорится прямым текстом, мы можем разве что догадываться: «Старость субъективна, и мы тогда стары, когда убеждены в этом» или «То, что нам кажется неприятным, на самом деле может быть источником роста». Речь в этом произведении стилистически снижена (*«пуще», «поднатужился»*), что вполне оправдывается жанром. Однако совокупность определённых признаков – четырёхстопный хорей, та же сниженная, простая лексика, карикатурное олицетворение пня – убеждает меня, что передо мной опять-таки детское стихотворение (хотя в нём можно найти и не совсем детские детали). Я не могу сказать, что ребёнок во мне как-то реагирует на эти образы, – соответственно, для меня, как для читателя, это стихотворение останется проходным.

Иначе передо мной раскрылось стихотворение «Кленовый лист». Оно тоже является историей с олицетворённой частью природы в качестве героя, но оно другое по настроению. Это как раз вторая особенность стихов Нины Кожиной, на которую я бы хотел обратить внимание. Автору как художнику настроений иной раз удаётся просто, но как-то очень верно и красиво задать тон стихотворению:

*Кленовый лист кружила осень
И бросила на кромку льда.
Вот он скользит и будто просит:
«Скорей прими меня вода...»*

Осень — частый гость в стихах автора, и её первая и самая хрестоматийная ассоциация с грустью здесь, конечно же, видна сразу. Однако предлагаю взглянуть на стихотворение «Листва дышала». Это лирика об окончании лета, отдыха, выходного и грустной встрече с осенними буднями. Прекрасное, возвышенное, сказочное закончилось, начинается печальное, привычное, будничное. Образы непогоды хорошо поддерживают это чувство, свет и звук в этом стихотворении создаются очень смело. В то же время несколько фраз задели мой слух. Несмотря на это, я считаю это стихотворение весьма неплохим. Оно ловит тот бытовой оттенок осени, который не так часто показывается в поэзии. А техническое его оформление — короткие строки — даёт множество пронизывающих стихи созвучий.

Последний текст, на котором я останавлиюсь, — последний в подборке, «Морозный иней». Иногда случается, что самые обычные слова, уже изношенные от частого использования в далеко не всегда хороших стихах, становятся в таком порядке, что открывают что-то едва уловимое, заставляют подумать и почувствовать иначе. Для меня это как раз «Морозный иней» — что в нём прекрасно, так это рефрены. Они смотрятся абсолютно гармонично, и в нужных местах подчёркивают, выделяют чувство. Торжество морозного инея над рябиновым костром (с сопутствующим символизмом) изображено как изящное и абсолютное. Мы можем придаться к слабым рифмам, но то, что скрывается под оболочкой, для меня перекрывает этот недочёт.

Я лишь вскользь до этого упоминал о синтаксически или поэтически неудачных строках. В то время, как я не вижу смысла работать с каждым случаем в отдельности (это не является целью данной рецензии), стоит сказать, что это тоже своего рода черта творчества автора на данный момент, проявление границ чувства языка. Когда я читаю:

*Снова подпитываться будем
Мы от крестьянских основ.*

я знаю, что могу дальше прочесть другие строчки, которые тоже не смогу принять. Дело, конечно же, не в метрике, а в том, как и какими словами поэт предпочитает выражать свои мысли.

В то же время я знаю, насколько умело автор может использовать традиционный инструментальный стихотворца, насколько красиво и изящно он может выразить настроение. У меня есть надежда, что в будущем я смогу увидеть и рассказать читателю не только об олицетворениях, настроениях, технике и художественных повторах, но и о сложном, самобытном поэтическом мире, совместившем в себе черты традиционной деревенской лирики, что-то непосредственное, детское и что-то пронзительное, взрослое, современное, значимое.

Поэзия

Нина Кожина родилась в 1972 году в Череповце. Закончила Череповецкое медицинское училище и факультет дефектологии ЧГУ, работала в МБДОУ «Детский сад № 90» учителем-логопедом. Пишет стихи и сказки. В 2012 году стала победителем в конкурсе сказок Деда Мороза в Великом Устюге, в номинации «Дед Мороз – виртуальный волшебник». Со своими воспитанниками не раз выходила на городские театральные конкурсы с авторскими сказками-постановками. Является членом «Череповецкого литературного объединения».

НИНА КОЖИНА

Край незабудковой сини

ЛИВЕНЬ

Стеной шагает в наступление
Июльский дождь,
Ты видишь, и не ждешь спасения –
Ведь не свернешь.

В траве волнами ходит ветер,
Как зверь ревет
И беззащитно вскинул ветви
Мой огород.

Стена дождя: ни лес, ни поле –
Ей нет преград,
А ветер гнет к земле до боли
Мой сад и рад.

Как глохнет в бурные раскаты
Их слабый стон,
А в тучах новые солдаты –
Триллионов сто.

МОРОЗНЫЙ ИНЕЙ

Морозный иней на реке
Алмазно-синей,
И на душе, и на душе
Морозный иней.

Когда-то сонное тепло
Текло по жилам –
Не обожгло, не обожгло,
Не опалило.

Горел рябиновый костер
И рдели клены,
Но час не пробил, не пришёл
Для двух влюбленных.

И на земле, и на листве –
Как тень сомнения,
Морозный иней. В хрустале
Дрожат мгновения.

* * *

От Шексны идет дорога
Через лес, через поля
До заветного порога
Там, где держит дом земля

И качает на ладонях
И теплицу и забор,
Там, где душу утром тронет
Звонкий птичий разговор.

Этот дом построен дедом,
Баня срублена отцом.
Здесь и радостям и бедам
Скрипом подпоет крыльцо.

Куст смородины, калина
У калитки сторожат.
В окнах плещется лещина
И горит огнем закат.

Потеряевское лето
Лечит душу от потерь:
Нет ни бабушки, ни деда,
Ни отца —увы, теперь.

Барабанит дождь по крыше,
Ветер ходит по избе.
Снова лето — отпуск вышел,
Дом родной, спешу к тебе!

В ДЕРЕВНЮ!

Сколько расчерчено линий
Стуком вагонных колес, —
Край незабудковой сини
Трогает душу до слез.

В вальсе закружатся ели,
Вздогнут мосты над рекой, —
После рабочей недели
Майский придет выходной.

Радостно скрипнет калитка,
В окнах заплещет закат,
Кажется, прячет улыбку
Дом под бревенчатый скат.

Ждут огородные будни
С красками летних цветов.
Снова подпитываться будем
Мы от крестьянских основ.

Пусть мы давно городские, —
Просит простора душа,
Чтоб деревенской России
Воздухом чистым дышать!

ТУЧА И ПЕНЬ

Заскользила туча тихо,
Превратила в вечер день,
От напущенного лиха
Вновь заплакал старый пень:

Дождь теперь ему не в радость,
Нет листвы, не освежит,
Между юных елок старость
В звоне капельном дрожит

И ворчит, на тучу глядя,
«Что ты хлещешь все за зря,
Я теперь тебе не дядя,
Прель коры не для меня».

Только туче что за дело,
Знает, пуще воду льет,
Ветер дунул, полетела
Дальше портить небосвод.

Пень распух, кряхтит с досады,
Поднатужился, и вот —
Лист зеленый, как награду,
К солнцу выставил вперед,

А за ним другой и третий,
Зеленеет старый пень,
Кто же знал, что ливень летний
Оживит былую тень.

ЗАКАТ

Алое
Зарево
Августа
Месяца
Яркое,
Жаркое
Вечером светится.
Огненно
Около
Окнами
Плещется
Осени
Золото
Вечное, вечное!

* * *

Листва дышала
Лета пестротой,
Я от вокзала
Путь вела обратно
И рассуждала:
«Кончен выходной»,
Мазуркой бала —
Отголоски пятна.

Сентябрь в разгаре,
Летнее тепло,
В дождливой хмари
Утонули чувства,
Как на гитаре
Флажолет, и тот,
Вдаль убегает
За трамвайным хрустом.

Оставил ливень
Лужи — зеркала,
Намокших линий
Чистое сиянье,
Завесой синей
Притаилась мгла, —
Унынье кинь ей
Осени начальной.

Был от вокзала
Вечером мой путь
И дум не мало
В голове с приветом,
Одна стучала,
Задыхаясь чуть, —
В мазурке бала,
Улетая с ветром.

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ

Кленовый лист кружила осень
И бросила на кромку льда.
Вот он скользит и будто просит:
«Скорей прими меня вода -

Я рвался парусом на ветке,
Летел как чайка над волной,
Пока я цел и жилы крепки
Готов я стать твоей ладьей:

Купаться в ауре тумана,
Ловить дождинок серебро,
А постарею и увяну —
Уйду под зимнее стекло.

Пятном цветным на белой глади
Я буду сторожить твой сон,
Чтоб ты решила: « В листопаде
Их много ... Нужен только он!»

Лист приняла река в объятья,
Как брошку к платью приколов.
С ним рядом проплывали братья —
Осенних дней речной улов.

* * *

Утопаю в листьях клена,
Замираю на ветру,
Словно звездочет влюбленный,
Верю в новую звезду.

Верю в новые недели,
Верю месяцам и дням.
Листья клена облетели,
Льнут ковром к моим ногам.

Дождь, по зонтику танцую,
Заглянуть спешит ко мне,
Словно жаждет поцелуя.
Слезы капель на стекле.

Ослепил, умыл, игриво
Промочил и убежал.
Лист кленовый шепчет: «Сила!
Хоть пройдоха и нахал,

Всем, неверный, оставляет
«Комплименты на окне».
И, синицею слетает
Прямо на ладонь ко мне.

Осень, ни дождю, ни ветру
Не отдам подарок твой,
Потому, что снова верю –
До звезды подать рукой!

Николай Войтенко родился 21 апреля 1954 г. в д. Владимировка Череповецкого района, Вологодской области. Образование: средне-специальное. Трудился в мартеновском цехе ЧМК, в управлении «Череповецдомнаремонт-2», в Череповецкой организации Всероссийского общества инвалидов «ВОИ». Член Череповецкого городского литературного объединения.

Николай ВОЙТЕНКО

(Череповец)

Присядем на дорожку

* * *

А деду было больше века.
Он на завалинке сидел.
Поговорить бы с человеком,
ведь столько видел славных дел.

Но от родных лишь кот под боком,
а про чужих и не скажи.
Дед не в обиде, – скоро с Богом
наговорится от души.

* * *

– Бабуля, а кем был мой дедушка Саша,
когда он с врагом воевал на войне?
– А Бог его знает, не думала даже,
об этом и он не рассказывал мне.

А кем он там был, для меня и не важно,
живым хоть вернулся из этой беды.
Я знаю, что там он сражался отважно,
засря не дают орден Красной Звезды.

Она вдруг открыла сундук, из-под шали
достала шкатулку из жёлтой слюды,
и внучек впервые увидел медали
и орден. . . , действительно Красной Звезды.

* * *

Дыхания её не слышно, —
окаменелость на лице.
Она сидела неподвижно
на покосившемся крыльце.

Её серебряные пряди
с небрежностью из-под платка,
сухие плечи, а во взгляде —
неотразимая тоска.

И от предчувствия разлуки
притих и дом, и старый вяз.
Но вдруг взметнулись к небу руки,
и слёзы хлынули из глаз.

И словно сердце надорвалось,
и через рану пролилось
всё, что от жизни ей досталось
и что из жизни унеслось.

И слёзы скованность разжали,
чуть потеплел застывший взгляд,
и губы тихо прошептали:
— Прощай, мой дом, прощай, мой сад.

Уже и собраны пожитки,
завязаны одним узлом,
остался выход из калитки
и горький путь в казённый Дом.

* * *

Не уснуть! А отчего, не знаю.
Никого же, вроде, не задел.
Может, ты обиделась, родная,
что к тебе на время охладел.

Или скорби накопилось много;
так сожмут — не охнуть, не вздохнуть.
С каждым днём мне тяжелей дорога,
с каждой ночью тяжелей уснуть.

Или память вспомнила нехоти
юности хмельные времена,
где любовь в коротком летнем платье,
где и вправду было не до сна.

Небо звёзд, а по ночному краю
месяц бродит — хоть бы заглянул.
Отчего не спится, я не знаю.
Да и знал бы, — тоже не заснул.

* * *

«Присядем на дорожку» —
вот русский человек!
Всерьёз, не понарошку,
и так из века в век,
прощаясь у порога,
обычай предков чтит,
пред дальнею дорогой
присядет, помолчит.
Чтоб в этот миг разлуки
прочувствовать до слёз,
до глубины, до муки,
до седины волос
всю горечь расставанья,
всей тяжести суму,
как будто груз прощанья
ему лишь одному.

* * *

Зимы уход не остановишь,
пусть и морозит по ночам,
и днём её дыханье ловишь.
Но не о том моя печаль.

А о Весне, — она мне ближе.
А почему — и не понять.
Я, наконец, её увижу
и всей душой смогу обнять!

И соберусь я в путь-дорогу,
куда всю зиму проглядел,
в родимый край — где, слава Богу,
ещё имеется надел.

ДВА БОЙЦА

Два бойца из бронзы — как живые,
Дни и ночи не смыкают глаз.
Из пехоты — просто рядовые,
Родину сберёгшие для нас.

И стоят они, не преклоняясь,
Как в те дни, когда в атаку шли.
Это я пред ними преклоняюсь,
За себя, — за вас, — от всей земли.

* * *

А дождь идёт и не кончается,
И нет просвета надо мной.
Как будто в небе кто-то кается
за грешный промысел земной.

Как будто кто-то слёзно молится
За жизнь, что под откос пустил.
И всё никак не остановится...
Скорей бы, Господи, простил.

* * *

Что, сынок? Примеряешь мои сапоги?!
Хочешь стать, как отец? Что ж, похвально!
Только знай, как они на ходу нележки,
от порога до пристани дальней.

В мою пору, сынок, без сапог никуда.
В них росли, в них мужали и зрели,
и без них не взметнулись бы ввысь города,
и поля бы хлебами не пели.

Много с ними мозолей в награду имел,
не одни развалились с натуги.
Я таких бы сапог для тебя не хотел,
подрастёшь — и поймёшь на досуге.

И из детства, сынок, не спеши улетать,
вспять оно никогда не вернётся.
Ты на полную пей из него благодать —
в тяжкий час светлым сном отзовётся.

* * *

День-то сегодня какой!
Только о нём разговоры.
Ласковой, тёплой рукой
гладит родные просторы.

Радости светлый покой
льётся от края до края.
Над посветлевшей рекой
птицы поют, не смолкая.

Светится водная гладь,
бликами с рябью играя...
Вот бы всем сердцем обнять
этот кусочек от Рая.

Так на душе хорошо!
Тяжести нет и в помине,
словно я воду нашёл
среди раскалённой пустыни.

Родина – светлая грусть!
Сладко с тобою и горько.
Нет! Я судить не берусь,
просто люблю... да и только.

* * *

На ветвях снегири – бубенцы,
от мороза вот-вот зазвенят.
Ах, какие они молодцы!
Здесь живут, никуда не летят.

Терпят всё: и шальную метель,
и голодную звёздную ночь,
и застывшую ветку – постель...
Терпят всё и не думают прочь.

И как только я вижу в окне
с красной грудью в снегу катыши,
наполняются чувства во мне
чем-то добрым и чем-то большим.
Смотрел он на них, не роняя ни звука,
что было в душе у него, – не поймёшь.
А бабушка, глядя украдкой на внука,
лишь думала: – как он на деда похож.

Наталия Абросимова родилась 28 июня 1952 года в г. Ташкенте, в семье геологов. Закончив музыкально-педагогический факультет пединститута, преподавала в школе. По приезду в Череповец, работала в детском саду, затем на ОАО «Северсталь». Член Череповецкого литературного объединения. Автор четырёх поэтических сборников. Принимала активное участие в клубах «Свеча» и «Госпожа провинция». Печаталась в разных изданиях, а также провела много встреч и концертов, как автор стихов и песен.

Наталия АБРОСИМОВА

Любовь всегда права

тексты песен Натальи Абросимовой

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Нагадала мне цыганка,
Что всё будет хорошо.
Спела песенку шарманка,
Только нужно ждать ещё.

Сколько ждать ещё придётся?
Это ведь огромный труд.
Счастье медленно крадётся –
Неприятность тут как тут.

Год ждала и два ждала я,
Каждый час день ото дня.
Только счастье почему-то
Отвернулось от меня.

А потом вдруг поняла я:
Это глупо принца ждать.
От тебя самой зависит,
Коль счастливой хочешь стать.

ЛЮБОВЬ ПРАВА

Весна уже в разгаре.
Кружится голова.
В любовном ты угаре.
Любовь всегда права.

Правда, пусть даже счастье
Она не принесла.
Ты приняла участие
И будь уж тем права.

Как ты похорошела.
Ты просто расцвела.
И никому нет дела,
Любовь всегда права.

Правда, хоть ошибаешься,
Возможно в этот раз.
Но это будет после,
А любишь ты сейчас.

Предугадать так сложно.
Как станешь дальше жить?
И всё-таки возможно
В безбрежном море плыть.

Но знать ты будешь точно.
Почти наверняка.
Пусть, любовь порочна
И всё ж она права.

РОМАНС

Горели свечи,
Музыка играла.
И молча ты смотрел в глаза мои.
Я ничего тебе не обещала.
Молила только:
Бог тебя храни!

А ты был очень гордым и упрямым.
Промчался ты неведомо куда...
Я ждать тебя совсем не обещала.
Но почему-то
Всё равно ждала.

Вот снова встреча,
Только мы — чужие.
И молча смотрим друг на друга мы.
Я говорю тебе: Прощай, мой милый,
Молю лишь только:
Бог тебя прости!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Милая малышка, сладкая моя!
О тебе скучаю, сидя у стола.
О тебе мечтаю с ночи до утра,
Женя дорогая, я люблю тебя.
Баю-баю. Я люблю тебя.

Славная малышка, ты — моя звезда.
Скоро я приеду, обниму тебя.
Очень, очень крепко внученьку прижму.
Женечка, родная, я тебя люблю.
Баю-баю, я тебя люблю.

Мой кусочек сердца, девочка моя
Ты перед глазами снова у меня.
Снишься мне ночами, тороплю я дни.
Я благословляю: Бог тебя храни!
Баю-баю, Бог тебя храни!

МАМА

Почему, когда нам очень плохо,
Маму вспоминаем мы всегда?
А ещё, когда нам одиноко,
Лишь она бросает все дела.

Почему, когда нам грустно очень,
Мама, её нежность так нужна?
А когда бывает больно очень —
Нас спасает мамина рука.

Потому, что главное на свете
Начинается всегда с неё.
Даже имя «Мать — Земля» дано планете
И любовь, и жертвенность её.

Мама любимая, мама родная.
Неповторимая и дорогая.

* * *

Листья шуршат под ногами,
Осень в разгаре давно.
Что же ты делаешь с нами,
Словно в немом мы кино.

Только увидим друг друга.
Взглянем и мимо пройдем.
И будто зимняя вьюга
Нас обдаёт холодком.

А ведь когда-то любили,
Ждали мы встречи в тиши.
Листья любовь закружили
И за собой унесли.

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Зал ожидания,
Встречи, прощания.
Слёзы от горя и счастья.
Зал ожидания,
Наши признания.
Будто и мы в чьей-то власти.

Сколько же времени
Здесь провели с тобой?
Мы на часы не смотрели.
Будто под бременем,
Лишь о любви своей
Просто сказать не успели.

Зал ожидания, встречи, прощания,
Снова для нас повторяется.
Будем надеяться,
Всё перемелется,
Нам не придётся расстаться...

Валентина Глушанкова. Родилась на окраине Череповца в деревне Остинское. Образование среднее. Впервые стихи были опубликованы в газете «Химик», затем и в других СМИ города и области, а так же в сборниках «Женщина осень», «Аммофосовская лира», «Фосагровская лира», «Память сердца», «Северная окраина», в альманахе «Звезда полей» г. Саратов. В 2012 году вышел сборник её стихов «Души полёт». Победитель конкурсов «Виват, Череповец», Городок провинциальный, «Снится мне деревня».

Валентина ГЛУШАНКОВА

И снова в горнице светло

ГИМН «РУБЦОВСКОГО ЦЕНТРА»

г. Череповец

... И снова в горнице светло,
На все века она воспета
Оставил здесь своё тепло
Талант великого Поэта.

Нас всех Рубцов объединил,
Людей с горячими сердцами,
Творить добро он научил,
Любовь доказывать делами.

Не гаснет русский огонёк,
Он разгорается, сияет.
Живой родник Рубцовских строк
Детей и взрослых окрыляет.

Горит Рубцовская звезда,
И детских душ тот свет коснётся —
Связь поколений никогда
В Рубцовском центре не прервётся.

ЗОЛОТОГЛАВАЯ РОВЕСНИЦА МОСКВЫ

Краса неброская, сиянье куполов...
Твоё величие воспеть не хватит слов.
Через тебя отцы-пустынники прошли,
Во имя Господа здесь храмы возвели.

Родная Вологда, России дух святой!
Софии мудрость возвеличена тобой.
Перед врагами не склоняла головы
Золотоглавая ровесница Москвы.

Берёзку русскую и всполохи зарниц
Хранят узоры вологодских кружевниц.
Под стук коклюшек и под звон колоколов
Тебя прославили Гаврилин и Рубцов.

Хранят предания твои монастыри,
Как в них молились православные цари.
Святой Герасим охраняет твой покой,
О нём он молится над Вологодой рекой.

Родная Вологда, Господь тебя хранит!
О нашей вере каждый колокол звонит,
Мольбу возносит: «Сохрани нас и спаси!»
Пусть вера предков не угаснет на Руси.

ПОЭТ

Как снега зимой хранят
Краски будущего лета,
Так поэт на склоне дня
Видит музыку рассвета.

Под луной, в ночной тиши
Разговор созвездий слышит
Родники своей души
Раскрывает, словно дышит.

* * *

Вечную стражей берёзы стоят,
Об основателях память хранят.
Золото крон и небес глубина...
Берег ласкает речная волна.

Звон колокольный плывёт над Шексной.
С праздником, с праздником, город
родной!
К небу в Макаринской роще вознёсся
Храм Афанасия и Феодосия.

От алтаря до церковных ворот
Храм по кирпичику строил народ
Ангелы, радуясь, в храме парят,
Перед иконами свечи горят.

Свет куполов и крестов золотых...
Господа славим и славим святых.
Радостно вторят молитвы слова
Храм Воскресенья и храм Рождества!

ЧЕРЕПОВЕЦ ПРИФРОНТОВОЙ

Прифронтовой уездный город:
Эвакопункт, госпиталя,
Система карточная, голод -
Череповецкая земля.

В тылу Победу ты ковала,
Лечила раненных солдат
И хлеб последний отправляла
В блокадный город Ленинград.

Через тебя Дорога Жизни
Из Ленинграда пролегла.
Ты для Победы, для Отчизны
Сынов любимых отдала.

Зенитки город охраняли,
Мост через Ягорбу, вокзал -
Там с эшелонов принимали
Тех, кто блокады ужас знал.

Подростки у станков стояли,
Они трудились день и ночь.
Медсёстры кровь свою сдавали,
Стараясь раненым помочь.

Но смерть косой людей косила.
Ту боль мой город не забыл —
Священна братская могила.
У фронта был надёжный тыл!

НИКОЛАЮ СИРОТИНУ

Всё дальше отходила батарея,
А он решил, что примет смерть в бою.
И бил солдат, снарядов не жалея,
За Родину! За маму! За семью!

Он два часа держал колонну танков.
Простой сержант — Орловский паренёк
Расстреливал немецких оккупантов!
Что он один, им было невдомёк.

Они ещё не знали Сталинграда,
Не знали Курской огненной дуги,
Не оценили стойкость Ленинграда
И вспять не повернули сапоги.

Но в сорок первом наши отступали,
А прикрывал отход один солдат —
Такие ход сражений изменяли,
И, в мужестве, сам чёрт им был не брат!

Всё дальше отходила батарея,
А парень вёл последний в жизни бой —
Громил врага, снарядов не жалея,
Россию заслонив самим собой.

Елена Максимова родилась в д. Образцово Вологодской области. В 1979 году закончила Кирилловское культурно-просветительское училище. Председатель ЧГОО «Череповецкое литературное объединение». Член Вологодского союза писателей краеведов.

Автор проекта и ответственный редактор литературно художественного альманаха «Над Шексной». Автор тринадцати поэтических сборников. В 2010 и 2012 году её стихи вошли в сборники «Антология поэзии Вологодского края XXI век» – «Чудь» и «Чудь-2». Член ВРОО «Батюшковское общество». Лауреат литературной премии им. Л. Беляева.

Елена МАКСИМОВА

Весне воздам благодаренье

МАРТ

Снег в марте пахнет облаками...
Он по утрам ещё упрям.
Похрустывает под ногами,
А уж ручьи то тут, то там.

Протальник март-снегов томленье,
И сердце в такт весне стучит.
Ласкает щёки луч весенний,
Душа поёт и ввысь летит.

Невозмутимо отражаясь,
В холодных лужах облака
Неторопливой белой стаей
Плывут в мой край издалека.

Душой отринувшей сомненья,
Всем сердцем, словно во хмелю
Весне воздам благодаренье
За бесконечное: люблю!

Так было прежде, есть и будет,
Из века в век, из года в год.
Весна идет и словно чудо
Любовь на крыльях нам несет.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Выпал снег — и всё забылось

Н. Рубцов

Выпал снег — и боль забылась,
Успокоилась душа,
Будто заново родилась,
И погода хороша!

Я иду по Краснодонцев
По октябрьскому снежку.
Курс держу навстречу солнцу,
Озорному ветерку.

Впереди Шексна синее,
Вдалеке темнеет лес.
Сердце с радости пьянеет
От предчувствия чудес.

Хорошо что лист тетрадный
Под рукою тут, как тут.
Неразборчиво, но складно
Вывожу: Сердешный друг....

Самолётик-телеграмма.
В ней всего лишь пара строк.
Телеграмму утром ранним
Ветерок доставит в срок.

Ждёт ли, нет — не это важно.
Важно то, что снег идёт.
Первый, девственный и влажный,
И о том душа поёт.

СОН

Я встречаюсь с тобою
Только в утреннем сне.
От себя я не скрою,
Что ты нравишься мне.

Вот и нынче под утро,
Когда в окнах светлей,
Стал ты ближе как будто,
И как будто родней.

Будто годы разлуки
И зима позади....
Просыпаюсь от звука,
Будто кто разбудил.

Не допетая песня,
Неразгаданный сон.
Мы не можем быть вместе
Под сердцец перезвон.

Я не верю в приметы,
Только вот невдомёк...
Кто при утреннем свете
Мои губы обжёт?

У РОДНИКА

Из родника вода струится,
Спешит игриво в водоём.
Сюда пришёл уединиться
Усталый путник жарким днём.

Он пересохшими губами
Ласкает быструю струю.
И исцеляется, как в храме,
Святой водой в родном краю.

И словно заново родившись
Воскликнет сердцем: Благодать!
Ну и добра же здесь водица,
Другой такой и не сыскать!

Уйдёт неспешно под орешник,
Примав зелёную траву.
Он как и все живые грешник
Перекрестится в синеву.

Ему ещё свой век трудиться.
Пахать и строить, а пока...
Придёт не раз с природой слиться,
Воды испить из родника.

НОЯБРЬ

Да, что ж такое? В ноябре
И дождь и слякоть на дворе!
Я жду когда повалит снег,
Чтобы на нём оставить след.

* * *

Хорошо весною ранней
Снегом вешним подышать.
Нету времечка отрадней
О хорошем помечтать.

В каждой почке на деревьях
Слышать музыку весны.
Не махнуть ли мне в деревню
К милой маме на блины?

Что ж, в деревню, так в деревню...
Эх, встречай, дружище-пёс!
Я в деревне всё приемлю –
Хорошо-то как... до слёз!

Трубы весело дымятся,
Золотятся купола.
Ждёт меня родная Мяска.
Ждут хорошие дела.

И бежит, бежит дорога,
Жаль, что я не на санях.
Это всё, поверьте, много.
Много значит для меня.

Вот она минута счастья
Возвращения домой.
Запах снега, запах счастья –
Это всё навек со мной.

Свято верю в озаренье,
Под весенний перезвон
Еду я в свою деревню,
Сердцу милый отчий дом.

* * *

Завтра снова уеду в деревню...
Перво-наперво печь протоплю.
В палисадике матушку-землю
Под тюльпанами пошевелю.

Подожду прошлогодние листья,
Горький дым с упоением вдохну.
Из колодца студёной и чистой
Самой вкусной воды зачерпну.

Перемою всё в доме, начищу,
И подснежников нежный букет
Принесу и украшу жилище,
И сварю в русской печке обед.

Хоть и знаю, что люди иначе
И счастливее трижды живут.
Только я без деревни не значу...
Прикипела всем сердцем я тут.

МЕТЕЛЬ В АПРЕЛЕ

Откуда, метель, ты примчалась
В апреле среди бела дня?
Спросила бы что ли в начале:
«Нужна ты, иль нет?» — у меня.

Зачем мимоходом вспугнула
Душевный настрой на весну?
Зачем мне опять намекнула
На возраст мой и седину?

Зачем, ну скажи мне на милость,
Лишила ты сердце тепла?
Откуда ты, право, явилась?
Тебя я совсем не ждала.

ПОСЛЕ БУРИ

Завтра снова в дальнюю дорогу...
Одиноко в кухне посижу.
Всё как есть всевидящему Богу
Без утайки сердцем расскажу.

Я живу давно без вдохновенья,
Примираясь с горечью потерь.
Догорают дней моих поленья,
От беды закрыта сердца дверь.

На столе тоскующая лампа...
За стеклом пугливый огонёк,
То замрёт, то вспыхивая ярко,
Обгорелый, меркнет, фитилёк.

Тишина... ни звука в тьме крошечной,
Хоть бы свет рассыпала луна!
Много лет жила я в мире грешном,
И хмельного выпила вина...

А теперь одна вина осталась...
Не опишешь долюшку в стихах,
То пьянит воспоминаний сладость,
То горчит рябиной на устах.

Размечталась, глупая, о чуде...
Стихла буря, за окном ни зги.
В голубом с каёмочкою блюде
От тоски завяли васильки.

Завтра снова в дальнюю дорогу.
На часок прилечь бы, да вздремнуть.
Ночь пройдёт, а утром понемногу
Соберусь и в светлый выйду путь.

Новикова Татьяна Евгеньевна. Родилась в д. Жарки Череповецкого района. Живёт в Череповце. Образование высшее педагогическое. Стихи пишет с 2012 года, басни – с ноября 2015 г. Печаталась в журналах «Северная окраина», «Автограф», коллективном сборнике «Огни». Автор поэтических сборников «Ожидание!» – 2014 год, «Быть ребёнком – хорошо!» Лауреат поэтического турнира «Королева поэтов» – 2016 год».

Татьяна НОВИКОВА

Я вернулась, пройдя немало

Я ВЕРНУЛАСЬ...

Я вернулась, пройдя немало
Километров, и лет, и бед...
Деревушка – моё начало,
Как отсюда хотелось «в свет»!

В шумный город – от мамы строгой,
В мир придуманный – налегке!
Только в памяти та дорога,
Что бежала со мной к реке...

Не казался в семнадцать раем
Деревенский, неспешный ритм.
Где тропинки? Да знаю, знаю –
Нынче некому их торить...

Я вернулась сюда не прежней,
И сейчас мне милей вдвойне
Речки-скромницы говор нежный,
Лес в чарующей тишине.

Мне понятней теперь и ближе
Не столиц суета сует:
Грусть берёз постаревших вижу,
Тех, что помнят и мой рассвет.

Стон травы утомлённой слышу
В нестерпимый, палящий зной.
Вот прохлады ночная дышит,
Тихо нежится дождь грибной...

Пусть сегодня не ярче звёзды,
Чем тогда, не беспечны дни –
Я вернулась. Свой мир надёжный
Я умею теперь ценить...

ОН ЗАЩИЩАЛ СВОИ БЕРЁЗЫ...

Не рассуждают на войне,
Там — подчиняются приказам.
А он хотел всего сильней —
Из пулемёта... всех чтоб разом

Прикончить нелюдей, врагов,
Опять поднявшихся в атаку
За высоту. Бежать готов —
Сейчас, немедленно, с немцем в драку!

Вот танки вверх ползут рыча,
А следом, сколько видно взору,
Фашисты, словно саранча,
Упрямо, нагло лезут в гору.

Лавина эта смерть несла,
Несла всему живому лихо...
А вот под гусеницей зла
Берёзка юная затихла...

В секунду посерев лицом,
Боец, как поражённый громом,
Застыл: «Такую же... с отцом
Я... до войны... сажал у дома!»

Нахлынула такая злость
Ко всем захватчикам, бандитам,
Что сердце в бешенстве зашлось:
«Ну, подходите, подходите!

Вот вам подарок от меня,
Чтобы ни дна вам, ни покрышки!»
Суровым языком огня
Заговорил солдат-парнишка.

Стрелял с горячностью юнца
Нетерпеливо, зло и хлётко:
«Вот это, гады, — за отца!
А вот добавка — за берёзку!»

Он никогда так не орал,
Он не был никогда речистым:
«Я вашу землю не топтал,
Но и моя — не для фашистов!

А это — за друзей моих:
За Витьку, за Илью, за Гришу!
За... за...» И не договорив,
Сполз на траву. Он не услышал,
Как очень тихо стало вдруг,
Как, от бессилия сутулясь,
За плечи тряс Серёга-друг:
«Вставай! Атака захлебнулась!»

Не встанет. Не его вина,
Что над землёй бывают грозы.
Так вышло: к нам пришла война.
Он защищал свои берёзы...

УЧЁНЫЙ ОСЁЛ

Басня

«Я докажу, что я не глуп,
В том документ представлю скоро!»
Осёл помчался в институт,
Основа платная — в котором.

«Плати скорей, ослиный сын!
Не лень — грызи гранит науки,
А лень — гуляй. Итог один:
Дипломов хватит всем по штуке!»

Осёл резвился от души.
Он уяснил одно, похоже:
Коль вносишь вовремя гроши —
Вопросов нет. И быть не может!

И точно: в срок и без проблем
Документ выписали маги.
Не их печаль, что видно всем —
Осёл умён лишь на бумаге...

За «высшим» рвутся с той поры
Ослы иные — толстосумы,
Чтоб без напряга головы
Пролетзь, по крайней мере, в Думу.

ЛИСА – СЛУЖАНКА

Басня

Хоть хитрецов немало есть
В глаза хвалить, в сторонке — хаять,
Им не мешало бы учесть:
Двуличность боком вылезает...

Когда-то много лет назад
Лиса служила у Тигрицы.
При ней блюла себя. Пусть злится,
Но на словах Хозяйка — клад:

«Молва лесная не соврёт —
Умна ты, барыня, на диво!
Ты хороша, ты не спесива!»
И льёт Лисица лесть как мёд.

Но стоит морду отвернуть —
Ну Госпожу хулить безмерно:
Уж та и сплетница, и стерва,
Каких весь свет не видел: «Жуть!»

«А ты слыхала ли, кума,
Какая дрянь моя хозяйка?
Тупа. Страшилище. Зазнайка!
И Тигру, знаю, не верна!»

И так вошла Лисица в раж,
Меняя с лёгкостью обличье,
Что захватить её с поличным
Смогла Тигрица. Слышит раз:

«У кошки драной, видит Бог,
Ко мне всегда одни придирки!»
Тигрица хватъ Лису за шкуру
И, чуть живую, — за порог...

СВИНКА-СЕКРЕТАРША

Басня

У добродушного Слона
Служила Свинка в секретаршах.
Глупа была, но не дурна,
А как питала страсть к подаркам!

Кто ни придёт – все перед ней
Робеют будто: птицы, звери.
«Пусти к Начальнику скорей!»
И – бац – презентик полной мерой!

«Весь бизнес держится на мне! –
Взбрело на ум ей. – Слон – тупица!»
В слононье кресло в каждом сне
Она хозяйкою садится.

А тут и помощь от «друзей»,
Давно точивших зуб на Босса:
Им – информацию, а ей –
Карьера сразу, без вопросов.

Взаимовыгодный обмен!
Свинья полезла вон из шкуры
В надежде скорых перемен.
А оказалось – просто сдуру.

Слона свалили. Что ж теперь
Свинья ревья ревёт от горя?
Да указали ей на дверь.
Хозяин – Тигр. С ним трудно спорить...

КРОТ-АРТИСТ

Басня

Крот молодой, решивши вдруг,
Что он Артист, к тому же – Гений,
Всем объявил о том вокруг:
«Да я рождён блистать на сцене!»

Родня пыталась вразумить:
«Учи – всему учиться надо!»
Ему ж сейчас – ни жить, ни быть –
Поддай признание и награды:

«Я обойдусь без ваших книг,
Задач дурацких и примеров.
С моим талантом и без них
В два счёта сделаю карьеру!»

У хвастовства границы нет,
Крот в планах рвётся в поднебесье –
Он покорит весь белый свет!
На деле ж – ноль, ну хоть ты тресни...

В стремленье к славе нет вреда.
Одно лишь помнить надо свято,
Что без усилий – никуда.
Одних амбиций маловато...

ХОМЯК-ДЕПУТАТ

Басня

Досталось «кресло» Хомяку
За обещанье жизни лучшей
Для всех зверей. Но на Верху
Об этом даже думать скучно.

Благих намерений зерно
Зачахло в нём буквально сразу.
Да вот беда — народ лесной
Ждёт исполнения наказов!

Зайчиха требует жильё,
Как подобает по закону.
Лис ноет — он путёвку ждёт,
Чтоб подлечиться. Кролик стонет:

«А мне б халупу залатать...»
Хомяк в ответ шипит народу:
«Подумать только — эка Знать,
Без меры клянчить взяли моду!

То им дорогу подавай, —
Всем кочки, видите ль, мешают.
Ну, не резиновый ведь рай —
Кому-то надо жить и с краю!

И как бы я вам всем помог?!
На всё про всё — даются крохи!
Себе же ловко, под шумок,
Особнячок сумел отгрохать.

Плюс кое-что по пустякам
Для Хомячихи взял, для деток...
А недовольным «ходакам»
Ответил искренне, со смехом:

«Я и сейчас горой за вас!
Но, что поделаешь, — лимиты.
В конце концов вам Бог подаст!
Когда? У Бога и спросите...»

Валентина Горушкина. Член литературного объединения Череповца. Стихи печатались в сборниках «Северная окраина», «Луч», «Огни». Призёр городских и областных поэтических конкурсов. Лауреат литературной премии имени Л. Беляева.

Валентина ГОРУШКИНА

Прходят чередою имена

ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ

Первый дождь! Не дождь, а ливень!
Темнота — как будто ночью!
Ворох туч лохмат и дивен —
Льёт, долбит, колотит, мочит!

Ветер косы дождевые
Треплет властною рукою,
Словно вырвался впервые
Из небесного покоя!

Миг — и вспышка яркой искрой
Озарила снег осевший,
А за ней — спешащий, быстрый
Грохот, резво прогремевший!

Пруд надулся, как стеклянный,
Струям звонким тихо внемлет.
Бьют по снегу капли рьяно,
Будят дремлющую землю!

ВЕЗИ МЕНЯ ТАКСИ

Маршрутное такси
Оранжевого цвета!
Вези меня, вези
В оранжевое лето,

Туда, где васильки
Тиши лазурной внемлют,
Где в заводи реки
Кувшинки тихо дремлют,

Где золото песка
Пьянящей негой манит,
Где воздух, как мускат,
Усталый ум дурманит!

Там россыпи росы
С заката до рассвета...
Не тормози, такси
Я обожаю лето!

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ВОСКРЕСЕНСКОМ ПРОСПЕКТЕ

Как светел Воскресенский в час звезды!
Здесь каждый дом — истории страница.
Здесь дремлют меж столетьями мосты.
Здесь между явью и былым граница.

Здесь всё воздушно, мирно и легко,
Гераней нежный цвет на окнах низких.
Здесь близкое — как будто далеко,
А прошлое — необычайно близко.

По каменному кружеву домов
Немые тени тихо проплывают,
И сумерек таинственный покров
Нам прошлого картины открывает.

Проходят чередой имена:
Милютин, Афанасий, Феодосий.
Наверно, жизнь им долгая дана,
Коль их теперь всё чаще произносим.

Гальские, Верещагины, Рубцов
В историю вписались величаво.
И Северянин, и Годовиков...
А скольких ждёт ещё минута славы!

Кто вознесёт тебя, Череповец?
Кому стоять в веках на пьедестале?
Ты — юн душою, а судьбой — мудрец,
Храни себя, храни, столица стали!

БЕРЁЗЫ В АВГУСТЕ

Берёзы в августе, как женщины, которым
Уже за сорок.
Совсем не так шуршат у вечера в объятьях
Шелка их платьев.
Не те слова теперь им шепчет на рассвете
Проказник-ветер.
Другой ковёр им стелет под ноги природа
На склоне года.
Хоть строен стан их, но уже не так игривы
Их кудри-гривы.
И ярким золотом блещут на их наряде
Седые пряди.

ГЕОРГИНЫ

Мы с тобой — георгины в осеннем саду,
Молчаливо нежны, деликатно жеманны
И, от холода пряча свою красоту,
Избирательно и милосердно желанны.

Нам бы только тепла и покоя чуть-чуть,
Чтоб последними песнями птиц насладиться.
Нет! Гармонией красок рвануться к лучу
И пьянящую солнечной негой напиться!

Мы над всеми стоим, грациозно мудры,
С высоты своих шляп на пространство взирая,
Искромётно свежи и крепки до поры,
Что на нас неизбежно, как рок, наступает.

Мы с тобой — георгины в осеннем саду,
Скоротечно пышны и стыдливо ранимы,
И до первых морозов, несущих беду,
Словно данность судьбы, небесами хранимы.

ПРЕДОСЕННЕЕ

Как короток лета миг!
Уже замолчал кузнецик.
Вот-вот журавлиный крик
Ударит тоской человечей.

Прижмутся друг к дружке цветы,
От холода ёжась ночного,
Ажурного клёна листы
Траву пожелтевшую тронут.

Под окнами розовый куст
От сырости занедужит.
Лишь сладкой брусники вкус
Согреет озябшую душу.

МАЛЕНЬКИЙ МОЙ МИРОК

Маленький мой мирок,
Мне лишь одной понятный!
После крутых дорог
Здесь отдохнуть приятно.

Маленький мой мирок,
Мне лишь одной доступный,
Стал посреди тревог
Крепостью неприступной.

Маленький мой мирок,
Мне лишь одной известный!
Здесь отголоски строк
Тихо плывут из бездны.

Маленький мой мирок,
Где торжествует лира,
Дай мне простой урок
Счастья, любви и мира!

ВЕРНОСТЬ

Ты согрел меня тёмной ночью,
Успокоил своим дыханьем,
Снов счастливых мне напроорочил
И поднялся с рассветом ранним.

Походил, постоял у двери
И устроился в кресле старом.
Как ты мне бесконечно верен,
Мой пушистый серый котяра!

ПРОШЛОГОДНЕЕ

Съела прошлогодний винегрет,
Пиццу прошлогоднюю, салат. . .
Странного, поверьте, в этом нет —
Год начался два часа назад!

Лишь сегодня это нам дано:
Съесть десяток прошлогодних слив,
Выпить прошлогоднее вино,
Прошлогодним тортом закусив.

Крикнуть году новому «ура»,
Пожелать приятных новостей,
А потом до самого утра
Прошлогодних провожать гостей!

А ЖЕНЩИНА СПАЛА КРАСИВО

А женщина спала красиво.
Дремал на светлой блузке локон.
Осенний дождь стучал лениво
По мостовой по стёклам окон.

Неслись машины, что есть силы,
Спешил народ в своих заботах. . .
А женщина спала красиво.
В автобусе. После работы.

Проза

Королева Альбина родилась в городе Череповце 6 февраля 1963 года. Стихи начала писать с 8 лет. Автор нескольких сборников стихов для взрослых и детей, книги сказок «Чудесные превращения» и методической книги по патриотическому воспитанию молодежи «Малая родина». Член Вологодского Союза писателей-краеведов, секретарь череповецкого отделения Союза. Член редколлегии краеведческого альманаха «Люди и дела».

Альбина КОРОЛЕВА

РАССКАЗ О ТОМ, КАК МАЛЕНЬКАЯ РОЗОВАЯ СУМОЧКА ПОДРУЖИЛА ДВУХ ДЕВОЧЕК

Света Ковалёва стояла на остановке, держа маму за руку. Трамвай № 22 задерживался, а до отправления поезда оставалось немногим более получаса. Мама заметно нервничала, Света тоже. Девочке надоело держать в руке пакеты с игрушками и маленькую дамскую детскую сумочку розового цвета с белыми вертикальными полосками. Она положила вещи на скамейку. Через некоторое время подошёл долгожданный трамвай, Света быстро схватила пакеты. Про сумочку она даже не вспомнила. А вспомнила о ней только тогда, когда проехала несколько остановок в сторону Московского вокзала. Детская сумочка осталась лежать на скамейке. Света загрустила.

Уже в поезде, заметив, что дочь чем-то расстроена, мама Галя спросила

— Что случилось? Я что-то пропустила? Расскажи.

— Мама, я забыла свою любимую сумочку на остановке. Подошёл трамвай, я заторопилась, пакеты взяла, а сумочку...

— Ну, что ж поделаешь, — сказала мама Галя, — с любимым может случиться такое. Я тебя за потерю ругать не буду.

Мама не понимала, что Света расстроена потому, что жалела о потере, а не потому, что боялась наказания за рассеянность.

Тем временем новые люди приходили на остановку. Оставленную детскую сумочку увидят, улыбнутся каждый о своём, и не трогают её. Начал накрапывать небольшой дождь. К остановке подъехал трамвай и забрал с собой всех пассажиров. Буквально несколько се-

кунд не хватило одному седовласому мужчине высокого роста, чтобы вовремя добежать до трамвая. Он остался ждать следующего. Присел на скамью и заметил рядом лежащую дамскую сумочку.

— Сдам её в Бюро находок, — подумал первоначально.

А потом поразмыслил:

— Кому она там нужна? Видно же, что сумка недорогая, клеёная. Никто её искать не будет. Отнесу лучше внучке Анне, пусть поиграет. Сумка почти новая. Да, так и сделаю.

Подожёл трамвай № 22 и мужчина, прыгнув в него, захватил с собой розовую сумочку.

На улице Косыгина в доме № 35 на втором этаже раздался пронзительный звонок. Девочка Аня побежала открывать дверь.

— Дедуля, родной мой, — закричала внучка, увидев в дверях дедушку Ваню. Тот протянул внучке детскую сумочку.

— Это подарок мне? — спросила Аня деда.

И тут Иван Андреевич рассказал девочке всю правду. Внучка долго молчала, наморщив лоб, а потом изрекла:

— Нет, дедуля, мне чужая вещь не нужна. Давай посмотрим, что есть в сумочке, может какая-нибудь квитанция с адресом владелицы? Иван Андреевич в очередной раз поразился находчивости внучки.

— А мне даже в голову не пришла такая мысль, — подумал он.

Аня извлекла из кармашков сумочки всё содержимое: несколько фантиков от ирисок, календарик, этикетку от футболки и свёрнутый в четыре раза листочек, на котором было написано: «Меня зовут Света, фамилия Ковалёва, мне 8 лет. Я живу в городе Череповце Вологодской области. . . » И далее шёл подробный адрес владелицы сумочки. Девочка облегчённо вздохнула, а дед с восхищением и любовью посмотрел на внучку.

На следующий день Анна Смирнова торжественно отпустила в почтовый ящик письмо, адресованное неизвестной девочке Свете. В письме было сказано следующее: *«Здравствуй, Света! Так получилось, что твоя сумочка розового цвета, которую ты, возможно, оставила на остановке Невского проспекта, попала ко мне. Как только у моей мамы будет свободное время, мы сходим на почту и вышлем тебе сумочку бандеролью. Если захочешь написать мне, я буду рада. Возможно, в будущем мы станем подружками, ведь я тоже учусь во втором классе. Аня Смирнова».*

Все дни, что Света вернулась домой после поездки в Ленинград, она вспоминала о потере. Бывает такое, что какая-то вещь становится тебе особенно дорога.

И тут неожиданно приходит письмо из Ленинграда, адресованное ей, от незнакомой девочки Ани. После прочтения послания, Света ответила:

«Добрый день, дорогая Аня! Спасибо тебе за участие. Ты можешь оставить сумочку себе, ведь бандероль стоит денег, а мы с тобой ещё не зарабатываем. Мне неловко. И ещё...

Наш город Череповец не такой знаменитый, как Ленинград, и всё же мы с мамой решили пригласить тебя с родителями к нам в гости на зимние каникулы. Поверь, у нас тоже есть на что посмотреть. Аня, мне очень хочется с тобой дружить. Жду ответ с нетерпением. Света Ковалёва».

Через несколько дней пришла на адрес Ковалёвых бандероль, в которой лежала розовая сумочка и пакетик со столичными конфетами.

Долгие годы две подружки Света и Аня зимними и весенними школьными каникулами встречались то в Ленинграде, то в Череповце. Первоначально они приезжали в гости с мамой, а когда подросли — самостоятельно. Каждый раз, прощаясь, обе горько плакали, настолько тяжело было расставание. В своём городе они не смогли найти для себя такую родственную душу. В «Питере» (так в народе называли Ленинград) подружки посещали различные музеи, ходили на выставки, в театры. Свете стало казаться, что она знает северную столицу не хуже, чем свой родной город.

Когда Аня приезжала в Череповец, девочки ходили на стадион Металлург кататься на коньках, мчались с горки на санках, катались на лыжах, бродили по городу.

Когда Света окончила школу, поступила учиться в Ленинград. Тогда у подружек начался счастливый период — было больше возможностей быть рядом. По окончании вуза Света вернулась домой. Она была уверена: малая родина «тянет» к себе всю жизнь, это самое дорогое место у человека, и потому надо жить там, где ты родился. Аня уважала выбор подружки.

Годы шли...

Однажды поздним осенним вечером одна маленькая девочка спросила у бабушки:

— Бабуля, а скажи честно, бывает дружба на всю жизнь прямо с детства?

— Конечно, — сказала бабушка Света.

И рассказала эту правдивую историю, которая приключилась с ней сорок лет назад в северной столице России городе Ленинграде, ныне называемым Санкт-Петербургом. Внучка выслушала и говорит:

— Так вот почему ты никогда не давала мне поиграть твоей розовой сумочкой.

— Да, — ответила бабушка Света. Моей подружки Ани уже нет в живых, а сумочка напоминает о ней.

РАДУГА-ДУГА

Одной маленькой девочке мама подарила небольшую коробочку красок. Мама надеялась, что дочка станет рисовать не фломастерами, а красками. Девочка довольно равнодушно посмотрела на коробочку и убрала её в шкафчик. Ей больше нравились фломастеры, с ними она легко справлялась. А тут надо водичку брать, кисточку макать. В общем, канитель одна, да и только.

Годы летели быстро. Девочка росла и совсем забыла про коробочку с красками. А тем временем краски жили в тёмной коробочке одиноко и скучно, только маленькая полоска света изредка проникала в их жилище. Да и то только тогда, когда мама девочки открывала дверцу шкафа, чтобы достать с полочки какую-либо безделицу. С годами, без дела краски стали стареть и засыхать.

Но однажды с ними произошло самое настоящее Чудо. К ним неожиданно явилась Фея Преображение! Да, да, та самая: яркая, свежая, вкусно пахнущая. Фея спросила: «Дорогие мои! Вам, наверно, скучно и трудно живётся в этой тёмной и тесной коробочке?» «Да», — закивали краски совсем слабыми головами. «А хотите, — сказала Фея Преображение, — я поручу вам самое настоящее дело?». «Конечно, — уже с радостью ответили краски, — очень хотим. Мы так устали от ничегонеделания». «Ну, тогда внимательно выслушайте меня и не перебивайте, друзья мои», — строго, но очень доброжелательно произнесла гостя. «Сейчас я превращу вас в волшебные краски. Вы поднимитесь на небо и нарисуете каждая свою яркую полоску. Люди настолько устали видеть небо однообразным: голубое с белыми кружочками и прожилками. Вы раскрасите небо в разные цвета. Сколько вас тут? Семь. Отлично. Семь цветных полосок. Вас хватит ровно на то, чтобы нарисовать в небе соцветие красок». Всё было понятно краскам. Они не стали задавать Фее Преображение дополнительных вопросов, а стали ждать момента, когда она взмахнёт своей палочкой и сделает их волшебными. Когда волнующий момент наступил, все семь красок: красная, оранжевая, жёлтая, зелёная, голубая, синяя и фиолетовая отправились на небо писать свои полоски. У них не было линейки, и линии получились не прямые, а согнутые.

Только краски закончили своё дело, пошёл лёгкий летний грибной дождь. Люди, которые хотели убежать в укрытие и спрятаться от дождя, неожиданно увидели на небе семь цветных полосок. Кто-то из детей вдруг крикнул «Радуга. Это радуга-дуга!». И все люди заулыбались.

С тех самых пор прошло очень много лет, но ничего не изменилось. Когда на небе после дождя появляется Радуга-дуга, то добрые люди, увидев её, улыбаются, прыгают по лужам и громко смеются.

Это они, маленькие краски, преобразили жизнь людей на планете Земля.

СЕСТРИЧКИ

Розовая пяточка родилась ранним майским утром. И сразу же её поразило обилие яркого света, обилие всяких запахов: приятных и не очень. Но напрасно пяточка радовалась свету. Через какое-то время стало совсем темно. И эта темнота длилась долгое время.

Потом вдруг Розовая Пяточка увидела свет: яркий, манящий. Чьи-то руки взяли Пяточку и отпустили её в тёплую водичку и стали мыть. О, какое это блаженство: мыться в прозрачной, тёплой водичке.

Розовую Пяточку купали раз в день, потом заворачивали в мохнатое, пушистое полотенце и укладывали спать. Какие это были замечательные времена! Быстро летели дни и месяцы. И вот Розовой Пяточке исполнился год. Всё это время она видела рядом с собой ещё одно розовое создание. Когда она научилась говорить, то спросила у этого розового комочка: «Кто ты? Почему всегда находишься рядом со мной, где бы я ни была?» «Я Розовая Пяточка – твоя сестра», – услышала Пяточка в ответ. Ну и ну! Теперь Розовых Пяточек стало двое. Вот как здорово!

Просыпаясь утром, сёстры рассказывали друг дружке свои сны, разгадывали их. Жилось им хорошо: они могли попрыгать, побегать, постучать об пол. Но прошли годы. Розовые Пяточки подросли. Мыть их стали реже, только два раза в неделю. А спустя какое-то время, их хозяйка девочка мыла их раз в две недели. И Розовые Пяточки стали не розовыми, а чёрными. Сёстры решили проучить хозяйку.

Однажды ночью они дождались, когда в доме все уснули. Встали. Потихоньку вышли за дверь, затем пробежали по коридору на крыльцо, от крыльца к калитке и выбежали на улицу. Рядом был лес. Розовые Пяточки побежали туда. Они очень обиделись на девочку, которая так редко их мыла, и потому они стали такие некрасивые.

На лесной тропинке Розовые Пяточки увидели старую рваную калошу. Они залезли в калошу, прижались к друг дружке и уснули. Наутро, проснувшись, Пяточки первым делом решили побегать и сделать зарядку, чтобы немного согреться. За ночь они сильно замёрзли. После того, как Пяточки сделали гимнастику, они забрались в калошу, и чтобы было не скучно, рассказывали смешные истории. И тут Розовые Пяточки услышали плач. Вот он всё ближе и ближе. Вот уже совсем рядом кто-то плачет. «Кто это?» – подумали Пяточки и решили выйти из калоши и посмотреть, кто там плачет. Когда они оказались на земле, то увидели девочку, свою хозяйку. Девочка сразу перестала плакать. Она взяла на руки Розовые Пяточки и сказала им: «Я обещаю вам, что буду купать вас каждый день. Вы опять станете самыми красивыми, розовыми, какими родились».

Розовые Пяточки поверили девочке и вернулись к ней жить.

Говорят, что девочка своё слово держит.

СКАЗКА ПРО МАЛЕНЬКИЙ ТЕЛЕВИЗОР, КОТОРЫЙ МЕЧТАЛ СТАТЬ БОЛЬШИМ

Водной семье жили два телевизора: один прописался в комнате у хозяина и хозяйки, второй — в спальне их дочери Насти. Телевизор, который смотрели мама и папа, был большим, широкоформатным с плоским экраном. У Насти же стоял Маленький Телевизор с выпуклым экраном. Девочка по вечерам пыталась задержаться в комнате родителей, чтобы подольше насладиться каким-нибудь фильмом, но строгие предки отправляли дочь спать. Настя нехотя шла в свою комнату и там смотрела уже на своём Телевизоре передачу «Спокойной ночи малыши». Хотя девочка и училась во втором классе, к «малышам» себя она не относила, но чего греха таить — эту передачу очень любила. Каждый раз, когда Настя выключала Маленький Телевизор, она произносила фразу: «Вот бы ты вырос и стал таким же большим, как телевизор, который в комнате у папы и мамы». Маленький Телевизор вздрагивал от этих обидных слов, опускал глаза вниз, и сильно-сильно расстраивался: он был не в силах что-то изменить в своей жизни.

Однажды ночью, когда девочка видела уже пятый или шестой сон по счёту, в комнату влетела Фея Ночи. Она была одета в тёмно синее платье с яркими маленькими звёздочками, в чёрные туфли и чёрные чулки. На голове у Феи был одет синий колпак, а в руке она держала длинную трость с полумесяцем на конце. Фея Ночи подошла к Маленькому Телевизору, заглянула в его грустные глаза и спросила «Ты, действительно, хочешь вырасти до больших размеров?» «Да», — тихо ответил Маленький Телевизор. «Я не слышу», — сказала Фея. «Да», — уже громче повторил Телевизор. «Тогда слушай меня внимательно», — промолвила Фея. С завтрашнего дня ты отключишь все программы, в которых показывают насилие, несправедливость, злость и сребролюбие. Ты станешь показывать своей маленькой хозяйке только хорошие, умные, содержательные передачи, нравственные фильмы. У тебя будут работать только три канала: «Канал Культура», «Канал Полезной Информации для детей» и «Русский канал детских фильмов и мультфильмов». И поверь мне, через несколько лет изменишься не только ты, но и твоя хозяйка. Удачи». И Фея скрылась в ночи...

Прошло четыре года. Маленький Телевизор сделал всё, чему научила его Фея Ночи. С годами он стал замечать, что его хозяйка — девочка Настя, стала вежливее, выдержаннее, добрее, внимательнее к людям.

Однажды утром, Настя, проснувшись, увидела у себя в спальне не просто большой, а огромный телевизор. «Ура», — закричала девочка и побежала в родительскую комнату. «Мама, папа, спасибо вам за новый Огромный Телевизор, который вы мне купили», — закричала от радости Настя. Родители ещё толком не проснулись, но услышав крик дочери, недоуменно посмотрели друг на друга: «Мы ничего не покупали». «Как же? — сказала девочка, — пойдёмте в мою комнату, посмотрите сами, какой Огромный Телевизор стоит на моём столе». Родители вместе с девочкой с удивлением взирали на новый телевизор. Они ничего не понимали.

Если долго-долго творить Добро, то может произойти самое настоящее Чудо. Главное Верить и Творить Радость, Верить и Творить Добро.

РЫЖАЯ БОРОДА

Притча-сказка

Жили-были старик со старухой в небольшой хижине у моря. Старик невысокого роста, ладно сложенный, коренастый, волосы у него были густые, рыжие, глаза голубые, низко посаженные брови, от чего всегда казалось, что старик чем-то недоволен. Но это только казалось. На самом деле человек он был добрый и скромный, ни с кем никогда не ругался, не конфликтовал. Старуха его была повыше сантиметров на десять, среднего роста, поджарая, ходила всегда с высоко поднятой головой и прямыми плечами, будто коромысло несёт с водой. Волосы у неё были чёрные, прямые, всегда туго забранные в пучок. От чего она казалась немного строгой и целеустремлённой. Цель у старухи была одна: ей хотелось вырастить порядочных детей, «чтобы не хуже других были». Жили старики дружно, мирно, не спорили. Да и о чем им было спорить? Вырастили пятерых детей: четырёх сыновей да доченьку. Разъехались дети по разным городам страны. Обзавелись семьями, да и поживали себе справно, без особых бед и горестей. Старики были довольны своими детьми. «Хоть дети звёзд с неба не хватают, — думалось, — но в семьях лад, внуки учатся, что ещё для счастья нужно?».

Как-то простудилась сильно старуха, занемогла, слегла и умерла в скорости. Детушки на похороны приехали, поплакали и обещали отцу не забывать его, хоть раз в год, да приезжать проведывать. Разъехались дети по домам, а старик заскучал, загрустил. Вдвоём со старушкой было уютно и тепло в хижине, а одному грустно и холодно. Прошло полгода, и шлёт дед письма своим детушкам, дескать, приезжайте кровные в отпуск ко мне с внучатами. Летом внуки в морекупаются, ветра свежего глотнут, да и вольностью немного подышат.

Прилетели ответы голубками долгожданными, да только вести невесёлые в них были. Одному сыну надо ребёнка к школе подготовить, в первый класс идёт, у другого дочь поступает в московский вуз. И так у каждого нашлась причина отложить поездку к отцу. И решил тогда старик отрастить бороду: «Вот как только кто-то из детей ко мне приедет, тогда и побреюсь и срежу бороду, а пока пусть себе растёт».

Наступила следующая весна, опять шлёт старик письма своим детушкам и ждёт ответной весточки. Да только опять не порадовали его сыновья и доченька. Дел у них в городе полно, не до отпусков, жизнь сложная, много работать надо, чтобы зарабатывать и не бедствовать.

А рыжая борода тем временем растёт себе, растёт...

Несколько лет подряд пытался старик назвать детушек в родной дом, да всё тщетно...

Прошло пятнадцать лет. Старик уже стал совсем немощный от грусти, от боли, от старости. Не надеялся он увидеть своих чад и перестал им письма писать, да и они не спешили

ли. А борода выросла настолько, что когда старик передвигался по дому, кончик бороды он поднимал с пола. Всё реже и реже он посещал присутственные места в деревне, которая находилась в километре от его хижины. Люди стали поговаривать, что наверно старик заболел, что совсем его тоска одолела. Однажды лёг старик спать, и приснилась ему его бабка: стоит молодая на берегу моря в коротком платьице, ну совсем такая, с какой он впервые встретился, и зовёт его купаться в море. Сама поплыла и его манит. Пошёл старик к бабке и вместе они поплыли на глубину...

Несколько дней уже не приходит старик за продуктами. Заволновались жители деревни, и пошли к нему в хижину. Лежал старик на кровати, укрывшись одеялом по самый кончик носа.

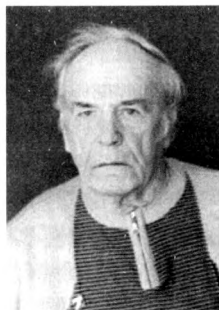
Дети приехали на похороны все: и сыновья и доченька. Плакали безудержно, винили себя в чёрствости...

Позвали парикмахера, чтобы сбрил он длинную рыжую бороду у старика. Не хоронить же с такой бородой? А ночью детям снится сон: заходит отец в хижину, смотрит на них, на спящих, качает головой, и говорит «Вот так всё и вышло, как я задумал. Коль приедет кто-то из детушек, сбрею я бороду. А вы все разом и нагрянули! Молодцы!»

Шилов Павел Иванович родился 14 мая 1939 года в селе Сменцево Ярославской области, Некоузского района. В 1962 году приехал в Череповец, работал на Металлургическом комбинате, Азотно-туковом заводе. Выпустил книгу стихов, рассказов и роман. С 2013- 2015 года, его рассказы публиковались в альманахах «Писатель года», «Наследие». В настоящее время в издательстве Ридеро.ру вышли два романа («Выстрел из вечности», «Русское авось»), повести и рассказы.

Член Российского союза писателей.

Павел ШИЛОВ

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ

Рассказ

Владимир Иванович Кузькин сидел в своём гамаке под яблоней, смотрел на деревню и мысли у него были о Чечне. Он вспоминал, как ему и его друзьям Сашке Кочеткову и Кольке Завьялову приходилось, рискуя собой, разминировать поставленные боевиками взрывные ловушки для наших ребят и командиров. Он видел озлобленные лица бандитов и невзначай скрипел зубами. И если им не удавалось что-то сделать, он очень переживал, хотя его друзья наполненные оптимизмом, просто улыбались, мол, эка невидаль — мина, если не знаешь, как её разминировать — взорви, не забивай свою голову по пустякам. И, конечно, они это делали. Может быть, поэтому друзья и остались все живы и невредимы. Только вот душевные раны от потерь наших молоденьких ребят не давали им покоя. Они видели, как гибли наши ребята, но они ничего не могли поделать. Выйдя на гражданку, они поклялись друг другу в верности и обещали на крови поддерживать друг друга, ведь жизнь очень сложная штука.

Кузькин только что своим мотоблоком вспахал большой участок земли и сейчас спокойно отдыхал от тяжких дел. В городе, где он жил и работал, у него была однокомнатная квартира. Здесь в деревне Берёзовка был дом родителей. Мать и отец уже давно вышли на пенсию, просили своего сына Вовку жениться, а он всё никак не мог подобрать себе пару. Его школьная любовь Верка Красина после окончания института вышла замуж. Он очень переживал, но со временем смирился. И когда она позвонила ему, мол, давай Вова встретимся, я по тебе скучаю, Серёга постылый муженёк мой, мне надоел до чёртиков: то в запой уйдёт, то по пустякам начнёт скандалить. Устала я, понимаешь! Не могу больше, хоть в петлю полезай.

Он пришёл к ней навстречу, но вместо одной женщины, которую он так любил, пришла

совершенно другая, хотя по облику и подобию была она — его Верка, его любовь, но мысли и чаяния были совершенно другие. Она говорила ему, дескать, хочешь, я перейду к тебе жить, ребёнка я не успела ему родить, да и желания большого не было. Верка была та и уже не та. Какая-то чужеродная нить повисла между ними, не давая им сблизиться, и понять друг друга.

— Ох, Вера, Вера. Я тебя любил такую, а ты совершенно другая, — вздохнул он при встрече, — между нами крепкая нить, порвать которую я не могу. Ты предала меня, когда я служил родине, рискуя своей жизнью. Если сейчас предала, значит, можешь и в другой раз поступить также, а мне нужна верная женщина, подруга на всю жизнь, чтобы я знал, что она меня не подведёт в любое для меня и её лихолетье, а иметь жену только для ночи, я не хочу.

— Вовка, что мне делать? Я стелюсь перед тобой. Ты меня считаешь падшей женщиной, так что ли? — рыдала она.

Но Кузькина эти слова и плач когда-то любимой женщины уже не задевали. Он, молча, тряхнув густыми русыми волосами и расправив широкие плечи и грудь, пошёл прочь. Верка пыталась за ним бежать и умолять, но поняла — бесполезно и вернулась к постылому мужу, который следил за ними из-за дерева, боясь приблизиться, ожидая тугих кулаков парня.

Сейчас Владимир Иванович лежал в гамаке и нехотя следил за дорогой, по которой двигались люди. Тут он увидел почтальонку, которая направилась к его дому. Он встал и пошел ей навстречу.

— Владимир Сергеич, — улыбнулась молодая девушка, — тебе посылка. Иди на почту, забирай. Вот извещение.

— Настя, мне вроде неоткуда посылки-то слать. Все родственники в городе, некоторые в деревне, — ответил он, и когда взглянул на поданную ему бумажку, понял, что это друзья беспокоятся о нём.

Кузькин взглянул в бездонные голубые глаза девушки, и его как будто током ударило: моя, — пронеслось в голове. Он схватил её как пушинку вместе с сумкой и понёс в дом, где в это время находились отец и мать. Девушка кричала, била его по лицу, но всё безрезультатно. Он осторожно занес её в дом и сказал:

— Папа, мама, это моя будущая жена. Скоро будем играть свадьбу. Обвенчаемся в церкви и загуляем.

— Вовка, ты что сдурел. Ей и восемнадцати, наверное, нету, — вздохнул отец.

— Вовка, ты меня спросил? — сквозь слёзы выдавила из себя девушка.

На её красных от страха щеках стояли слёзы, и вся она дрожала от негодования, что с ней мужчина поступил именно так, а не иначе.

Слово Вовка, сказанное Настей, для Кузькина было, как бальзам на израненную Веркой душу. Он подошёл к ней, заглянул в её глаза и улыбнулся ласково и тепло, и девушка потихоньку начала приходить в себя. Её губы, как бы шептали, медведь, разве так можно.

Испугал меня до полусмерти. Она чувствовала его тепло и трепет, и ей наконец-то стало приятно, что такой мужчина просит её руки и сердца. Конечно, как-то это необычно: схватил как пушинку и понёс домой.

— Я не против, — сказал отец. — Настя девушка, что надо. Пойдёт она за тебя — добро. Я обеими руками за. Не пойдёт — сердцу не прикажешь.

— Настенька, — шептали губы Кузькина, — улыбнись. Я так хочу видеть твою улыбку. Ты у меня — прелесть. Я, таких как ты, ещё не видел. Чтобы не случилось — ты моя.

— Вовка, не много ли берёшь на свою душу, ведь я тебе не сказала да, — вздохнула печально девушка. — Ты понимаешь, я ещё никого не любила, и душа моя чиста как белоснежная скатерть на столе. Хочешь обладать ею, я сомневаюсь, что у тебя что-то получится. Ты мужлан, схватил и понёс.

— Настенька, я буду ласков с тобой. Пойми. Мне без тебя нет жизни.

Она горделиво, подняв голову и сверкнув голубыми глазами, вышла из дому, а за ней, взяв паспорт, рванулся на почту и Кузькин. Он взял посылку и долго вертел её в руках, пытаясь догадаться, а что же там. Пришёл домой. Окно было открыто. Он открыл коробку, и услышал шипение.

«Мина, — пронеслось в голове, — гады. Убить меня захотели. Это видать бандиты напали на мой след». Но он не успел выбросить в окно коробку, как небольшая струйка хорошего виноградного вина ударила его в нос. Он вздрогнул, мол, что это? А потом расхохотался:

«Ах, злодеи, ах, казаки, всё-то у вас подковырки. Ну, я вам задам».

Он опустил коробку на стол и начал её бережно разбирать, потом увидел муляж мины, которой чеченские боевики уже пользовались для уничтожения людей. Быстро отсоединил провода, батарейку, которая издавала шум и приводила в движение нехитрое изобретение друзей, чтобы брызнуть в лицо струйкой вина. Вынул из коробки муляж, который под завязку был залит виноградным вином. Отвернул пробку, налил себе стакан, пригласил и отца отведать угощение друзей. А внизу коробки он нашёл письмо, в котором они сообщали: «Леший, привет! Почему не звонишь, не интересуешься нами? Что, залёг в берлогу? Мы вскоре хотим к тебе приехать, поесть лесных грибов, походить с тобой по лесу, ведь мы так любим лес. И в конце. Смотри, наша клятва скреплена на крови!»

«Ах, Колька, Ах, Сашка, и кличку мою не забыли, которой я пользовался в армии. Ну, злодеи, ну, лиходеи, а вино всё же хорошо», — подумал он и рассмеялся:

— Батя, друзья едут ко мне погостить. Я им нужен. Ох, и погуляем, а потом я успокоюсь и женюсь, к тому времени и Настенька моя созреет. И я надеюсь, она отдаст мне свою руку и сердце.

К этому времени Настя пришла домой в слезах то ли от счастья, то ли от негодования, что с ней он так поступил. Взволнованный отец спросил:

— Настя, в чём дело? Почему ты плачешь?

Дочка рассказала всё без утайки.

— Эх, Вовка, Вовка, как тебя прорвало и понесло. Ну, что ж! Доченька, может быть, это и есть счастье твоё. Молодёжь-то сейчас какая? Пьяницы, да бабники. А этот степенный мужик. Мне кажется, будешь за ним как за каменной стеной, — сказал отец. Мать, услышав их разговор, вздохнула:

— Меня бы кто в молодости вот так схватил и понёс, к отцу своему и матери, я была бы рада.

— Мама, да ты что? Он меня на одной руке нёс как пушинку. Я боюсь его, он такой сильный. — Доченька, мужик и должен быть сильным. Это ж твоя защита и опора, а как же иначе? — продолжала мать. — А вообще-то как хочешь. Можешь отказать ему, но я вижу, у тебя ничего не получится. Он мужик настырный и всё равно добьётся своего. И ты придёшь к нему и скажешь: Вова, я твоя.

Дочь, уткнувшись в свой рукав, замолчала. Слёзы вновь потекли по её щекам, но это, видимо, были уже, слёзы примирения.

А на следующий день, после получения посылки, Настя принесла телеграмму от друзей, где было написано:

«Леший, встречай, едем!

И вот он стоит у вокзала и ждёт поезда с юга. И ему кажется, что поезд запаздывает. Он нервничает, смотрит на часы своего мобильного. Но вот появился и он. Владимир Кузькин смотрит, вглядывается в лица приезжих.

— Леший, — услышал он голос Сашки Кочеткова. — Ах, голубчик, встречаешь?

Кузькин схватил его и начал крепко обнимать.

— Рёбра поломаешь, медведь лесной, — вскрикнул Сашка. — Ты ещё не женился? Мы тебя женим, и дурь-то уйдёт от тебя быстро.

Обнявшись и похохотывая, они пошли на автобусную остановку, чтобы ехать в деревню, где чистый воздух, лес и, конечно, грибы.

— Как живёшь-то, Володя? — сделав серьёзную мину лица, спросил Кочетков. — Залез в свою берлогу и ни слуху, ни духу.

— Мужики! Я, кажется, влюбился, — вздохнул протяжно Кузькин, — но девка больно молода, ей только, только восемнадцать. Наша соседка. Я как заглянул ей в глаза и пропал.

— Ты ей признался уже? — спросили друзья хором.

— Конечно. Но она заплакала и убежала домой.

— Ты, наверное, её сцапал и понёс домой к папе и маме? — спросил Александр Кочетков. Николай Завьялов всё это время молчал.

— Откуда ты знаешь, что я её сцапал, Сашка?

— Я что, тебя не знаю, — захохотал Кочетков. — Что, так и было?

— Да, так и было.

— Ох, и медведь же ты лесной! Девушка любит нежность и ласку, а ты схватил и понёс. Ну, что ж, друг наш, придётся нам с Николаем исправлять твои ошибки.

— А я что, позволю вам? Это моя девушка, поняли.

— Это, как посмотреть! Мы с Николаем разве не ухари? — улыбался Сашка.

— А это видели! — Кузькин поднял огромный, увесистый кулак, покрытый чёрной порослью волос, и захохотал. — Настоящая девушка не будет вертеть хвостом туда-сюда. Она остановится на одном. И это я. Вы же пришельцы, кто на вас взглянет.

— Ох, какой ты самоуверенный! — продолжал Кочетков, — а я вот возьму и отобью.

— Попробуй!

Так с шутками и прибаутками они пришли в деревню, и как-то невзначай им навстречу попала Настя, которая спешила на почту. Зардевшись, она поздоровалась с мужиками. И они, прямо сказать, ошарашены. Высокая, стройная с толстой русой косой через плечо, она произвела на них огромное впечатление.

— Она? — вздохнул Кочетков и зачмокал языком, — красавица. Ну, Вовка, ты орёл, такую смазливую девчонку хочешь взять себе в жёны. Пойдёт она за тебя?

— Не знаю, — потупив взор в землю, ответил Кузькин.

— Хорошо, Володя, отдохнём у тебя денька два, три, а потом пойдём тебя сватать. — Хватит дурака валять, пора и семью заводить, — сказал Кочетков.

— Я только за, — улыбнулся Кузькин.

И вот настал этот день. Хватив для храбрости немного вина, тройка друзей, приодевшись во всё лучшее, пошли сватать девушку, но она спряталась в другой комнате и не подавала признаков жизни. Мужики выставили на стол вино и богатые подарки, заговорили о том, зачем пришли. После нехитрой церемонии и словесного обмена, отец невесты спросил:

— Доченька, пойдёшь замуж за Владимира Сергеевича или нет?

В комнате была тишина. Девушка думала, потом она вышла из комнаты и выдавила из себя одно единственное слово:

— Да.

Кузькин нежно поцеловал её в щёчку и улыбнулся. Потом было хорошее застолье. Девушка тоже немного пригубила хорошего вина, и друзья, прихватив её, пошли гулять по деревне.

Вечер был тёплый и ласковый. Небо вызвездило, и яркая луна скользила по небосводу, отчего на душе у всех было тепло и радостно. А впереди было венчание и богатая свадьба. Друзья не жалели денег. Они сорили их налево и направо.

День венчания в местной церкви был назначен на воскресенье. Жених и невеста подъехали на богато убранной машине. Правда, по пути деревенские жители перекрыли им дорогу с целью выкупа. Они кричали:

– Жених, выкупай невесту! Иначе, не пустим.

Друзья Кузькина, хохоча и смеясь, откупались водкой и деньгами. А деревня уже гуляла и пела.

– Сашка, – вздохнул протяжно Кузькин, – а ведь это ваш дружеский шарж помог мне обрести своё личное счастье. Если бы не вы!..

Он не договорил, стукнул слегка по плечу Кочеткова, а затем и Завьялова, и на щеке у него появилась слезинка радости.

– Ну, ну, Леший! Успокойся. Мы же ведь друзья, – сказал прерывисто Кочетков.

– Спасибо вам, что приехали и помогли мне обрести своё счастье. Я так рад, так рад!

– Через пять лет, если будем живы, опять нагрянем к тебе, жди, – вздохнули друзья хором. – К этому времени у тебя уже должно быть не меньше трёх пацанов, таких же, как ты. Понял!..

– Как получится, но будем стараться, верно, Настя? – ответил Кузькин и глубоко ушёл в себя.

Девушка улыбнулась, но ничего не сказала.

Песенный Череповец

С. И. М. В. А. (Свой мой звезда (романс))

Наталья АБРОСИМОВА

СВЕТ ЗВЕЗДЫ МОЕЙ

(романс)

Сл. и муз. Н. Абросимовой

Гори, моя звезда, гори, не гасни.
С улыбкой уповаю на тебя.
Не будет в жизни ничего прекрасней
Того, чей свет давно горит в глазах.

Я верю, что ты путь мой освещаешь,
И силы придаёт заветный свет.
Мне кажется, ты жить мне помогаешь.
И направляешь, и даёшь совет.

Желаю всем, как можно больше счастья,
Которое приносит лишь она.
Пусть свет твоей звезды горит, не гаснет.
У каждого ведь есть одна звезда.

г. В. Алексеев У котрог моје посигле.

Руб. 100000

Муж. Г. Мухомов

A musical score for the song 'The Rose Tree'. The score is written for voice and piano. The voice part is on a single staff with a treble clef and a key signature of one sharp (F#). The piano accompaniment is on two staves, with the right hand in treble clef and the left hand in bass clef. The time signature is 4/4. The music begins with a piano introduction in the left hand, followed by the voice entry. The melody is simple and folk-like, with a repeating pattern of eighth and quarter notes. The piano accompaniment provides a harmonic foundation with chords and moving lines in both hands. The score ends with a final chord in the piano.

A handwritten musical score for the song 'The Rose Tree'. The score is written on three staves. The top staff is in treble clef, the middle staff is in treble clef, and the bottom staff is in bass clef. The key signature is one sharp (F#). The time signature is 4/4. The music is written in a simple, folk-like style. The lyrics 'The Rose Tree' are written below the bottom staff. The score is divided into measures by vertical bar lines. There are some markings above the notes, possibly indicating fingerings or ornaments. The handwriting is in ink on aged paper.

[illegible]

Handwritten musical score for 'The Rose Tree'. The score is written on three staves. The top staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a common time signature (C). The middle staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a common time signature (C). The bottom staff is in bass clef with a key signature of one sharp (F#) and a common time signature (C). The music is written in a simple, handwritten style. The first staff contains the melody, and the second and third staves contain the accompaniment. The score is divided into measures by vertical bar lines. The first staff has a repeat sign at the beginning. The second staff has a repeat sign at the beginning. The third staff has a repeat sign at the beginning. The score ends with a double bar line.

A handwritten musical score for the song "The Rose Tree". The score is written on three staves: a treble staff, a bass staff, and a guitar staff. The treble staff contains the melody, with a key signature of one sharp (F#) and a 2/4 time signature. The bass staff provides a harmonic accompaniment. The guitar staff includes chord diagrams and fret numbers (1, 2, 3, 4, 5, 7) for the left hand. The lyrics "The Rose Tree" are written below the guitar staff. The score is marked with a double bar line and a repeat sign, indicating a first ending. The piece concludes with a final chord in the guitar staff.

У КОСТРА МЫ ПОСИДИМ...

Закружилась к вечеру у костра
Вперемешку с искрами мошкара.
И повис над озером белый дым,
Был закат малиновый, стал седым.

Припев:

У костра мы посидим, посидим,
Помечтаем, помолчим, помолчим.
Подмигнёт нам озорная звезда.
Постучат в дали ночные поезда.

Знают люди, знаю я, знаешь ты,
Что сбываются любые мечты!
Стоит только в добрый час загадать
Под осенний звездопад...

Рядом ветка хрустнула в тишине.
Значит, кто-то прячется в темноте.
Пьёт росу в осиннике рыжий конь,
А звезда упала мне на ладонь.

Припев:

Мы поделим поровну, пополам
Счастье, что отпущено только нам.
Нам тепло, не холодно у костра
И светло от звёздного серебра.

Припев.:

Handwritten musical score for a piece in 7/8 time. The score is organized into three systems, each consisting of three staves (treble, alto, and bass clefs). The notation includes various musical symbols such as notes, rests, and fingerings.

System 1:

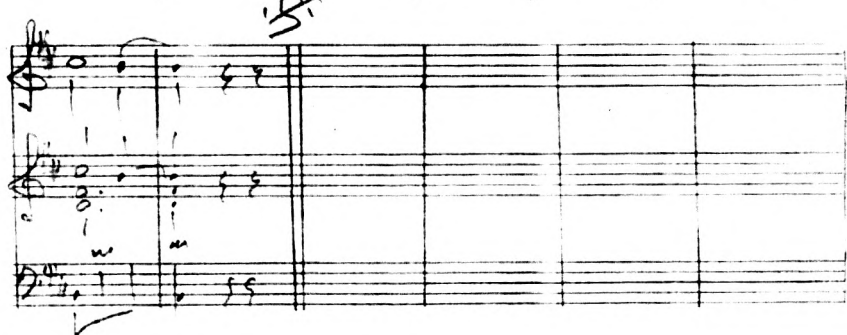
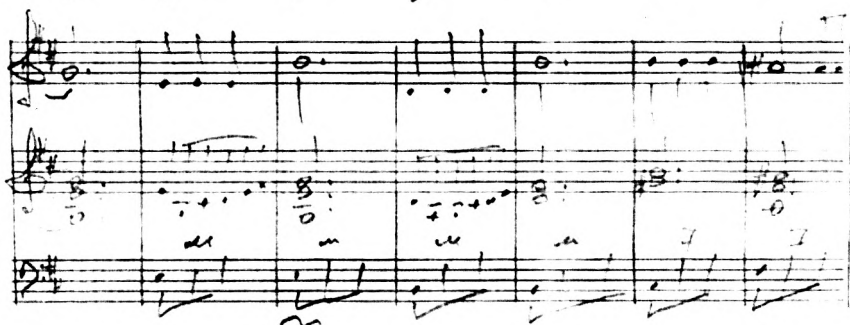
- Treble Clef:** Measures 1-6. Notes include quarter notes, half notes, and eighth notes. A slur covers measures 5 and 6.
- Alto Clef:** Measures 1-6. Notes include quarter notes, half notes, and eighth notes. A slur covers measures 5 and 6.
- Bass Clef:** Measures 1-6. Notes include quarter notes, half notes, and eighth notes. A slur covers measures 5 and 6. Fingerings 7 and 7 are indicated.

System 2:

- Treble Clef:** Measures 7-12. Notes include quarter notes, half notes, and eighth notes. A slur covers measures 11 and 12.
- Alto Clef:** Measures 7-12. Notes include quarter notes, half notes, and eighth notes. A slur covers measures 11 and 12.
- Bass Clef:** Measures 7-12. Notes include quarter notes, half notes, and eighth notes. A slur covers measures 11 and 12. Fingerings 7 and 7 are indicated.

System 3:

- Treble Clef:** Measures 13-18. Notes include quarter notes, half notes, and eighth notes. A slur covers measures 17 and 18.
- Alto Clef:** Measures 13-18. Notes include quarter notes, half notes, and eighth notes. A slur covers measures 17 and 18.
- Bass Clef:** Measures 13-18. Notes include quarter notes, half notes, and eighth notes. A slur covers measures 17 and 18. Fingerings 7 and 7 are indicated.

Владимир ЛЕЖНЕВ

В ГОРОДСКОМ ПАРКЕ

В парке качели в небо летели
В листопад.
Мы всё шутили и говорили
Невпопад.
Счастливы были, время забыли
В той игре.
Где ж наша встреча в сказочный вечер
В сентябре?

Капли дождя,
Капли дождя
Не отменили встречи.
Капли дождя
Капли дождя,
Помнят озябшие плечи.

Осень смеялась, с нами качалась
Налегке.
Ты была рядом в летнем наряде
Шарф в руке...
Дождик хороший мокрых прохожих
Обнимал...
Только качели вдаль улетели

Кончен бал...
Нет, не случится, не повторится
Чудный бал.
И не приснится в мокрых ресницах
Твой овал.
Счастье — не птица, не возвратится
Сквозь дожди.
Если качели вдаль улетели.
Жди, не жди...

Елена МАКСИМОВА

БЕЛЫЙ ХРАМ

Храму Николая Чудотворца на привокзальной площади в г. Череповец

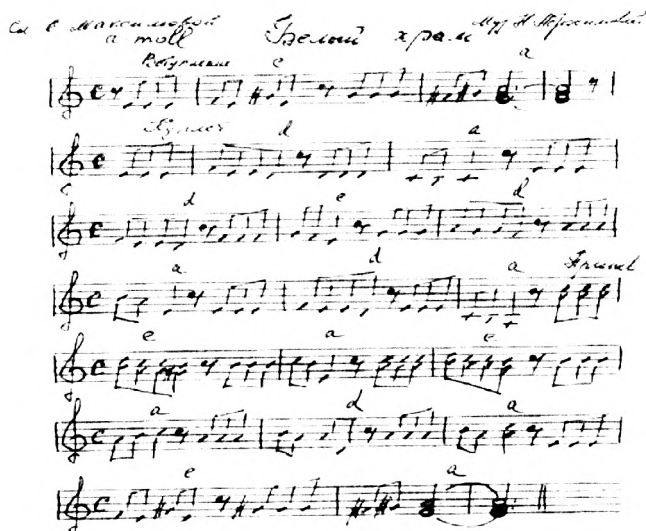
Привокзальная площадь, белый храм, поезда...
Много лет прихожу я помолиться сюда.
Пред святою иконой в тишине постою.
Перед дальней дорогой сердцем тихо спую.

Припев:

Николай Чудотворец, пожелай мне в пути
Лёгкой дальней дороги и от бед отведи.
Я обратно приеду, я вернусь в отчий дом,
И утешусь берёзой, что растёт под окном.

Привокзальная площадь, город Череповец,
Милый северный город, ты второй мне отец.
В Белый храм на вокзале заглянуть поспеши,
Белый храм на вокзале- для заблудшей души.

Николай Чудотворец, пожелай мне в пути
Лёгкой дальней дороги и от бед защити.
Я обратно приеду, я вернусь в город свой,
И утешусь молитвой у иконы святой.

Память

Судьбы, опаленные войной

Людмила Цветкова

ПО СЛЕДАМ ПОДПОЛКОВНИКА ВИНОГРАДОВА

Года три назад от учителя истории Шалимовской школы Марины Александровны Пегановой я впервые услышала историю о подполковнике из Вельяминова, имя которого оказалось незаслуженно нами позабыто. Осенью 1945 года наш земляк, прошедший всю войну, вернулся в родную деревню как раз к празднику. 7 ноября односельчане отмечали Октябрьскую. Закончилась уборочная, и жители деревни собрались за общим столом в колхозной конторе. Офицер, только что прибывший домой, стал на празднике дорогим гостем. Звучали тосты за Победу, играла гармонь, люди пели, танцевали. С печи за происходящим наблюдала сельская детвора, вместе с взрослыми радуясь долгожданному миру. Но неожиданно для всех шумное веселье закончилось трагедией. Во время гулянья подполковник был убит односельчанином.

Старожилы Вельяминова хорошо помнят эту историю. Они же подсказали и имя убитого фронтовика – Иван Ильич Коровкин. Он был единственным сыном у своей матери Феодосьи. Об отце подполковника ничего неизвестно. Скорее всего, он рано умер. Феодосья Коровкина прожила долгую жизнь и скончалась в 60-х. От наших ветеранов я узнала и о том, что у Ивана Ильича была семья: жена Наталья Степановна (д. Поповское) и двое сыновей, но, со слов земляков, они давно покинули родные края, и их следы затерялись.

Очень хотелось раскрыть фронтовую биографию Ивана Ильича к 70-летию Победы, но зацепиться в истории подполковника больше было не за что. Электронные банки данных Министерства обороны РФ на мои запросы отвечали отсутствием сведений. Зато, к огромному удивлению, оказалось, что на верховском кладбище сохранилась могила фронтовика.

Долгие годы за ней ухаживали учителя и школьники местной восьмилетки, а после закрытия школы – жительница деревни Кузнецово Галина Николаевна Цветкова. Она-то и подсказала, как найти захоронение. Безымянный памятник со звездочкой находится рядом с могилами её родителей.

– Я хорошо помню Ивана Ильича, – вспоминает женщина. – Он обращал на себя внимание – красивый, высокий, активный общественник. Вместе с друзьями из Вельяминова первым вступил в комсомол.

Комсомольские ячейки в нашей местности начали появляться в конце 20-х – начале 30-х годов. Комсомольцы помогали сельским Советам строить социализм в деревне, перестраивать старую деревню на новую, менять идеологию людей. Большую работу проводили по организации колхозов, агитируя крестьян-бедняков и середняков вступать в общие хозяйства. Принимали участие комсомольцы и в раскулачивании зажиточных семей. Именно в этот период Иван Коровкин нажил себе недоброжелателей среди некоторых земляков, недовольных новыми порядками.

Чтобы вступить в те годы в комсомол, необходима была решительность и отвага – ведь новое входило в жизнь села с большим трудом. Такими качествами Иван Ильич обладал в полной мере. Вместе с ним в комсомольский актив Вельяминова вошли: Николай Бояров, Павел и Василий Витушкины, Иван Сухарев, Чуркин... Комсомольцы проводили собрания в конторе и участвовали в решении всех важных вопросов, касающихся жизни деревни, вели работу по ликвидации безграмотности среди населения, устраивали мероприятия культурного характера.

Летом этого года, к нашему счастью, нашлись родственники Ивана Ильича со стороны жены. Сегодня они проживают в Смоленской области. Вслед за ними на малую родину своей семьи приехал и правнук Ивана Ильича – Игорь Игоревич Виноградов (Москва). Вместе нам удалось восстановить биографию его прадеда полностью.

Выяснилось, что семья одного из сыновей подполковника сегодня проживает в Череповце. Антонина Сергеевна Виноградова – жена Виктора – младшего сына Ивана Ильича на летнее время перебирается из города в родную деревню Якушево Мусорского поселения, где мы её и навестили. Женщина многое нам рассказала. Оказалось, что Иван Ильич по документам вовсе не Коровкин. В годы учебы в военном училище он сменил неблагозвучную фамилию и стал Виноградовым. Вводя новые данные, электронные архивы Минобороны на мои запросы о подполковнике выдали немало информации о героических буднях нашего земляка.

Иван Ильич Виноградов (1914 г.р.) был призван в ряды Красной Армии в 1933 году Василеостровским РВК г. Ленинграда и всю последующую жизнь посвятил служению Родине. Антонина Сергеевна хранит реликвию семьи Виноградовых – записку об Иване Ильиче из газеты «За Родину», датированную 7 ноября 1938 года. Публикация повествует:

«Лейтенант тов. Виноградов – старый комсомолец, активный член комсомольской

организации. Своей работой в части т. Хлебникова он показал себя с лучшей стороны. Прежде всего, он хорошо знает свое большое ответственное дело, дело воспитания бойцов преданных партии Ленина — Сталина. К своим обязанностям относится серьезно и добросовестно. К занятиям тщательно готовится, правильно организует учебный процесс»...

Далее несколько строчек текста дословно восстановить невозможно — края газеты повреждены, но смысл вполне уловим. В нем сообщается о том, что Иван Ильич, как прекрасный групповод политзанятий, успешно подготовил воспитанников к проверке. Его бойцы заняли первое место в части, набрав общий балл 4.55.

И продолжает корреспондент: «... Являясь хорошим командиром, т. Виноградов большое внимание уделяет общественной работе. Он проводит беседы, доклады, является членом бюро ВЛКСМ части, низовым агитатором. В настоящее время т. Виноградов усиленно готовится к вступлению кандидатом в члены ВКП (б). Как хороший работник, преданный делу рабочего класса нашей родине, т. Виноградов выдвинут на должность помощника командира части».

— В те годы Иван Ильич с мамой Наташей (так ласково называет Антонина Сергеевна свою свекровь — прим.) жили в Ярославле, — повествует женщина. — Как они познакомились — не знаю. Из рассказов свекрови помню, что его родители были недовольны выбором сына. Он — образованный, а она работала дояркой в колхозе. Иван Ильич был очень высокий, Наталья Степановна — низенького росточка. Говорили люди — неровня. А Иван Ильич всем одно отвечал: «Мал золотник, да дорог». В семье родились двое сыновей — Юра в 38-ом году и Витя в 39-ом. Из Ярославля Ивана Ильича и на фронт проводили. Наталья Степановна с детьми вернулась к родителям в Поповское.

Из архивных документов известно, что в сентябре 43-го Иван Ильич Виноградов, тогда еще майор, за отличия в боях был награжден Орденом «Красная звезда». Начальник штаба 305 Белгородской стрелковой дивизии полковник Беляцкий в наградном листе характеризует нашего земляка, как храброго и смелого офицера.

В мае 1945 года начальник связи 211 стрелковой Черниговской Краснознаменной ордена Суворова 2-й степени дивизии подполковник И.И. Виноградов представлен к очередной награде — ордену «Отечественной войны 1-й степени». В наградных документах командир Ивана Ильича — герой Советского Союза полковник Томиловский подробно описывает подвиги своего бойца: «Тов. Виноградов в любых условиях погоды, местности и боя, не зависимо от сложности оперативной обстановки и обстрелов артиллерии противника, обеспечивает командование и штаб дивизии безотказной связью.

13.02.45 года в боях за город Бельско, когда части дивизии, будучи отрезаны противником от Штадива, вели трехдневные ожесточенные бои с превосходящими силами противника с целью перерезать железную и шоссейную дороги в районе Ясенице, тем самым не дать возможности противнику отвода своих войск и техники на запад, обеспечил непрерывную

связь с частями дивизии, соседями, 42 танковой бригадой, находившейся в окружении и со штабом корпуса, чем в значительной мере содействовал успешному выполнению дивизией боевого приказа.

3.4.45 года в боях за овладение станцией Зембжидовице под его личным руководством наведена телефонная линия от НП комдива в боевые порядки штурмовой группы. Несмотря на сильный артобстрел противника и контратаки, связь работала безотказно. Это дало возможность командованию непрерывно управлять боем.

22.4.45 года был произведен противником неоднократный артоналет на районы расположения линии связи. Связь полностью была восстановлена в очень короткий срок, управление частями не нарушено».

— После окончания войны Иван Ильич получил 3-х комнатную квартиру в Львове, — продолжает Виноградова. — Уже собирался отправить за женой и детьми двух солдат из своего подчинения, о чем заранее сообщил Наталье Степановне в письме. Родные встревожились за неё. Одну с посторонними людьми отпустить побоялись и заявили: «Пусть приезжает сам!», она так мужу и отписалась. 7 ноября на поезде Иван Ильич прибыл в Шексну. Вещи оставил на станции и налегке отправился сначала в Вельяминово — навестить старенькую маму, а утром собирался в Поповское к жене и детям. Только Наталья Степановна так и не встретилась с мужем.

Александре Фёдоровне Беляковой из Вельяминова в 45-ом было всего 9 лет, но ей хорошо запомнился тот ноябрьский день победного года. — В колхозной конторе собралась вся деревня, — вспоминает ветеран. — Взрослые сидели за столом, а мы, маленькие, грелись на печке, наблюдая за ними. На праздник пришел и Иван Ильич. Здоровался со всеми, пожимая мужчинам руки. Фронтовику Соколову, вернувшемуся с войны без ноги, шутя, сказал: «А ты, Александр Васильевич, — кулак» и, кажется, не подал ему руки. Тот затаил обиду. Задолго до войны Иван Ильич работал в сельсовете и принимал участие в раскулачиваниях — у Соколовых тогда всё отобрали. . .

По воле судьбы, Александра Фёдоровна сейчас проживает в том самом доме, в котором 71 год назад произошла трагедия. По соседству стоит старенькая изба Заводчиковых. Её хозяин — Виктор Александрович (1933 г.р.) тоже присутствовал тогда на празднике. — Мы с друзьями наблюдали за гуляньем с большим любопытством, — вспоминает мужчина. — Люди радовались окончанию войны: пели песни, выпивали. Иван Ильич был в центре всеобщего внимания — статный мужчина в военной форме с орденами на груди. Мы, деревенская шпана, восхищались им, детально рассматривая офицерское обмундирование. Он много шутил за столом, был весел. Женщины окружили его, щедро угощали, осыпали вопросами. Анне Витушкиной Иван Ильич сообщил, что сын её Василий скоро вернется домой. Мать за четыре года от него не получила ни одной весточки, расстраивалась. Оказалось, что всю войну Василий был в немецком плену, трижды бежал из него, но каждый раз неудачно. Чудом выжил.

Говорят, Иван Ильич увидел фамилию своего старого друга, комсомольца, в списках советских военнопленных, проходивших проверку в фильтрационных лагерях НКВД после освобождения из фашистской неволи. В надежде узнать об этой истории больше мы отправились к сыну Василия Витушкина – Вениамину. – Да, об Иване Ильиче я слышал, отец часто вспоминал его, – поделился с нами мужчина. – Описывал друга так: «здоровенный – машина такая! Жесткий, дисциплинированный...». Как они с отцом встретились после войны – мне неизвестно. Это было в Львове. Иван Ильич звал папу к себе на службу. Обещал с квартирой помочь. Договорились, что сначала Виноградов съездит домой за семьей, а потом отец отправится за своими. Иван Ильич взял отпуск и уехал на родину, а обратно уже не вернулся...

– Праздник подходил к концу, – продолжает Виктор Заводчиков, вспоминая Октябрьскую 45-го года. – Подполковник засобирался домой. Женщины вышли проводить его до крыльца. На лестнице Виноградова догнал Соколов и со всей силы ударил своего обидчика ножом в шею. Кто-то закричал: «Ивана Ильича резали!». Со смертельной раной подполковник еще сам дошел до дома и, успев сказать матери: «Меня убил Александр Соколов», упал на пол. На следующий день в Вельяминово со всех деревень сбежались люди – событие такое! А сколько военных приехало! Проводили следствие. Не поверили сразу, что безногий калека мог совершить нападение. Помню, брата моего старшего допрашивали и еще нескольких ребят одного с ним возраста. Соколов утром сам пришел в дом Коровкиных с повинной, плакал и, стоя на коленях возле тела Ивана Ильича, просил прощения у фронтовика и его матери. В тот же день его арестовали.

Старожилы деревни подсказали: в д. Б. Шорманга проживает еще одна родственница подполковника – Софья Васильевна Андреева. Мы с Игорем побывали и у нее. – Ивана Ильича я никогда не видела, мы с сестрой Тamarой гораздо младше его, а он рано уехал из дома, служил далеко и приезжал на родину редко. Помню только бабушку Феодосью – добрая была старушка. Она нас часто навещала. Вместе мы отмечали праздники. Наша семья тогда жила в Новой деревне. Когда в дом пришла страшная новость, родители вмиг запрягли лошадь и отправились в Вельяминово. После похорон они привезли большой портрет Ивана Ильича, и он долгие годы висел у нас в доме на самом видном месте.

Свидетели тех событий вспоминают, как Феодосья Коровкина перед похоронами сына срезала с гимнастерки его ордена – это единственное, что у неё осталось в память о дорогом человеке.

Так они и сегодня на кусочке ткани от формы Ивана Ильича бережно хранятся потомками подполковника Виноградова вместе с заметкой из старой газеты 1938 года и фотографиями своего Героя.

Л. Цветкова. 2016 год

ЕФРЕЙТОР КОНОВАЛОВ

Закалённый в боях и не раз смотревший смерти в глаза фронтовой разведчик Павел Васильевич Коновалов одним землякам запомнился человеком строгим и требовательным, другим — чутким и справедливым. До конца своих дней он восхищался полководческим талантом и человеческими качествами маршалов Жукова и Рокоссовского, равнялся на них и испытывал счастье, осознавая свою причастность к Великой Победе.

Родился Павел Васильевич 26 декабря 1919 года в деревне Фоминское. За три месяца до начала Великой Отечественной был призван в ряды Красной Армии. Первое место службы — Мурманск. Согласно архивным документам, до ноября 42-го года ефрейтор Коновалов принимал участие в военных действиях на Карельском фронте в должности — разведчик. Позднее Павел Васильевич был переброшен на западное направление (2-ой Белорусский фронт), участвовал во многих стратегических операциях.

— Папа о войне рассказывал крайне мало, — говорит дочь фронтовика Лариса Коновалова. — Всегда с большим уважением вспоминал он маршала Рокоссовского, под чьим командованием прошёл свой боевой путь и очень этим гордился. Всю войну отец провёл на передовой в напряжённых боях. Несколько раз был ранен. Госпиталь, с его слов, был лучшим местом, где бойцы могли хоть немного отдохнуть и выспаться. Немало трофейного металла в своё время извлекли военные врачи из нашего земляка, но несколько осколков возле позвоночника так и оставались с ним до конца жизни, мучая ночами и причиняя острую боль при физических нагрузках.

Свою первую медаль — «За отвагу» — разведчик Коновалов получил в июне 44-го. За доблестное служение отмечался он однажды и благодарственным письмом маршала Рокоссовского.

Тем временем, 1-ая артиллерийская Померанская дивизия прорыва РГК, в составе которой воевал Павел Васильевич, с успехом прорывалась к Берлину и за отличные боевые действия шесть раз получала благодарность от Верховного Главнокомандующего.

Весной 45-го подошли к реке Одер — важнейшей преграде на пути к жизненным центрам Германии.

Ещё в 30-е годы по западному берегу Одера немцами были сооружены доты из бетона и стали. На каждый километр фронта было создано по 2-3 капонира, по 2-3 полукапонира и одному убежищу. Располагались они так, что вся поверхность воды и восточные берега должны были обстреливаться из пулемётных дотов. Форсировать такую крупную преграду, какой являлся Одер, с одновременным прорывом полосы долговременной обороны на ней войска армии могли только благодаря высокому воинскому мастерству и напряжению всех духовных и физических сил.

По воспоминаниям участников событий, весна в тот год нагрянула дружная, обильные снега растаяли прямо на глазах. Широкий Одер был мутным с быстрым течением — ещё не сошёл весенний паводок. Вдобавок переправы и подходы к ним подвергались постоянным налётам немецкой авиации. Враг оказывал ожесточённое сопротивление.

Во всех частях и подразделениях была проведена углублённая работа по подготовке личного состава к форсированию реки. Для поднятия боевого духа солдат выпустили листовки следующего содержания: «Товарищ! Перед тобой Одер, последний водный рубеж к сердцу Германии. Наша задача — его перешагнуть, чтобы на западном берегу в решительных последних боях разгромить гитлеровскую Германию!»

В апреле 45-го года Павел Васильевич Коновалов в составе 3 дивизиона 156 тяжёлой Гаубичной Артиллерийской Эльбингской бригады успешно преодолел водный барьер в районе Грайфенхаген. При выполнении боевых задач показал образец стойкости и мужества, о чём свидетельствует запись в наградных документах: «При форсировании реки Одер вёл разведку под миномётным и пулемётным огнём в боевых порядках пехоты. Под огнём артиллерии и миномётов противника 4 раза доставил донесение из боевых порядков пехоты старшему начальнику на лодке через Одер. При доставлении донесения был контужен, после чего ушёл на пункт санитарной части. Достоин награды орден «Красная звезда»».

— О себе отец говорил, что был тогда дерзким и отчаянным, ничего не боялся, — вспоминает старшая дочь Павла Коновалова Лидия. — При форсировании Одера почти все его сослуживцы погибли, а в папу пули не попали...».

Преодолев последний водный рубеж и развивая далее наступление, Павел Васильевич с боевыми товарищами дошли до Берлина, где и встретили долгожданную Победу.

После демобилизации в мае 46-го Коновалов вернулся в родные края, женился на местной учительнице Марии Васильевне, и потекла своим чередом их семейная жизнь. Появились на свет две дочери.

— Запомнилось, как вечерами, лёжа на печи, папа читал мне поэму Твардовского «Василий Тёркин», и долгие годы в моей памяти удерживались из неё большие отрывки, а стихотворение Симонова «Сын артиллериста» уже в 5 лет, благодаря отцу, я знала наиз-

усть, — делится детскими впечатлениями Лариса. — Сам папа рос хулиганистым парнем. Курить начал в 9 лет, позднее рассказывал нам с сестрой, как батько за это об него не один голик изодрал, пытаясь выколлотить дурную привычку из сорванца. Но тот продолжал курить. Средненько учился в школе (бывали и двойки). Родители — Василий Артемьевич и Анна Алексеевна — воспитывали сына в строгости. И это, без сомнения, наложило отпечаток на его характер.

В своё время, Мария Васильевна со слов мужа подробно записала семейную историю рода Коноваловых. Известно, что это была семья зажиточных крестьян, которые имели большое хозяйство в Фоминском. Всё нажитое — плоды личного упорного труда. Дед Павла Васильевича — Артемий Фадеевич Коновалов был голосистым, и за певческий талант барин прозвал его Звонцовым. В семье было шесть сыновей и две дочери. Всем ребятам Артемий дал доходные профессии, обучил ремёслам, чтобы в будущем они могли жить достойно — без нужды. Двое из его сыновей работали в столичном ателье мастерами дамского платья и верхней одежды. Но 30-е годы внесли в жизнь семьи свои коррективы. Коноваловых раскулачили, выгнали из собственного дома, и всё нажитое отдали бедным. До конца своих дней Артемий держал обиду на власть. По стечению обстоятельств, из большого семейства Коноваловых перед войной в Фоминском оставался жить только сапожник Василий — отец Павла. Вместе с женой он трудился в колхозе и воспитывал троих детей.

Вернувшись с фронта, Павел Васильевич пошёл по стопам родителей и устроился в своём колхозе рядовым рабочим. В 55-ом, по настоянию жены, он окончил Вологодскую трёхгодичную сельскохозяйственную школу по подготовке председателей колхозов с присвоением квалификации младшего агронома.

Мария Васильевна Коновалова была женщиной красивой, статной. Интеллигентная, ответственная и активная общественница она вызывала восхищение у односельчан и пользовалась их заслуженным уважением. Добившись успехов сама, она старалась и мужа поднять до собственной высоты. Благодаря её усилиям Павел Васильевич из рядовых рабочих вырос до агронома, а позднее на некоторое время был избран председателем исполкома Фоминского сельсовета.

— Мама рассказывала, что отец работал с утра до ночи, старательно подходил к делу. Но ему не хватало дипломатии в общении с коллективом. Был он резким и бескомпромиссным, строгим, требовательным руководителем. За это его люди побаивались и недолюбливали, — продолжает дочь Павла Васильевича. — И хоть папа был далеко не идеальным человеком, всё же в нём присутствовало что-то настоящее, правильное. Я любила отца, не смотря ни на что, и всегда относилась к нему с пониманием. Сегодня многие черты его характера вижу в себе. Не стало папы 4 декабря 1991 года. Мама пережила его на 13 лет.

Лариса КОНОВАЛОВА
ПОСВЯЩЕНИЕ ОТЦУ

Светлый праздник Великой Победы
Вновь готовится встретить страна.
Вспоминаю скупые беседы
И твои достаю ордена.

И медали, знакомые с детства,
Что давал мне в руках поддержать,
Говорил о войне и о немцах,
Но могла ли тогда я понять,

Что такое медаль «За отвагу»
И что значат твои ордена.
Как бойцы поднимались в атаку,
Как в дыму задыхалась страна,

Как горела земля под ногами,
Как снаряды рвались в городах,
Не оставив и камня на камне,
Сея смерть, сея ужас и страх.

Как пылали леса и деревни,
И, казалось, что всё — нам конец,
Как солдаты того поколения
На себе испытали свинец.

Здесь давно уже взрывы умолкли,
Те, кто выжил, вернулись домой,
А «трофейные» в теле осколки
До конца так и жили с тобой.

Нет давно тебя с нами, папа.
Я смотрю на твои ордена,
И горжусь, и так хочется плакать,
От того, что тебя не обнять.

КУДРЯШОВЫ

На краю деревни Байново, окнами на восток, стоит старый покосившийся домик. Жизнь в нём давно замерла, но следы прежних обитателей ещё не успели стереться временем. В тени полувековых берёз жива хозяйская скамеечка. Под свесом крыши дома отчетливо читается запись, оставленная на память потомкам главой семьи: «Крашен 1928 г. 15 июля И.Д. Кудряшовым».

В этом доме выросли три поколения семьи Кудряшовых. Построил его в начале прошлого века Иван Дементьевич. Существует семейная легенда о происхождении их фамилии. По рассказам родственников, прадед Дементий был когда-то Смирновым. Весьма распространенная фамилия в России. В годы военной службы, во избежание путаницы между солдатами-однофамильцами, командование за кудрявую голову прозвало его Кудряшовым. Новую фамилию записали и в документы. Так это было на самом деле или нет — сегодня остается лишь гадать, но и действительно, все члены семьи Кудряшовых оправдывали свою фамилию, отличаясь густыми кучерявыми шевелюрами.

Передо мной их старенький семейный фотоальбом. Перелистывая его страницы, можно проследить историю целого столетия, недавно канувшего в лету. Вот со старого пожелтевшего снимка на меня смотрят солдаты Первой Мировой войны. Среди них совсем молоденький — Иван Дементьевич Кудряшов. На груди его красуются две медали. Интересна фотография 1933 года, запечатлевшая лица байновских мальчишек и девчонок, дружно сидящих в три ряда. Вероятно, на снимке присутствуют дети Ивана Дементьевича, их у него с женой Евдокией Федоровной было пятеро: Александр, Петр, Мария, Анна и Лиза. На следующей карточке — компания молодых мужчин: в нижнем ряду расположились на траве гармонисты, слева — Иван Дементьевич, а по центру, в белой праздничной рубашке, легко узнается его старший сын Александр. Возможно, это гуляния по случаю его отправки на воинскую службу.

Известно, что Александр Иванович Кудряшов (1919 г.р.) был участником двух войн: Советско-финской и Великой Отечественной. В сентябре 1939 года он был призван в РККА.

Семейный альбом сохранил немало снимков военной поры, отражающих боевой путь нашего земляка. Его фронтовую биографию, в свое время, со слов самого А.И. Кудряшова записали школьники, перед которыми, уже в мирные годы, он часто выступал на уроках мужества и делился пережитыми воспоминаниями. Рассказывал он ребятам, как в одном

из боев с финнами был тяжело ранен и полгода находился на лечении в Великих Луках. О том, как финская война оборвала жизнь его младшего брата Петра.

Великая Отечественная застала А.И. Кудряшова в Литве. О первых днях войны он вспоминал так: «Немцы стремительно наступали. Вместе со своей воинской частью мы были вынуждены отойти до Ораниенбаума под Ленинградом. Сформировав группу из двух разрозненных отрядов и почти не имея вооружения, мы напали на вражескую часть, захватив пулеметы и автоматы противника, заняли оборонительные позиции. Ночью с подошедшим к немцам подкреплением завязался бой, во время которого я был оглушен ударом по голове. Потерял сознание. Очнулся без сапог и гимнастерки. С группой товарищей из восьми человек, оставшихся в живых, добрались до своих и были переправлены на судах в Ленинград». Там А.И. Кудряшова назначили командиром стрелковой роты. В боях под Тихвином он вновь получил тяжелое ранение. После лечения в госпитале был направлен в одну из танковых частей и принимал участие в битве за Москву, освобождал города: Вязьму, Орел, Мелитополь, Могилев, Минск, Варшаву и многие другие...

В 1943 году за освобождение Орла получил звание лейтенанта, а за форсирование Днепра был награжден орденом Красной Звезды. Выдержка из наградных документов: «Товарищ Кудряшов, командуя взводом, в боях за деревню Тарасовка 14 сентября 1943 года на машинах вплотную подъехав к противнику, развернулся в боевой порядок и открыл огонь, обеспечив продвижение пехоте. В этом бою его минометный взвод уничтожил расчет противотанковой пушки, расчет станкового пулемета и до взвода пехоты противника. Сам потерь не имеет».

А.И. Кудряшов дошел до Германии. 25 апреля 1945 года стал участником исторической встречи союзных войск на Эльбе. Долгие месяцы они двигались навстречу друг к другу с запада и востока, прорывая оборонительные линии противника. 27 апреля Александр Иванович в составе своей части подошел к Берлину. 30 апреля участвовал в его штурме, а 9 мая 45-го вместе с боевыми товарищами праздновал долгожданную Победу в сердце пораженной Германии. В победном 45-ом гв. лейтенанту А.И. Кудряшову было всего лишь 26 лет, как и многим другим его фронтовым друзьям.

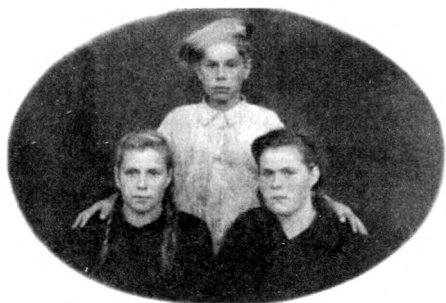
После демобилизации фронтовик вернулся в родную деревню, где вскоре женился. В супруги себе выбрал местную акушерку Наталью Павловну Великошапко, потерявшую на войне мужа и воспитывавшую в одиночку сына Анатолия. Позднее в семье родились еще два мальчика – Сережа и Володя. Но семейное счастье Кудряшовых было недолгим. Наталья Павловна рано умерла от неизлечимой болезни (рак), и Александр Иванович сам вырастил сыновей. Больше он так и не женился. До самой пенсии трудился в колхозе и пользовался заслуженным уважением у односельчан.

Сегодня уже никого из участников этой истории нет в живых. Александр Иванович Кудряшов ушел из жизни в 1998 году, до этого похоронив своих сыновей. Ежегодно перед Днем Победы учащиеся Шалимовской школы приходят на могилку фронтовика, чтобы привести её в порядок и отдать дань памяти славному земляку.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛЕНИНГРАД

Хочу поделиться историей военных лет, которую мне рассказала жительница села Верховье Югского МО – Евгения Калиновна Куликова (1929 г.р.). На момент начала Великой Отечественной войны ей исполнилось 12 лет, и проживала она тогда в деревне Завидово Мусорского с/поселения. Отец – Калина Дмитриевич Смирнов, участник Советско-финской вой-

ны, в мирное время работал счетоводом в колхозе. В 41-ом ушел на фронт. Его жена – Нина Алексеевна осталась одна с шестью детьми. Только два письма она получила от мужа в самом начале войны. В них он сообщал родным о стремительном наступлении немцев и непрерывных бомбардировках вражеской авиации. Между строк отчетливо читалась безнадежность положения. Третье письмо с фронта семья получила всё в том же 41-ом. В нем чужим почерком сообщалось о том, что Калина Дмитриевич не вернулся с боевого задания. И больше никаких вестей от отца родные не получали. Калина Дмитриевич пополнил огромный список без вести пропавших солдат ВОВ.

Нина Алексеевна работала с раннего утра и до позднего вечера на ферме. Заботы о младших детях легли на плечи ее старших дочерей – Валентины (1927 г.р.) и Евгении. Жили очень бедно. По этой причине в школе Евгения Калиновна не училась – в холодное время года не в чем даже было выйти из дома. Не было ни теплой одежды, ни обуви. Зимой 1943-го, в возрасте 14 лет, она была направлена колхозом на лесозаготовки, откуда вскоре сбежала, не выдержав холода и тяжелой для подростка работы. За это получила штраф – 800 рублей. В счет его погашения уже была описана корова – кормилица семьи, которую все же удалось сохранить. Вспоминает Евгения Калиновна: «После этого случая, оставаться в своем колхозе я больше не хотела и решила уйти из дома. Рано утром попрощалась с родными и в марте-месяце в отцовских ботинках (еще с финской войны) отправилась пешком на поиски новой работы в Мяску. Мама со слезами проводила меня до дороги. Добралась до места я уже поздно вечером, вся замерзшая и голодная. Заведующий Мясинского заготовительного пункта скота – Мельников Василий Михайлович, выслушав мою историю, устроил меня на ночлег, а утром принял на работу, определив присматривать за гусями и утками. В первый же трудовой день я и там натворила дел. Никогда ранее не видевшая уток, выпустила их из птичника в открытый двор погулять с гусями. Все утки, естественно, улетели. В слезах я кинулась к заведующему, рассказала о случившемся, тот посмеялся и успокоил меня: «Полетают и вернуться». Вернулись, – улыбается Евгения Калиновна и продолжает свой рассказ. – В июне 1943 года Мясинский скотный за-

готовительный пункт должен был отправить блокадному Ленинграду стадо коров. Точной цифры не помню, может, голов 150–200. Для перегона скота из Мяксы в Ленинград сформировали группу из шести человек, в которую вошли три мужчины и три женщины. В их числе была и я. В 1943 году мне было всего 14 лет. В этот путь напросилась сама, даже не представляя, насколько будет дальней и тяжелой дорога. Очень хотелось посмотреть Ленинград, да и идти предстояло вместе с подругами — сестрами Полей и Нюрой Мельниковыми, что тоже радовало. Казалось, впереди нас ждет интересное путешествие».

Рассказ Евгении Калиновны хочется дополнить выдержкой из книги Н.Я. Комарова «Феномен блокадного Ленинграда», в которой содержатся воспоминания Ю.А. Менделеевой, занимавшей должность директора Ленинградского Педиатрического медицинского института в годы войны: «Большое внимание мной было уделено вопросам физического развития новорожденных. Мы изучили их вес, рост, окружность головы, окружность груди. 1942 год дал катастрофическое снижение этих показателей. . . С материалом, разработанным по поводу физического развития ленинградских новорожденных, мне удалось ознакомить Косыгина и Микояна в Москве, где находилась в связи с докладом на ученом совете Наркомата здравоохранения СССР. Тов. Микоян детально ознакомился с представленными мною данными и диаграммами и спросил: «Что же нужно предпринять?» На это я ответила, что дети не могут нормально развиваться, не имея цельного молока. Анастас Микоян тут же спросил меня: «Тысячу коров вам хватит?» Меня даже в жар бросило от волнения, когда я подумала, что в Ленинграде может не хватить корма для этих коров. Позвонила по прямому проводу тов. Попкову и на следующий день получила от него утвердительный ответ. Таким образом, Ленинград в дни блокады получил тысячу коров из Вологды и Ярославля».

И вот, летом 1943 года из Мяксы вышла группа пастухов, гнавшая стадо коров в Ленинград. Продолжает рассказывать Евгения Калиновна Куликова: «Главным гуртоправом назначили Василия (фамилию не помню) из деревни Григорево. Рассчитали: чтобы прибыть в срок, в день нужно идти по 15 км пути. На ночлег останавливались в лесу, подальше от населенных пунктов, чтобы избежать воровства скота местными жителями. Вокруг стада разжигали костры. Дежурили по двое в порядке очередности, остальные погонщики в это время могли отдохнуть. То лето выдалось дождливым и спать приходилось на сырой траве. Питались, в основном, коровьим молоком. Бывало, что грешили — под покровом ночи на чужих огородах выкапывали картошку у жителей попутных деревень. Честным образом выменять у местных что-то из еды, предлагая взамен молоко, не удалось ни разу за всю дорогу. В деревнях господствовала нищета и голод, чем ближе к Ленинграду, тем сильнее. Повсюду были воронки, оставшиеся после бомбежек, в которых скапливалась дождевая вода, в них мы мылись. Наше путешествие растянулось на несколько месяцев. Лишь в октябре дошли до Волхова, где встретили непреодолимое препятствие — понтонный мост, через который ни одну корову перевести не удалось. Другого пути не было. Все стадо пришлось сдать на местный мясокомбинат. Тут обнаружилась «недосдача»: 14 коров были потеряны в пути. Всех наших, гнавших скот, кроме меня, привлекли к уголовной

ответственности. Я, в силу юного возраста, избежала тюрьмы».

Далее Евгении Калиновне предстоял путь домой в одиночку. Осень. На улице очень холодно. Из Мяксы в июне девушка ушла босиком в стареньком пальто, которое за 4 месяца пути превратилось в ветошь. Ступни ног изнывали от боли, трескались и кровоточили. До Череповца решила добираться на поезде. Денег на билет не было, ехать пришлось «зайцем» на подножке вагона, крепко держась за поручни. Заморозок, сильнейший ветер и ночь пути запомнились Евгении Калиновне навсегда. По прибытии поезда на станцию в Череповец, она уже не могла сойти с него без посторонней помощи. «От холода не чувствовала ног, пальцы рук намертво вцепились в поручни и не разгибались, – вспоминает Евгения Калиновна. – Какой-то мужчина грубо сдернул меня с поезда за воротник пальто, так, что тот остался в его руке. Обходчица путей пожалела меня и пустила погреться в привокзальное помещение. До дома уже было рукой подать, но и оставшиеся километры пути казались непреодолимыми. На израненных и обмороженных ногах я не могла и стоять. На Соборную Горку до парома меня донес незнакомый солдат на «закукорках». А там я встретилась с земляком из родной деревни – Смирновым Петром Степановичем, который как раз в этот день приезжал в город на лошади по своим хозяйским делам».

Односельчанин подобрал обессиленную девушку, посадил на телегу, укрыл пустыми мешками и привез домой в Завидово. Родные Евгении Калиновны уже и не надеялись увидеть ее живой, ведь все это время вестей от нее не было. «Петр Степанович высадил меня в середине деревни. До дома я ползла на коленях, не могла ступить на ноги. Мама, увидев меня, упала на крыльце без сознания. Старшая сестра Валя быстро подготовила теплую воду, остригла мою голову наголо, т.к. вши с меня так и сыпались, помогла мне вымыться и одела в чистую одежду... Вот таким было мое путешествие в Ленинград, в город, которого я так и не увидела».

Всю зиму Евгения Калиновна не выходила из дома, лечила больные ноги. А весной отправилась на работу, снова под Ленинград – теперь уже на торфозаготовки.

Война нанесла огромный урон сельскому хозяйству Ленинградской области, пострадали сотни колхозов, некоторые были уничтожены полностью. По архивным данным в годы войны Вологодская область приняла и разместила на содержание из колхозов Ленинградской области 3157 лошадей, 22812 голов крупного рогатого скота, в том числе 9445 голов коров, 3165 голов овец. После освобождения территории от оккупации вернули этот скот и в порядке помощи передали дополнительно колхозам Ленинградской области 271 голову лошадей, 4044 головы крупного рогатого скота, 3026 голов овец и 3000 голов свиней.

Многие колхозы Вологодской области взяли в те трудные годы шефство над колхозами Ленинградской области до полного их восстановления. Они сдавали мясо в госпоставки за колхозы Ленинградской области, помогали обеспечить их семенами зерновых культур и картофеля, выделяли стройматериалы, в ответ на это в нашу область шли сотни писем и телеграмм от благодарных жителей Ленинграда.

МАЛЫШЕВЫ. Возвращение к истокам

Историю своей семьи, корни которой тянутся из вологодской глубинки, рассказал мне житель Красноярска Вадим Владимирович Малышев. Его дед и бабушка по отцовской линии родились и выросли в Ермаковском (сегодня Череповецком) районе. Здесь же произошло их знакомство, отшумела свадьба, появились на свет дети. В общем, всё текло своим чередом – потихонечку строилось семейное счастье Малышевых. Но 30-е годы раскололи жизнь молодой пары на два периода – «до» и «после»...

Дед Вадима – Александр Иванович Малышев (1900 г.р.) родом был из деревни Сычёво (Мусорский с/с), бабушка – Анна Васильевна Смирнова (1907 г.р.) – из Верховья (Шалимовский с/с). Летом они, как и другие крестьяне, хлопотали в личном хозяйстве. С приходом зимы Александр Иванович отправлялся по окрестным деревням, скупая у охотников пушнину, из которой потом шил отличные шубы на продажу. Одну из них – лисью – в своё время он подарил Анне Васильевне на свадьбу. Доходное ремесло позволяло семье Малышевых жить безбедно, на зависть односельчанам. В годы коллективизации супруги, как и все, вступили в колхоз, более того – Александра Ивановича избрали его председателем. Время голодное. Приблизительно в 1937 году, перевыполнив план по уборочной, А.И. Малышев с бригадиром решили «сверхплановое» зерно раздать семьям рабочих. Об этом случае кто-то донёс куда следует, и над добродетелями нависла беда. О грозящем аресте Александра Ивановича успел предупредить муж сестры Анны – Соловьёв Николай, работавший в те годы секретарем сельсовета. Бросив всё нажитое, семья Малышевых с двумя маленькими детьми – Геней и Сашей, бежала в Сибирь. В далёком Канске родственников приютил старший брат Александра Ивановича – Николай Малышев, трудившийся в военном городке, на территории которого размещались авиационная школа стрелков-бомбардировщиков и пехотное училище. Здесь А.И. Малышев вернулся к привычному для себя ремеслу – шил для военных шинели и прочую одежду.

В Сибири у вологжан родились ещё четверо детей – Зина, Володя, Миша и Люда. В 40-ом умерла старшая дочка Малышевых – первая утрата семьи. Добавил горя 48-ой год – от туберкулёза скончался глава семейства. Анна Васильевна осталась одна на чужбине с пятью детьми. На родине к тому времени у женщины уже не осталось прямых родственников, которые бы

могли ей помочь в трудные времена: родители умерли ещё до войны, единственный брат Павел погиб на фронте, его жена — местная учительница Екатерина Геннадьевна — в 46-ом скончалась от чахотки. Младшую дочь Павла — Валю — забрали в детский дом, другую — школьницу Лилию — приютила у себя односельчанка Анна Ивановна Лобачева. Родительский дом в Верховье, старое двухэтажное здание (в нём когда-то располагалась церковно-приходская школа), снесли, дом Малышевых в Сычёве местные власти отдали под жильё новым хозяевам. Пути к возвращению в родные края для Анны Васильевны были отрезаны. Чтобы прокормить детей, женщина продолжила ремесло мужа и всю жизнь работала швейей. Всех ребят сумела поставить на ноги.

— Бабушка очень тосковала по родине, — рассказывает Вадим Владимирович. — Только вот побывать в отчем крае ей удалось лишь однажды. В начале 60-х она с сыном Александром приезжала на Вологодчину и посетила памятные для неё места: Верховье, где пролетело детство и юность, Байново — здесь проживал её дядя Иван Дементьевич Кудряшов с семьёй, была в Якушеве и Хмелевом у сестёр мужа — Евдокии Меньшиковой и Анны Соловьёвой, навестила могилы родных. Разыскала бабушка тогда и дочь погибшего брата, попавшую в детский дом. Забрала девушку с собой в Сибирь. Старшая племянница на тот момент была уже замужем. . . В 1977 году бабушки не стало. Перед своей смертью она просила нас не терять связи с Вологодчиной. В семейном альбоме мы храним фотографии всех родственников из этих мест, знаем их по именам. На поездку к истокам решались долго — путь неблизкий — почти 5000 километров. Через интернет я изучал карты вашей местности, просматривал фотографии и в 2014 году наконец-то собрался в дорогу. Вологодская земля поразила меня обилием исторических мест и памятников православной архитектуры. Здесь всё дышит стариной. От этого ещё более проникновенно вошла в мою душу история собственной семьи, проживавшей здесь когда-то. Я посетил все места, связанные с именами родных, нашел дальних родственников и радовался, когда в их альбомах видел снимки, присланные бабушкой из Сибири. Посмотрел главные святыни вашей области. Был впечатлен от всего увиденного, и, уезжая, пообещал себе, что обязательно вернусь сюда ещё.

И вернулся. В свой следующий приезд Вадим Малышев задался конкретной целью: разыскать могилу сестры деда — Анны Ивановны Соловьёвой, узнать у местных старожилов о её судьбе и отвезти горсточку вологодской земли на могилу её единственного сына Владимира, погибшего в 43-ем, защищая Сталинград. Проживала семья Соловьёвых в деревне Хмелевое. Муж Анны Ивановны — Николай — умер ещё перед войной.

В Мусорское поселение Вадима Владимировича сопровождала я. В Хмелевом нас встретил крохотный домик — единственный на всю деревню, он оказался дачным. Вокруг него — лес. За информацией о Соловьёвых мы отправились в соседнюю Мусору. В первом же доме нас поджидала удача. Его хозяева огорошили: — Про Анну Ивановну Вам лучше других расскажет её внучка Евгения Николаевна Овсянникова, она проживает на другом конце деревни. И могилу

бабушки покажет. Новость о том, что у Анны Соловьёвой, оказывается, после смерти мужа и сына была другая семья, стала для нас неожиданной. Мы отправились к Овсянниковым, чтобы выяснить всё в подробностях. Евгения Николаевна была удивлена, услышав, кто мы и зачем пожаловали. До этого момента она тоже не слышала ни от кого из родных о том, что у бабушки есть родственники в Сибири, но радушно пригласила нас в дом и рассказала историю своей семьи. В ходе беседы выяснилось, что Анна Ивановна приходилась женщине не родной бабушкой.

— Дело в том, что моя мама — Крундышева Анна Егоровна в начале войны вышла замуж за Владимира Соловьёва, — рассказывает Евгения Николаевна. — Детей у них не было — всего неделю и пожили-то вместе. Затем Владимира забрали на фронт. Он писал маме трогательные письма, обращаясь к ней: «Аннушка, незабудка моя синеглазая...», в детстве я любила перечитывать его весточки и каждый раз плакала.

Известно, что Владимир Николаевич Соловьёв (1922 г.р.) окончил 6-месячные военные курсы и был зачислен в 168 стрелковый полк 65 армии. В звании младшего лейтенанта он командовал взводом. 17 января 1943 года скончался в полевом госпитале от тяжёлого ранения и был погребён в братской могиле на хуторе Краснодонский Иловлинского района Волгоградской области.

— После гибели В. Соловьёва мама осталась жить со свекровью, — продолжает женщина. До войны мой отец — Николай Петрович Мошков был дружен с Владимиром — два весёлых гармониста на все гулянья ходили вместе. Вернувшись с фронта, и, узнав о гибели лучшего друга, он посватался к маме. Бабушка (Анна Ивановна) благословила их и приняла моего отца в свой дом, как родного, называя папу «милый сынок мой Коленька» — только так. Стали жить одной семьёй. Все годы на стене в нашем доме рядом с фотографией мамы висел портрет погибшего Владимира — папа не позволил его снять. Бабушка за это уважала и любила отца. Бывало, придёт папа «навеселе», она заступается: «Нюра, не ругай Коленьку, ему и так в войну досталось!»

У Мошковых родились пятеро детей. Сына-первенца Николай Петрович назвал в честь погибшего мужа жены — Владимиром. Вторым пополнением семьи стала дочь Евгения, за ней на свет появилась Валя, потом — Миша и Саша. Последние мальчики умерли маленькими. Вся семья трудилась в колхозе.

— Отец был бригадиром трактористов, — продолжает Евгения Николаевна. — Мама работала в полеводстве, а бабушка на быках (лошадей не было) возила в бочке воду на ферму, черпая её на ручье. Зимой подол её юбки украшали сосульки, мы, маленькие, отрывали их — и в рот. Бабушка ругалась: «Не трогайте, это кака!». Мы заливались от смеха, дразня её — баба Кака. Это прозвище закрепилось за ней до конца дней, но она не обижалась на нас за это. Мы любили её больше, чем родную бабушку по линии отца, и она в нас души не чаяла. Когда семья наша разрослась, папа построил бабушке отдельный домик по соседству (он-то и стоит сейчас в Хмелевом). Нахулиганим мы дома и бежим к бабе Каке, спрячемся все трое у неё под юбкой.

Мама ищет нас: «Мои были тут?», бабушка прикроет: «Нет, Нюра, не были». Когда мать уйдет, выясняет: «Что опять натворили?» «Конфеты съели», — отвечаем мы. Бабушка только посмеётся. Добрая была, глубоко верующая.

В соседнем Романове проживали монахини из затопленного Леушинского монастыря. Анна Ивановна Соловьёва с ними тесно общалась. Возможно, по их благословению она крестила людей в округе. Часто посещала Воскресенский храм в Череповце, причащалась.

— После дневных хлопот бабушка иногда отправлялась в Романово к матушкам помолиться, брала и меня с собой, — повествует женщина. — Запомнился первый к ним визит. Входим в дом, у порога валенки стоят, они показались мне настолько большими! Одна из монахинь была очень высокого роста (м. Неофита — прим.) и две пониже. Ласковые такие! Сразу усадят нас за стол, напоят чаем, а потом все вместе мы приступаем к молитве. У окна на стене располагался «красный угол», горела лампада. Иконы всегда были в рушниках. Встанем перед святыми образами на колени и читаем молитвы. Я устану, матушка подойдёт ко мне, скажет: «Иди, поспи, доченька» и уложит на скамеечку возле печи. Я всю ночь сплю тревожно: как бы бабушка без меня не ушла домой. Открою глаза, взгляну в комнату — всё ещё молятся, засыпаю снова. И так всю ночь до самого утра они проводили в молитве. На рассвете мы с бабушкой возвращались домой.

А.И. Соловьёва прожила долгую жизнь и умерла в 1985 году. В память о бабушке Евгения Николаевна долгие годы хранила, оставшиеся ей в наследство, старинные церковные книги, которые показала нам с Вадимом. Вполне возможно, что когда-то они были подарены Анне Ивановне монахинями из Романова. Книги уже рассыпаются от старости. Осторожно рассматриваем их, и вдруг из псалтыря выпадает на стол записка. Читаем её текст и понимаем, что написан он был одной из монахинь: «Дорогая Анна Ивановна! Что же ты нас забыла. м. Кирилла умирает, приди проститься, хотя и в будни. Я прошу Нюру покормить твою скотинку. Может 2 ночи ночуешь. Очень прошу прийти». Подпись: Мария Ивановна (мирское имя м. Неофиты — прим.), д. Романово. 28 января. Этому посланию полвека. Женщина призналась, что хотела бы передать книги в музей или какой-нибудь местный храм, и я предложила ей отдать всё это в дар Мяксе, где по крупичкам собирают всё, что связано с затопленной святой обителью. Евгения Николаевна так и поступила.

Утром следующего дня «новоиспечённые» родственники Вадим и Евгения отправились в Аксёново, где похоронена Анна Ивановна. Неподалёку от её могилки покоятся и леушинские монахини — все рядом. После кладбища отправились в Хмелевое. Евгения Николаевна показала место, где располагался дом Соловьёвых, из которого в 41-ом уходил на фронт Владимир. Вадим взял с собой горсть земли. Сразу с Вологодчины он отправился в Волгоградскую область. Там посетил воинский мемориал и братское захоронение, в котором покоится сын Анны Соловьёвой. Оставил на общей могиле привезённую землю, отдав тем самым дань памяти своему дяде, которого видел только на фотографии, бережно сохранённой бабушкой Анной Васильевной Малышевой.

ПЕТР КУЗЬМИЧ ЧИСТЯКОВ

Петра Кузьмича Чистякова, вернувшегося с фронта без ноги, уже давно нет, но земляки, знавшие ветерана, до сих пор вспоминают о нем с теплотой и чувством глубокого уважения.

Родился Петр Кузьмич в 1914 году в деревне Старик Шалимовского поселения. Крестьянский сын. Со слов односельчан, он был отличным сапожником. В 30-х, как и все, вступил в колхоз. К началу войны уже имел семью и вместе с женой Евдокией Васильевной растил трех дочерей.

— На фронте отец был всего три месяца — защищал Мурманск, — рассказывает Геннадий Петрович Чистяков. — За это время он дважды был ранен. Первый раз пуля угодила в руку, а спустя полтора месяца папа подорвался на mine. Остался жив.

Мурманск стал прифронтовым с первых же дней войны. Летом — осенью 41-го фашисты бомбили город нещадно и с суши, и с воздуха. Основными стратегическими задачами противника на этом участке были: захват в кратчайшие сроки города с его незамерзающим портом, пунктом базирования Северного флота, а также выход на линию Кировской железной дороги, соединяющей Мурманский порт с основной частью страны. Кроме того, захватчиков привлекали природные богатства Кольской земли, особенно месторождения никеля — металла, крайне необходимого для военной промышленности. Горным егерям немцев — отборным альпийским дивизиям, прославившимся в захвате о. Крит и норвежских городов, противостояли части 14-ой армии Карельского фронта. С моря наших прикрывали корабли Северного флота.

В Германии в те дни привыкли к победным сообщениям с восточного фронта, но с его заполярного участка таких вестей не поступало. Эту ситуацию одна немецкая газета объясняла так: «Бои оказались чрезвычайно тяжелыми, их трудности не поддаются описанию. Сам черт выдумал тундру в помощь большевикам».

Особо жесточайшие действия развернулись на рубеже реки Большая Западная Лица. Район чрезвычайно сложный: безлюдная долина, прозванная солдатами Долиной смерти, с большим количеством озер, труднопроходимых болот, река с порогами, перекатами и водопадами, вокруг её горы. Вся местность загромождена моренами — большими валунами. Дороги отсутствовали.

7 июля 1941 года немцам всё же удалось на короткий срок прорвать оборону и занять стратегически важную высоту 314.9, имеющую для Мурманска такое же значение, как Пул-

ковские высоты для Ленинграда. Перед нашими бойцами и их командованием встала непростая задача: во что бы то ни стало сбросить врага с высоты. Массивная, уходящая вверх скалистая громада казалась неприступной. С южной стороны вплотную к ней подходило озеро Дикое, оправдывавшее свое название. В решающую схватку с противником командование направило 58-ой стрелковый полк. В его составе на штурм высоты 314.9 отправился и Петр Кузьмич Чистяков.

Уже в мирное время в мемуарах бывший командир 52-й стрелковой дивизии генерал-майор Георгий Александрович Вещезерский во всех подробностях правдиво, не скрывая промахов, описывал события тех дней и восхищался железным упорством и героизмом бойцов 58-го полка. В своей книге «У хладных скал» он вспоминал, как провожал солдат в тот бой: *«Напряженная боевая обстановка требовала скорейшего выдвижения полка к высоте 314.9. К вечеру маршевые колонны двинулись в путь. Нельзя было оставаться равнодушным, видя смелые, решительные лица. А с какой силой звучало раскатистое «ура», которым бойцы отвечали на пожелание успеха! В бой шли крепкие и сложенные батальоны, которые — мы были уверены в этом — лягут костями, но не посрамят ратной славы отцов. Командовать полком был назначен командир разведывательного батальона майор Харитон Алексеевич Худалов...»*.

Между тем, быстро двигаться по тундре с обозами и артиллерией невозможно. Боеприпасы везли в самодельных выюках и несли на плечах. Для расчистки пути была выделена небольшая рабочая группа. Низкая облачность и морозящий дождь помогли укрыть колонну от воздушной разведки противника. Медленно продвигаясь «каменным морем», растаскивая завалы, батальоны к утру 15 июля достигли высоты 322.0. Здесь колонну наших солдат враг встретил яростным огнем. После утомительного ночного марша бойцы 58-го полка семь часов вели бой с фашистами. Карабкаясь по отвесным склонам, цепляясь за кустики и рискуя каждую минуту сорваться вниз, под смертоносным огнем противника наши ребята продвигались вверх. В ожесточенной схватке они сумели отеснить врага и выполнить боевую задачу. Докладывая о захвате высоты 314.9, майор Худалов сообщал в штаб дивизии: «Склоны и вершина усеяны вражескими трупами...». Противник потерпел крупное поражение. Три неполнокровных советских батальона смогли одним ударом разбить пять альпийских батальонов, которые сами немцы называли лучшими. Именно в этом штурме Петр Кузьмич получил первое ранение, но остался в строю.

Разгром немцев в боях с 12 по 17 июля на высоте 314.9 вошел одной из важных дат в историю ВОВ. Это сражение оказалось решающим в стабилизации положения на мурманском направлении. Неприятель выдохся и перешел к обороне. О боевом подвиге 58-го полка центральная газета «Красная Звезда» летом 41-го написала статью «Штурм укрепленной высоты», и о доблести наших солдат узнала вся страна.

Среди собранных после боя трофеев был найден дневник убитого немецкого офицера. В нем автор пессимистичным тоном писал о поражениях и больших потерях дивизии, о напряженном состоянии своих солдат на переднем крае, особенно по ночам, когда за каждым камнем им чудился русский. Но все же Германия не отказалась от своих планов захвата Мурманска, враг готовился к повторному наступлению.

За время двухмесячной передышки наши войска успели поставить проволочные и минные заграждения, выложили из камней окопы. Приближалась осень, а потому солдатам пришлось заблаговременно подумать и о своем жилье. Построить землянку в прибрежной полосе заполярья не так-то просто. Сначала нужно было отыскать место, где можно углубиться в грунт хотя бы на метр. Бревен для накатов не было. Крыши делали из хвороста и засыпали сверху землей. Труднее всего с жильем пришлось 58-му полку, который обосновался на скалистой высоте. За три месяца войны защитники Мурманска ни разу не мылись, и только в сентябре, сразу после приказа о переходе к обороне, командование дивизии организовало для бойцов первую баню.

Рано утром 15 сентября немцы открыли огонь по высоте 314.9, и егеря вновь пошли в атаку против 58-го полка. К вечеру 16 сентября врагу удалось овладеть её южной вершиной. Но наши бойцы все же сумели закрепиться почти у самых обрывов сопки и больше не отошли ни на шаг. Несколько дней среди скал и валунов шел упорный бой. После войны майор Худалов в своей книге «У кромки континента» детально описывал те события: *«Шли пятые сутки наступления противника. На боевые порядки наших полков усилила налеты авиация. Причем теперь она действовала иначе, бомбила не с больших, а с малых высот. Группы «юнкеров», сменяя друг друга, буквально висели над полем боя, выискивая цели. Головная рота немцев наступала в белых халатах с черными кругами и свастикой на спине. Этим знаком егеря обозначали для самолетов свою передовую линию...»*. С негибимым упорством наши воины противостояли врагу. Получив решительный отпор, противник прекратил атаки. Высоту 314.9 бойцы 58-го стрелкового полка отстояли вновь.

В сентябре 1941 года усилиями 52-ой, 14-ой и Полярной дивизий противник был отброшен за реку Б. Западная Лица. Угроза Мурманску была снята.

Досадно, что именно в этом победном бою Петр Чистяков получил тяжелое ранение – осколок мины серьезно повредил его голеностопный сустав. С поля боя земляка эвакуировали в госпиталь, где ему была произведена ампутация левой голени. После выписки Петр Кузьмич был уволен из РККА, как негодный к военной службе по инвалидности. В январе 42-го года он на костылях вернулся домой. Без почестей. Чтобы исправить такую несправедливость, старший лейтенант административной службы Мяксинского райвоенкомата Таманин в июле 45-го выхлопотал для нашего героя заслуженную медаль «За отвагу», а в 1985 году подвиги фронтовика были отмечены «Орденом Отечественной войны

I степени». Но самый дорогой подарок в победный год сделала мужу Евдокия Васильевна, родив сына. И потекли своим чередом мирные будни семьи Чистяковых.

— После войны отцу трудно жилось, но он никогда ни на что не жаловался, — продолжает Геннадий Петрович. — На пенсию по инвалидности семью было не прокормить. Папа сам себе сделал деревянный протез и пошел работать наравне со здоровыми односельчанами. Сначала был кладовщиком на колхозных складах, потом перешел на ферму. Возил на лошади воду в бочках для скота, выдавал корма, принимал молоко. Бывало, сам и коров доил.

— Весь день выстоит на ногах: с 5 утра и до 23 часов, — вспоминает бывшая доярка стариковской фермы Людмила Михайловна Спиридонова. — До крови сотрет протезом ногу — терпит боль и вида не подаст, что ему тяжело! Под «деревяшку» подкладывал тряпки, к концу дня они становились багровыми. Был человеком выдержанным, скромным, порядочным. Всей деревне бил косы и денег за труд не брал!

Позднее фронтовику предложили работать почтальоном. Чистяков не отказался. Верхом на лошади развозил корреспонденцию по деревням. В его участок входили: Старики, Верховье, Кузнецово, Вельяминово, Жарки. — Каждый день в любую погоду он всегда доставлял почту вовремя, — рассказывает жительница Кузнецова Елена Леонидовна Калева. — В деревнях его с нетерпением ждали. Завидев издали ветерана, ребяташки бежали по домам, громко оповещая родных: — «Почта едет!». Специальных ящиков для газет тогда еще ни у кого не было, и Петру Кузьмичу приходилось заходить в каждый дом. Неграмотным старушкам он сам читал письма.

В 1974 году наш герой ушел на заслуженный отдых. — Очень любил внуков и семейные застолья, — добавляет невестка фронтовика Римма Васильевна Чистякова. — У Петра Кузьмича был отличный голос, он хорошо пел и играл на гармонии. Был человеком глубоко верующим — есть не будет, пока не помолится. Выходя из-за стола, всегда перекрестится. Думаю, именно семья и вера помогли ему выстоять в 41-ом и выдержать все послевоенные невзгоды. Петр Кузьмич прожил долгую жизнь. Умер в 1992 году.

ЭХ, ПУТЬ-ДОРОЖКА ФРОНТОВАЯ

Говоря о героях Великой Отечественной, мы редко упоминаем имена тех, кто за рулём машин колесил по фронтовым дорогам под бомбёжками и артиллерийско-миномётным огнём противника, чётко исполняя приказы командования. Всю войну сержант Геннадий Всеволодович Петухов крутил баранку легкового автомобиля «Пикап М-1», в народе прозванного «эмкой». Несколько лет он был личным водителем командира 5-ой Штурмовой Инженерно-сапёрной бригады подполковника Анатолия Петровича Грищенко. За плечами боевых товарищей тысячи километров совместного пути: Волховский фронт, Северо-Западный, Калининский, 2-ой Прибалтийский. Оба живыми и невредимыми они добрались до Победы и более 40 лет после окончания войны продолжали поддерживать дружеские отношения.

Мыдьёво – родная деревня Геннадия Петухова. Здесь в 1916 году он появился на свет в семье зажиточных крестьян Всеволода Трофимовича и Марии Кузьминичны, был старшим из детей. Петуховы имели крепкое хозяйство и благодаря личному упорному труду жили безбедно. Им принадлежала мельница, кузница и пасека. Непростая, но очень интересная судьба этой семьи открылась в прошлом году, когда племянница Геннадия Всеволодовича Людмила Ивановна Калугина среди старого хлама на повети дома обнаружила сундучок, в котором хранились письма её родных ещё со времён Первой мировой. Около тысячи почтовых весточек подробно описывают историю жизни Петуховых на фоне общей картины событий прошлого века, происходящих в нашей стране.

Счастливое детство Гены оборвалось в 30-ом году, когда его отца раскулачили, отняв у семьи всё нажитое – дом, хозяйство. А через год Петуховых и вовсе выдворили из родных мест, сослав вместе с маленькими детьми на каторгу в Магнитогорск, откуда Всеволоду Трофимовичу и Марии Кузьминичне уже не суждено было вернуться. Там – на Урале – через девять месяцев супружеская чета умерла от тифа. Четверо их детей остались на попечении дяди – Александра Трофимовича Петухова, добровольно отправившегося с семьёй брата в ссылку. Тяжёлые осложнения на сердце после перенесённой болезни не давали ему полноценно работать. Семья находилась в отчаянном положении. Тогда основным добытчиком денег стал 15-летний Геннадий. Чтобы прокормить сестёр, брата и дядю он устроился на работу в столярную мастерскую, а ночами разгружал вагоны. Выжили. В августе 1932-го Петуховым разрешили вернуться на родину. Отчий дом в Мыдьёве стоял заколоченным,

после изгнания хозяев его так никто и не занял. Но и вернувшейся из ссылки семье местные власти поселиться в нём не позволили. Разместились Петуховы в крохотной келье. Спали все пятеро на полу, расстелив на ночь солому. Жили сложно, но потихоньку справились со всеми трудностями. Александр Трофимович заменил племянникам отца и мать, все они выросли достойными людьми.

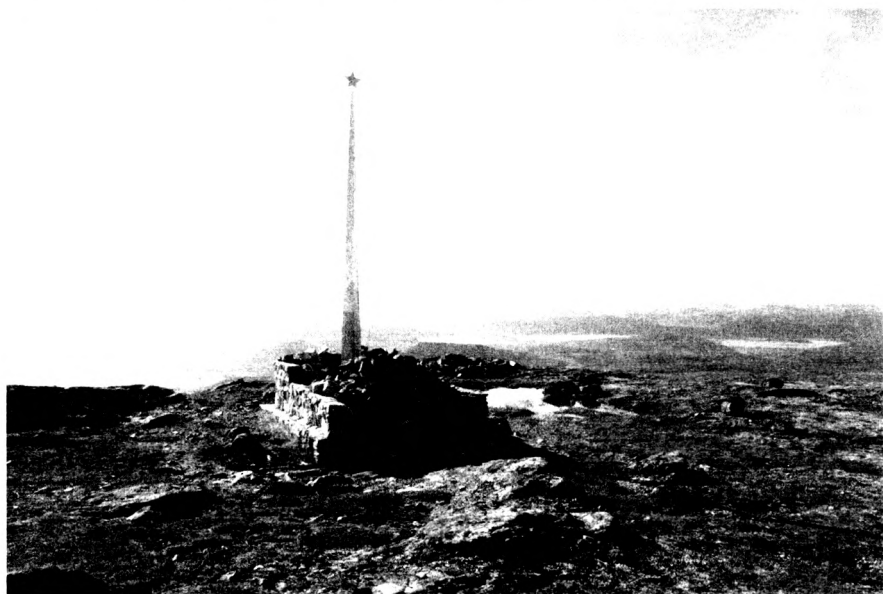
До войны Геннадий Петухов некоторое время трудился в родном колхозе помощником землемера, позже выучился на шофёра и уехал из Мыдьева на заработки. Работая водителем грузовика, он исколесил всю Ярославскую область. Родных не забывал, регулярно отправлял домой денежные переводы и посылки с вещами. В одной из рабочих командировок Геннадий познакомился со своей женой Марией Алексеевной Сутягиной. Как-то остановился на ночлег в доме её родителей в ныне затопленной деревне Чанчунг, увидел на стене фотографию девушки. Нежный образ со снимка запал Геннадию в душу, и парень стал заглядывать в дом Сутягиных чаще в надежде увидеть дочь хозяев наяву. И однажды встретил её там... с ребёнком на руках. Молодые познакомились. На следующий день, провожая Геннадия до калитки, Мария с тоской в глазах спросила его: «Теперь, зная, что у меня есть дочка, ты, наверно, больше и не приедешь к нам?». Не приехать он не смог...

Война застала Геннадия и Марию в Рыбинске, куда они переехали после свадьбы. Она трудилась на маслозаводе, он всё также крутил баранку грузовой машины. В августе 1941-го

Геннадий Всеволодович ушёл на фронт. А в январе у Петуховых родился сын. Мария назвала мальчика в честь мужа – Геннадием. Радостное известие боец получил за сотни километров от родного дома. В своём дневнике спустя годы он вспоминал об этом: *«Я в то время был на Северо-Западном фронте, на Волховском направлении. Когда матушка (так ласково называл Геннадий свою жену, – прим.) сообщила письмом, что родился сынок – что было, что было! Невозможно описать. И вот летом по её телеграмме меня комбат отпустил домой на две недели (с дорогами). Я не ехал, а «летел», нигде ничего не ждал, добирался на чём придётся. Только бы скорей домой к моим милым!»*

Фронтовые будни нашего земляка хорошо передаёт одно из его писем, отправленное в декабре 1942 года родным в Мыдьево: *«Здравствуйте мои дорогие родные дядя Саша, Нина, Коля. Шлю я вам свой искренний привет и самые наилучшие пожелания в вашей жизни. Сегодня, т.е. 12-го, я получил первую по этому адресу открыточку, посланную 2 декабря 1942 года, за что вас искренне благодарю и, не теряя лишнего времени, спешу вам дать небольшой ответ. Я всё также пока жив и здоров, живу по-старому, т.е. по-военному. Вот уже 24-го исполнится два месяца, как находимся недалеко от города ... (неразборчиво, – прим.), примерно километрах в сорока. Приехали сюда на отдых. Вероятно, скоро будем отземляться, а когда и куда – неизвестно. Работаю всё на той же машине, на маленькой, т.е. на Пикапе М-1. Пристроил ей брезентовый каркас, оборудовал неплохо – по-зимнему. Несколько раз приходилось быть в Калинин. Город большой, но завидного в нём после этих извергов осталось мало. Но всё уже сейчас налаживается, и город приобретает прежний*

вид. Нахожусь пока в распоряжении батальона, как и раньше, но по всей вероятности заберут машину в 8 бригаду, ну, и меня в бригаду. Это может немного и ухудшиться для меня, но ничего, уже привыкли ко всему. Сегодня нахожусь на дежурстве по гаражу, так что время писать сейчас бы порядочно, но писать-то уж вроде и нечего. Время 1-ый час за полночь. Сiju в землянке, пришёл погреться, т.е., дядя Саша, признаю тебе – покурить. Ты меня уж за это прости, попривыклось. Без курева-то скучновато. Правда, и его здесь в обрез, даже можно выразиться, что не получаем. . . Землянка большая, но живём 5 человек, остальные разъехались кто куда в командировки. На столе стоит коптилочка, сыплет поток ослепительных лучей. . . Еще один час и я лягу спать. Постель сегодня мягкая, сшил из брезента и набил соломой. Думаю, усну. Как дома подшуркую печку и будет тепло, уютно. . . Дядя Саша, хотелось бы очень повидать вас. Сколько раз я вас видел во сне, и всё вы меня угощали какими-то особенностями, что я после такого сна чувствовал себя превосходно. Да, мои милые, разобьём гитлеровскую гадину и тогда уже вернёмся в родные уголки. . . Ну, мои родные, на этом я заканчиваю своё сочинение. Получите, пишите обо всём. Как у Коли идут дела, у Нины и у тебя, дядя Саша? Как здоровье? Затем, до свидания. Всем, всем от меня по привету. Остаюсь, ваш Генка».

Сохранилось более двадцати фронтовых посланий Геннадия Петухова. Сберёг их любящий дядя Александр Трофимович. В основном, это коротенькие весточки, но в каждой из них тревога за родных. Даже с фронта Геннадий продолжает отправлять в Мыдьёво посылки, заботясь о младших брате и сестре: «Сейчас большинству шофёров дали отпуск, в том числе и мне, пока не будет бензина. Получил денег 185 рублей. Вчера сделал небольшой закуп. Коле купил шапочку, шарфик, Оле – юбочку вязаную белую и две шапочки. . .».

На службе Петухов нареканий не имеет. За боевые заслуги в декабре 1943-го Геннадий Всеволодович получил свою первую медаль. В наградном листе подполковник Грищенко даёт своему водителю такую характеристику: «Сержант Петухов Г.В. в Красной Армии находится с первых дней Отечественной войны. Чётко выполняет приказы командования. Машина работает безотказно. За всё время работы не имеет случаев аварий и поломок машины. Экономит горючее и смазочные материалы, перерасхода по горючему у него нет. Сержант Петухов дисциплинирован, всегда является примером и образцом среди водительского состава роты. Все приказы выполняет аккуратно и своевременно. Готов в любых условиях выполнить задание командования, не считаясь с жизнью. Предан делу партии Ленина-Сталина».

Зимой 1944 года машина Петухова с начальством, заехав в нейтральную зону, была обстреляна немцами. Благодаря профессиональному мастерству водителя или же чудесному промыслу свыше никто из наших тогда не пострадал. «Только шубу у адъютанта подпортили», – вспоминал позднее Геннадий Всеволодович, и каждый год впоследствии отмечал тот день, как дату своего второго рождения. Выдержка из документов военного времени:

«Сержант Петухов неоднократно выезжал в части бригады, выполнявшие боевые задания на переднем крае... 28 февраля 1944 года машина с командиром бригады, управляемая сержантом Петуховым, подверглась в г. Пустошка снайперскому огню противника. Пулями пробиты и спущены три ската. В машину попало 11 пуль. Отважный шофёр Петухов, пренебрегая опасностью для жизни, вывел автомашину со своим командиром бригады из зоны обстрела. За проявленное мужество и находчивость награждаю сержанта Петухова медалью «За отвагу». Командир 5 штурмовой ИСБ РГК полковник Стечишин. 12 марта 1944 год».

Из писем Геннадия видно, как непросто приходилось военным водителям: *«Немца гоним, гадина отступает и всё за собой уничтожает и ко всему этому минирует дороги, а ездить мне приходится порядочно. Но за всё это им придётся дорого заплатить...».*

Известие о капитуляции Германии застало Петухова в Румынии, где его часть на тот момент времени находилась в резерве для ликвидации немецких тылов. После окончания Великой Отечественной Геннадий Всеволодович был переведён на Кавказ и продолжал нести службу еще два года. Домой вернулся лишь в августе 47-го. Все послевоенные годы он поддерживал связь с Анатолием Петровичем Грищенко и даже навещал фронтового друга спустя четыре десятилетия после Победы, о чём свидетельствует запись в его дневнике: *«23 июля 1983 год. В воскресенье были в Москве. На вокзале встретил Петя Грищенко, с ним вместе мы прибыли к моему комбригу – его отцу. Какая это была неописуемая встреча! Приняли нас по родному – просто, душевно, искренно. Около 6 часов вечера до остановки электрички проводил нас сам Анатолий Петрович. Он выглядит прекрасно, не похоже, что ему 83-ий год. Тут и расстались».* Последние годы Петуховы жили в Мяксе, и к ним не раз приезжал в гости сын комбрига, любивший порыбачить на водохранилище.

Мирную жизнь всю без остатка Геннадий Всеволодович посвятил своей семье. Вместе с женой он вырастил восемь детей. Частенько навещал родное Мыдьвево, где с нетерпением ждали встречи с ним Александр Трофимович и сестра Нина с семьёй.

– Каждый приезд дяди Гены был для нас праздником, – вспоминает племянница Людмила Ивановна. – Заходил в дом он всегда одинаково: открывалась дверь, и на пороге появлялся он – высокий, красивый, низко кланялся и говорил: *«Здравствуй, милая сторонущка»*, второй поклон хозяйшке дома (моей маме): *«Здравствуй, Нинушка»* и последний: *«Здравствуйте, все»*. Мы были счастливы видеть его! В дни приезда дяди Гены и из дома не выходили, он поглощал всё наше внимание. Был замечательным рассказчиком – самую обычную историю мог преподнести так, что не удержишься от смеха. Ну, а если в его руках появлялась гармошка – это было особое зрелище. Начнёт играть – за душу берёт, а какой голос у него был! Часто они пели вместе с дядей Сашей – красиво так, с чувством. Затем и мой отец вливался в действо. Чудесный получался хор... Умел дядя Гена и развеселить человека, и в горе утешить. А самому ему жилось нелегко. Приходи-

лось много работать, чтобы прокормить большое семейство. Он брался за любое дело: плотницкое, столярное, был хорошим фотографом — принимал заказы на съемку со всей округи. Думаю, что и сейчас у кого-нибудь из местных хранятся покрывала и скатерти, выполненные дядей Геней в технике трафаретной аппликации. Держал большое хозяйство. В летнее время всей семьей они пропадали в лесу, заготавливая на зиму грибы и ягоды. Дядя Гена был необычайным тружеником. Если вдруг случалось по недомоганию провести день без дела — он считал его прожитым зря. Много читал и занимался саморазвитием. Эту привычку ему в детстве привил Александр Трофимович. Любил дядя Гена классическую литературу и даже детей своих называл именами из известных произведений — Руслан и Людмила, Олег, Игорь... Отличался тонким душевным складом и сам сочинял стихи.

С возрастом Геннадий Всеволодович всё чаще грустил о прошлом. Долгими зимними вечерами, сидя у окна, он подолгу вглядывался в ночное небо и вспоминал: Мыдьево, тепло родительского очага, совместные хозяйские хлопоты и праздники в кругу семьи — счастье, безжалостно разрушенное коллективизацией. Всю жизнь фронтовика мучили душевные раны 30-х. В декабре 1988 года сердце Геннадия Петухова остановилось.

Войны Красной Армии!
Постойм за Родину, как стояли Суворов,
Кутузов, Александр Невский!

Чтобы победить, нужна величайшая
борьба, нужна железная, военная
дисциплина.

ЛЕНИН

Смерть немецким оккупантам!

ВОЙНСКОЕ

Куда

Воеводское Овд.
Мятежский Роберт
Чо Архоничина, в Саге

Фр. Мыдьево

Кому Петухов

Джессон Трофимович

Адрес
отправителя:

2332 "Полевая почта"

Часть "61"

Трофимович Г. В.

Цена 6 коп.

ФРОНТОВЫЕ ПОДВИГИ СЕРЕБРЯКОВЫХ

В семье Геннадия Петровича Чистякова из деревни Старики хранится бесценная реликвия – вырезка из фронтовой газеты со статьёй о его дяде Григории Васильевиче Серебрякове (1920 г.р.). Её в далёком 44-ом боец вложил в письмо и отправил матери в Шалимовское поселение. Военный корреспондент А. Старцев в боевой обстановке ярко описывает один из фронтовых дней и важное для нашего земляка событие – зачисление в партию. . .

В ПАРТИЮ ИДУТ ПАТРИОТЫ РОДИНЫ

«Вблизи раздаются артиллерийские разрывы. Четко слышны пулеметные очереди, винтовочные залпы. Подразделения ведут напряженный бой, отбивают яростные контратаки врага.

В небольшой прифронтовой избушке, вблизи от переднего края, проходит заседание партийной комиссии. Лучшие люди подразделений – бойцы, сержанты и офицеры собрались сюда. На лицах их суровый отпечаток войны. Вчера они отличились в боях. Сегодня их принимают в партию.

– Рассмотрим заявление о приеме в члены ВКП(б) лейтенанта Серебрякова, – объявляет тов. Сидоренко.

Лейтенант рассказывает автобиографию. Члены парткомиссии особо интересуются последними боями, которые на днях провела рота Серебрякова.

– Немцы решили запугать нас, – говорит тов. Серебряков. – Напившись, пьяными, они ринулись во весь рост в «психическую» контратаку. «Русь, капут», – кричали они. «Психической контратаке наши бойцы противопоставили силу советского оружия, умение и смекалку. Пулеметы и автоматы заговорили залпами. Десятки немецких «психов» остались замертво на поле боя. Остальные, одумавшись, еле сумели спасти свои головы бегством назад.

Рота лейтенанта Серебрякова в последнее время провела не один поучительный бой. Недавно она самостоятельно отбила у немцев населенный пункт.

Разведка донесла, что в населенном пункте обнаружено большое скопление артиллерии, танков и автомашин. Серебряков решил: во что бы то ни стало захватить это село, не дать возможности спокойно немцам уйти из села. Он выкатил одно орудие вперед на близкое расстояние к немцам и прямой наводкой уничтожил пушку и пулемет немцев, мешавшие продвижению пехоты. Чтобы не дать возможности немцам без потерь уйти из села, Серебряков направил взвод младшего лейтенанта Сорокина и взвод лейтенанта Боровинского на восточную окраину с задачей перерезать дорогу отхода.

Когда взводы достигли указанного места и подняли панику в стане немцев с тыла, Се-

ребряков усиленными взводом сержанта Батракова ударил в лоб на перекрестках дорог. В уличных боях все взводы взаимодействовали исключительно четко. Немцы не выдержали трехстороннего удара, заматались по улицам, теряя живую силу и оружие.

Умело организованными действиями бойцы овладели селом почти без потерь.

Решением парткомиссии лейтенант тов.Серебряков принят в партию. Каждый день партийная комиссия принимает в партию десятки патриотов родины. Все они не раз отличились в боях и клянутся партии, родине не жалеть жизни своей и крови в бою с немцами».
(Из фронтовой газеты, январь 1944 года)

Месяцем ранее Григорий Васильевич Серебряков за доблестное служение Родине был отмечен военным руководством орденом «Александра Невского». Запись из наградных документов повествует: «7 декабря 1943 года в бою за село Старая Буда Г.В. Серебряков умелым маневром вывел роту во фланг противника и стремительной атакой выбил немцев из занимаемых ими рубежей, закрепившись на южной окраине этого населённого пункта, стойко отразил три контратаки противника. Овладение селением Старая Буда дало возможность другим нашим подразделениям полка успешно продвинуться на 8-10 километров вперед. При этом уничтожено до 40 немецких солдат и офицеров, сожжено 4 танка, подбито два орудия, захвачена исправная автомашина с продовольствием, взято в плен 7 немецких солдат, захвачены штабные документы противника».

Окрылённый успехами наш герой пишет весточку в д. Старики: «Здравствуйте, дорогие родные, с приветом к Вам Григорий Васильевич Серебряков. Спешу сообщить, что я жив и здоров. Живу хорошо. Гоним немца на запад с нашей русской земли. Так что сейчас нахожусь почти всё в боях. Подразделение моё воюет неплохо, продвигаемся только лишь вперед... Успехи всей нашей армии велики, это вы знаете из газет. Немца истребляем беспощадно, т.ч. он навсегда теперь запомнит, как воевать с русским народом...».

До войны Григорий Васильевич окончил Пошехоно-Володарское педучилище. Имея «бронь», как сельский учитель, он в октябре 41-го ушёл на фронт добровольцем, не желая отсиживаться в тылу, в то время, когда страна, проливая кровь, отстаивала родные рубежи и остро нуждалась в защитниках. Окончил курсы младших лейтенантов в Калинин-не и в феврале 1942 года был отправлен на передовую. Вслед за Григорием отправилась воевать и его младшая сестра – красавица Мария (1922 г.р.). Сохранилась её фотография

1943 года с трогательной записью на обороте: «Милая мама, помни, старенькая дорогуша, ту дочь, которую вскормила и воспитала ребенком, настоящего воина. Знай, дорогая, что есть человек, который любит тебя искренно, правдиво, чистой душой, которая согрета твоей материнской любовью и лаской». До войны девушка работала в Толмачевской школе пионервожатой, затем трудилась в местном сельсовете. Её военная служба начиналась в Туле, потом Марию Васильевну перевели на Урал. Там в звании старшины гарнизона, насчитывающего около 200 девушек, М.В. Серебрякова охраняла военный завод. За примерную службу и смелость девушка была награждена медалью «За отвагу».

О семье, в которой выросли Григорий и Мария Серебряковы мне рассказал их племянник Г.П. Чистяков, начав историю издавека:

— Своего деда — отца наших героев — Василия Агапитовича Серебрякова я никогда не видел. Знаю, что в молодые годы он, поссорившись с отцом, уехал из Стариков на заработки в Петербург. Где именно трудился — не знаю, но от бабушки я слышал, что в числе столичных рабочих дед участвовал в событиях 1905 года, вошедших в историю как «Кровавое воскресенье». После восстания он был выслан обратно в родную деревню. Здесь дед — партиз, коммунист — работал председателем волостного исполкома. Со своей будущей женой — моей бабушкой Евгенией Ивановной — Василий Агапитович познакомился, будучи уже немолодым. На момент встречи им обоим было за 30. Бабушка Еня (1883 г.р.) — неграмотная крестьянка — проживала тогда в Мусорском поселении. Уже не надеясь выйти замуж, она построила для себя маленькую «келью», в которой собиралась

в одиночестве встречать старость.

Но судьба распорядилась по-другому, подарив Серебряковым семейное счастье. В браке у четы родились четверо детей: наши отважные защитники — Григорий и Мария, а также Нина и Евдокия (мама Г.П. Чистякова).

Спустя годы толкового руководителя Василия Агапитовича выдвинули на повышение, предложив должность заместителя губернатора Ярославской губернии. Евгения Ивановна такой новости не обрадовалась. — Бабушка Еня рыдала, не хотела уезжать из родных мест, — продолжает Геннадий Петрович. — И дед отказался от должности, за что попал в немилость властей,

став в 30-е годы первым кандидатом в ряды «врагов народа». Председательство передали другому человеку, а деда отправили трудиться в колхоз. Какое-то время он был бригадиром. Бабушка рассказывала, что Василий Агапиович был добрейшим человеком — с себя последние сапоги снимет и отдаст колхознику, если тому не в чем на работу выйти. Жил не для себя, потому и добра никакого не скопил. Когда, припомнив старое, местные власти пришли раскулачивать семью, оказалось, что и описывать в нашем доме нечего. Вынесли лишь шкаф и диван. Главу семьи арестовали и сослали на 10 лет в сибирские лагеря. Отбыв наказание, в 44-ом году Василий Агапитович Серебряков возвращался домой, но из-за болезни был снят с поезда на станции Тайшет Омской области, где умер, так и не увидев родных. А в это время его сын Григорий яростно сражался за Родину. Трижды был ранен в боях.

Из записей в наградном листе на присвоение Г.В.Серебрякову Ордена Отечественной войны II степени можно судить о напряжённости военных действий Красной Армии по освобождению городов и сёл от немецких захватчиков и оценить личный подвиг нашего земляка: «В боях с 4 по 12 октября 1944 года проявил высокое мужество, отвагу и военное мастерство. Находясь непосредственно в боевых порядках, лично руководил работой командиров рот, умело организовывал бои и обеспечил захват сильно укреплённых высот 884, 0, 787, 0, 784, 0, 1097, 0 и выход на государственную границу СССР. При этом уничтожил не менее двух рот противника, захватил в плен 12 венгерских солдат. Взял следующие трофеи: две 37 мм пушки, 5 станковых и 7 ручных пулемётов, 30 винтовок и много боеприпасов. 10 октября при внезапной контратаке противника на высоту 1097, 0 лично руководил боем и правильной расстановкой сил и организацией огня отразил контратаку, уничтожил до 40 венгерских солдат и захватил 3 ручных пулемёта, 10 винтовок и 3 ящика боеприпасов».

Спустя две недели 30 октября 44-го года капитан Григорий Васильевич Серебряков, заместитель по строевой части командира батальона 1161 стрелкового полка 351 стрелковой дивизии погиб и был захоронен в селе Загор Ужгородской области (Чехословакия).

Мария Васильевна Серебрякова прожила долгую жизнь. После Победы она осталась на Урале, создала семью и работала всё на том же заводе, который охраняла в годы войны. Ежегодно в отпускное время женщина приезжала в родную деревню Старики проводить старенькую маму и своих сестёр.

ВИКТОР ИВАНОВИЧ СУХАРЕВ

«Хороши у нас мужики! Хлеборобы истинные, добрые хозяева земли колхозной», — запись, оставленная председателем на обороте рабочей фотографии, ярко характеризует его личностные качества и отражает искреннюю любовь к простому сельскому труженику. В Шалимовском поселении имя этого человека, думаю, известно всем — Виктор Иванович Сухарев, ветеран войны и труда, он 20 лет возглавлял совхоз «Делегат», одно из передовых хозяйств Череповецкого района.

Виктор Иванович появился на свет 23 марта 1924 года в Шулме Нелазского сельсовета. Рано потеряв отца он — старший из четырёх братьев — стал для матери главным помощником. Каждое лето пас колхозных телят, чтобы хоть как-то облегчить тяжёлое поло-

жение семьи и самостоятельно заработать на хлеб. Мама — Мария Григорьевна, трудилась на ферме. В 14 лет Виктор устроился работать конюхом в родной колхоз. Летом наравне с взрослыми он на лошадях пахал и боронил поля. В пятнадцать освоил слесарное дело и уже работал машиноведом. В начале лета 1941 года толкового 16-летнего паренька сельсовет отправил в Ленинград осваивать профессию плотника-столяра, но поучиться не пришлось. Планы нарушила война.

Всех учащихся ФЗО тут же направили на оборонные работы. Июльским днём 41-го на строительстве противотанковых сооружений под Лугой Виктор Сухарев впервые встретился с фашистами, почувствовал запах смерти. Стоял жаркий день. После изнурительных работ ребята отправились искупаться в озере. В этот момент в небе над ними появилась вражеская авиация, с бреющего полёта немцы обстреляли водоём и купающихся в нём подростков. Из 500 мальчишек в тот день в живых осталось 180. Виктор уцелел.

В ночь с 26 на 27 августа на железнодорожной станции Мга он вновь попадает под вражеский налёт. Во время бомбёжки Виктор Иванович был контужен, потерял сознание. От упавшей рядом зажигательной бомбы на нём вспыхнула одежда. Кто-то из взрослых помог затушить её и поднял парня на платформу уходящего в Вологду товарного поезда. Со страшными ожогами спины, с повреждённым глазом и частично потерянным слухом Виктор Сухарев приехал домой. Мария Григорьевна выходила сына. Поправившись, он вернулся в колхоз. А зимой вновь был отправлен на оборонные работы, на этот раз под Череповец — рыл окопы возле Домозёрова.

Осенью 42-го Виктора призвали в армию. Медицинская комиссия определила его к не-

строевой службе. До марта 1943 года юноша учился военному делу в Архангельске, а затем был переведён в Бокситогорск. Там работал в оружейной мастерской. Но отчаянный парень отсиживаться в тылу не желал и просился на фронт. Вскоре ему повезло – формировался полк под Мгу, и не хватало бойцов. Виктор Сухарев вступил в него добровольцем. С марта по июнь 1269 стрелковый полк 382 стрелковой дивизии стоял в обороне под Любанью – на болотах строили укрепления из брёвен. В этот же период Виктор Иванович записался на курсы разведчиков и прошёл двухнедельное обучение. Впоследствии не раз ходил с группой на задания.

В декабре 1943 года Сухарев в составе своей части был переброшен под Новгород. Наши войска готовились к мощнейшему наступлению, единственная цель которого – прорвать блокаду Ленинграда. Уже в мирное время о тех боях Виктор Иванович подробно рассказывал школьникам на уроках патриотизма и мужества. Записанные воспоминания фронтовика сегодня хранятся в шалимовском музее.

– Новый 1944 год мы встретили в сожженной немцами деревне Новгородской области. От селения остались лишь печные трубы. На деревьях висели тела партизан и местных жителей. Дети и старики были брошены фашистами в колодцы. На пепелищах – обгорелые трупы людей, – делился пережитыми впечатлениями В.И.Сухарев. – Наша дивизия, соблюдая маскировку, по глубокому снегу спешно продвигалась к Новгороду. Несмотря на усталость, солдаты рвались в бой. 18 января 1944 года около 4 часов утра весь Ленинградский фронт на многие сотни вёрст был потрясён грохотом тысяч орудий. Сотни самолётов, тысячи танков, сотни тысяч солдат пошли на разгром немцев для окончательного прорыва блокады. Враг был захвачен нами врасплох. . . »

В ходе наступления Виктор Иванович, неудачно прыгнув с моста на лёд, раздробил пяту, но, преодолевая боль, продолжал двигаться вперёд. Штурмом взяли Новгород. Во время короткой передышки Сухареву сделали тугую повязку на ногу, а ночью в составе группы разведки он отправился на задание. Нужно было выйти вперёд и обнаружить пути отступления противника, подать сигнал полку о наступлении. На рассвете разведчики догнали немецкие части. Обнаружив наших, враг пошёл в контратаку. Из малочисленной группы разведки (12 человек) выжить удалось только Виктору Ивановичу. Тяжело раненного его подобрала в лесу подоспевшая пехота. Вражеская пуля прострелила грудь земляка навывлет, пробив лёгкое, а осколком гранаты серьёзно повредило предплечье. Потянулась вереница госпиталей: Новгород, Крестцы, Боровичи, Киров. Восемь месяцев лечения, после которых Сухарев был комиссован и отправлен домой.

С войны Виктор Иванович вернулся без единой медали. О его фронтовом прошлом ярких слов рассказывали шрамы на теле, которыми Великая Отечественная щедро отметила героя. Контузия, потеря зрения в правом глазу, частичная утрата слуха, изуродованная ожогами спина – отметины страшного 41-го года. В 1944-ом удалены части двух рёбер, в

49-ом извлечён осколок гранаты из предплечья, в 71-ом из левой пяты врачи убрали часть кости, отколовшуюся ещё в дни прорыва блокады. Весь «заштопанный» хирургами фронтовик признавался родным, что даже одежду носить ему тяжело. Но, не смотря на это, Виктор Иванович продолжал быть бойцом и до конца своих дней оставался «в строю», а отсутствие военных наград позднее с лихвой компенсировал на трудовом «фронте».

В Шулме он некоторое время работал военруком при школе, потом был секретарём комсомольской организации в родном колхозе «8 Марта». Заметив деловую хватку молодого человека, в 1950-ом сельсовет направил его на трёхгодичную учёбу в областную сельскохозяйственную школу председателей колхозов, по окончании которой Виктору Ивановичу была присвоена квалификация младшего агронома. И осенью 53-го он был избран председателем колхоза «8 Марта». Затем партия направляла его на работу в самые сложные, отстающие хозяйства — «Восток», «Пахарь», а в 61-ом Сухарев возглавил колхоз им.ХХI партсъезда, в котором и закрепился окончательно.

Сам Виктор Иванович в своей автобиографии о состоянии дел в последнем хозяйстве вспоминал так: «Принял колхоз в феврале. Оказалось, что кормов по скудной норме хватит только до марта. Апрель и май кормили скот соломой с крыш и хвойными лапушками. Мы ходили по фермам и поднимали коров на ноги с помощью верёвок...». В 1964 году в результате серьёзных мер, принятых правительством страны, колхозам стали выделять больше средств и техники. Показатели производительности в сельском хозяйстве начали расти. Уже в 68-ом году колхозу им. ХХI партсъезда за успешное выполнение соцобязательств во Всесоюзном соревновании вручили Знамя Совета Министров СССР и ЦК Профсоюза. Одновременно хозяйство получило и денежную премию. Бесспорно, в достижении успехов огромную роль сыграл новый председатель. Виктор Иванович хорошо знал положение дел во всех отраслях своего хозяйства, умело подбирал кадры. Односельчане уважали его за удивительную работоспособность, честность и справедливость. Именно при нём колхоз, реорганизованный в 1970 году в совхоз «Делегат», вышел на рекордные показатели, став одним из лучших в районе, и удерживал высокую планку на протяжении всего времени существования. В личном архиве Сухарева сохранилось немало интересных снимков, отражающих трудовые будни и достижения совхоза. На карточках: лица передовиков, строительство ферм, дорог, мостов, визиты в «Делегат» главных специалистов и руководителей района. За высокие урожаи зерновых, льна и другие успехи Виктор Иванович был награждён Орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак почёта», а также бронзовой, серебряной и золотой медалями ВДНХ.

Здесь же — в Шалимовском поселении — Виктор Сухарев обрёл и семью. Его женой стала вдова из деревни Дьяконово - Антонина Александровна Белякова.

— Мы с младшей сестрой Наташей рано остались без отца, — рассказывает её дочь Тамара Суслова. — Спустя семь лет после смерти папы в наш дом пришёл Виктор Иванович. Мне тогда было 12 лет. Поначалу отношения с ним складывались непросто. Нам — маленьким

девчушкам — трудно было принять чужого мужчину в свою жизнь. Но он сумел найти к нам подход, и вскоре мы почувствовали в его лице родного человека, стали называть папой.

С нашей мамой Виктор Иванович познакомился на шалимовском маслозаводе, где она работала лаборантом. Будучи председателем колхоза, папа часто бывал там с проверкой. Завязалась их дружба, а через полгода родители поженились. Ещё через шесть месяцев Виктор Иванович удочерил нас и записал на свою фамилию. Так мы стали Сухаревыми.

Жили вместе с родителями нашего родного отца Василия Алексеевича: дедушка с бабушкой в зимней части дома, а мы — в летней. Виктор Иванович очень трепетно к ним относился. Помню, когда дедушка в возрасте 93 лет уже слёг, папа на руках носил его в баню. Почитал стариков, как своих родителей и до конца их дней был рядом, во всём поддерживая.

В детстве я любила с папой на машине объезжать колхозные поля — они в то время отличались особой урожайностью. Как-то мы отправились посмотреть: не созрела ли рожь и не пора ли её убирать. Колосья стояли высокой стеной, и мы даже умудрились заблудиться в них. Чтобы узнать в какой стороне находится деревня, пришлось взбираться на капот машины. В работе папа был требователен, как к себе, так и к рабочим. Ценил и уважал добросовестных тружеников, а нерадивых мог наказать и рублём. Контроль работы колхоза с его стороны был жёстким. Одна из наших доярок рассказывала: пришла как-то утром на ферму за полчаса до смены, а там уже Виктор Иванович ходит по стадам — не спится ему в 4 часа. И это было частым явлением. Ещё на рассвете объехав поля и скотники, к утренней планёрке он уже был в курсе всех дел в своём хозяйстве. Механизаторы тоже вспоминают, как папа нередко навещал их во время уборки урожая: комбайнёры в поле с раннего утра, устали уже, а работу завершить необходимо — вдруг завтра дождь. Отец, жалея их, привозил из дома или магазина что-нибудь перекусить для ребят, и после небольшого отдыха они продолжали уборочную до самой темноты. Рабочие ценили уважительное отношение к себе со стороны председателя. И папа гордился прекрасными тружениками, достижения которых не раз отмечались высокими правительственными наградами.

Отец и дня не мог сидеть без дела. У него были золотые руки. Резные наличники, украшающие наш дом, славились на всю округу, и многие приезжали к нам за трафаретами. С теплотой вспоминаю тихие семейные вечера в нашем уютном доме. Папа много говорил с нами о земле, деревне и людях, живущих в ней. Только повзрослев, я стала понимать, насколько любил он эту землю! Я восхищалась отцом и впоследствии пошла по его стопам, выбрав профессию агронома. Обе с сестрой мы получили высшее образование, папа всегда этому способствовал. Жили тогда не богато, маме приходилось экономить, но отец, украдкой от неё, частенько отправлял нам денежные переводы: то пять рублей, а когда и десять пришлёт. По тем временам это были немалые деньги. Он был прекрасным отцом, а позднее и дедом. Маленьким внукам папа часто рассказывал сказки, которые сам же сохodu и сочинял. А когда ребята подросли, отец делился с ними воспоминаниями о войне. Они слушали

его и сопереживали. А он всегда повторял: «Не дай вам Бог испытать того, что пришлось пережить нашему поколению».

Всю жизнь Виктора Ивановича тревожили фронтовые раны, но он никогда и никому на это не жаловался. Даже выйдя на пенсию, продолжал вести активный образ жизни: вёл приусадебное хозяйство, помогал совхозу словом и делом, часто с назидательными речами выступал перед школьниками, а в последние годы возглавлял районный совет ветеранов-инвалидов. В 1993 году за неделю до Дня Победы Виктор Сухарев в своём последнем интервью «Сельской нови» на вопрос корреспондента: «Откуда эта сила духа?», ответил коротко: «Жизнь закалила. Когда побываешь на краю пропасти, оценишь по-настоящему мирный труд, и небо, и землю». Через три месяца Виктора Ивановича не стало.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА.....	3
К 230-летию К.Н. Батюшкова	
Нечто о поэте и поэзии.....	4
Валентина Чусова	
Поиск и обретения.....	8
Игорь Ваганов	
Война и муза К.Н. Батюшкова.....	19
Н.П. Морозова, Г.В. Флёрова	41
Нина Фоминых	
При миссии нашей в Неаполе	46
А.Н. Батюшкова.....	48
Валерий Шлыков	
Русский Гельдермин.....	51
Елена Максимова	
Крест в небе	54
СТИХИ, ПОСВЯЩЁННЫЕ К.Н. БАТЮШКОВУ	56
ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧЕРЕПОВЦА	
Валентина Чусова	
Через тернии к добру.....	64
Надежда Деревягина	
Сердца тихий жар.....	70
Леонид Вересов	
Из истории литературной премии.....	88

КРИТИКА

Валерий Анохин

Мне зелень вёсен нашептала	93
----------------------------------	----

Максим Приходский

Рецензия на стихи Нины Кожиной	98
--------------------------------------	----

ПОЭЗИЯ

Нина Кожина.....	101
Николай Войтенко	106
Наталья Абросимова	110
Валентина Глушанкова.....	113
Елена Максимова	117
Татьяна Новикова.....	120
Валентина Горушкина.....	125

ПРОЗА

Альбина Королёва	128
Павел Шилов	136

ПЕСЕННЫЙ ЧЕРЕПОВЕЦ

Наталья Абросимова

Свет звезды моей	142
------------------------	-----

Владимир Лежнев

У костра мы посидим.....	145
В городском парке.....	149

Елена Максимова

Белый храм.....	150
-----------------	-----

ПАМЯТЬ

Людмила Цветкова

Судьбы, опалённые войной	151
--------------------------------	-----

Альманах издан на средства гранта,
предоставленного Фондом «Перспектива» для реализации проекта:
«Краеведческая программа «Отечески Пенаты»
(на базе образовательных учреждений
Череповецкого муниципального района Вологодской области)»

Автор проекта – Елена Максимова
Ответственный редактор – Елена Максимова

Редакционная коллегия:

Климина И.А.
Кузнецов Н.В.
Волков А.Н.

Компьютерная верстка – З.В. Грейчайтис
Корректор – М. Волкова

На обложке фото Ильи Дровнина:
вид на усадьбу Батюшковых в Хантанове с верхнего уступа.

НАД ШЕКСНОЙ...

Сдано в набор 25.04.2017 г. Подписано в печать 22.05.2017 г. Формат 60х84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Myriad Pro. Печать типографская. Тираж 300. Заказ ИДЧП00001687

Отпечатано в ООО «Издательский дом – Принт»,
г. Череповец, ул. Metallургов, 14а

18+